

ДУХА НЕ УГАШАЙТЕ!

I. Фессалоник. V, 19.

По поводу статьи Л. Тихомирова «Духовенство и Общество въ современномъ религіозномъ движеніи». (Русск. Обзор. 1892 г., кн .

ПЕТРОГРАДЪ.

Печатня Е. Евдокимова, Троицкая улица, д. 18.

1895.

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА на 1895 годъ

НА ЕЖЕМЪСЯЧНЫЙ ПОЛИТИЧЕСКІЙ, ЛИТЕРАТУРНЫЙ И ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЬ

РУССКАЯ ВѢСЬДА

ПРОГРАММА ЖУРНАЛА:

1) Статьи политическія по выдающимся событіямъ въ Россіи и за границей. 2) Статьи литературнаго, экономическаго, историческаго и духовнаго содержанія. 3) Церковный отдѣль. 4) Историческіе, бытовые и этнографическіе очерки, монографіи, воспоминанія, путешествія, жизнеописанія замѣчательныхъ дѣятелей на всѣхъ поприщахъ, описанія нравовъ, обычаевъ и разныя другія статьи научнаго и описательнаго характера. 5) Романы, повѣсти, рассказы, стихотворенія и народныя пѣсни. 6) Правительственныя распоряженія и отчеты о засѣданіяхъ различныхъ обществъ. 7) Внутренняя и внѣшняя хроника разныхъ событій, извѣстія и письма внутреннія и заграничныя. 8) Обзорніе газетъ и журналовъ. 9) Библиографія и критика. 10) Извѣстія и послѣднія новости. 11) Рисунки, соотвѣтствующіе содержанию статей. 12) Справочный отдѣль.

БЕЗПЛАТНЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ КЪ «РУССКОЙ ВѢСЬДѢ» БУДЕТЬ ВЫХОДИТЬ

БЛАГОУСЪ

съ статьями богословскаго и церковно-историческаго содержанія.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

съ доставкою и пересылкою во всѣ города Россіи и за границу
на годъ 6 руб. — на полгода 3 руб.

Подписка принимается: въ конторѣ «РУССКОЙ ВѢСЬДЫ», С.-Петербургъ, Троицкая ул., д. № 18, въ Славянскомъ Обществѣ у Александринскаго театра, д. № 9, а также въ книжныхъ магазинахъ «Новаго Времени» и другихъ.

Можно требовать высылки изданія съ наложеннымъ платежемъ.

Статьи, повременныя изданія и книги въ обмѣнъ и для отзывовъ просятъ высылать въ С.-Петербургъ: Троицкая ул., д. 18, въ Типографію Е. Евдокимова, или Пет. стор., Больш. пр., д. 1, А. В. Васильеву.

Издатели: А. В. Васильева, Е. А. Евдокимовъ и В. С. Драгомѣрецькій.

ДУХА НЕ УГАШАЙТЕ!

I Тессалоник. V, 19.

По поводу статьи Л. Тихомирова «Духовенство и Общество въ современномъ религіозномъ движеніи». (Русск. Обзор. 1892 г., кн. 9).

ИЗДАНИЕ „БЛАГОУСТЯ“.

Петроградъ, Петровская сторона, Большой пр., домъ 1.

1894.

Предисловіе.

Не запоздалыми ли являются разборъ и опроверженіе? Почему журнальной статьѣ въ какой-нибудь печатный листъ посвящается печатный же трудъ, много превосходящій ее по объему?

Такіе вопросы невольно мелькнутъ въ головѣ у читателя при первомъ же взглядѣ на заглавіе настоящихъ, предлагаемыхъ его вниманію, страницъ. Поневолѣ же долженъ и я представить свои объясненія и хотя отчасти посвятить читателя въ исторію моего труда.

Написанъ онъ былъ тотчасъ по прочтеніи статьи г. Тихомирова, т. е. еще въ концѣ 1892 года. Первою причиною медленности выпуска въ свѣтъ является собственное мое духовное настроеніе, не покидавшее меня во все время работы. Тяжелъ подвигъ обличенія и притомъ суроваго обличенія, который предпринималъ я и который въ извѣстной степени чувствовалъ себя обязаннымъ совершить, по мѣрѣ силъ моихъ, знанія и умѣнія. Не менѣе тяжело и нѣкотораго рода учительство, или, точнѣе, то, что можетъ для кого-либо показаться учительствомъ, когда нѣтъ для него никакого *внѣшняго* обязательства и только внутренній долгъ побуждаетъ къ засвидѣтельствуванію пренебреженной истины. И вотъ, въ виду этихъ-то почти исключительно личныхъ обстоятельствъ, не столько работа моя, сколько рѣшеніе обнародовать ее путемъ печати требовали времени, медленности и ожиданія, стоили мнѣ немалой духовной и нравственной борьбы. Въ началѣ 1893 года статья моя была уже набрана для журнала «Благовѣсть», для котораго была она и написана и задумана. Желаніе, чтобы опроверженіе появи-

лось въ томъ же органѣ, гдѣ напечатана была и опровергаемая статья, побудило, однако, и меня, и уважаемую редакцію «Благовѣста» предложить напечатаніе его редакціи «Русскаго Обзорнія». Долго колебалась эта редакція и только въ январѣ текущаго года появилось начало моей статьи. Но въ какомъ видѣ? Рѣшившись пожертвовать взглядомъ на Церковь, выраженнымъ въ статьѣ г. Тихомирова и совершенно противоположнымъ взгляду, мною высказываемому, редакція «Русскаго Обзорнія» не рѣшилась пожертвовать менѣе существеннымъ, а потому, вопреки моему требованію, выпустила статью мою въ совершенно искаженномъ и изуродованномъ видѣ, исключивъ изъ нея всѣ мѣста, имѣющія сколько-нибудь полемиическій и критическій характеръ, т. е. выставивъ меня борющимся только съ вѣтряными мельницами Донъ-Кихота. Съ февраля прекратилось и самое печатаніе, менѣе чѣмъ на половинѣ статьи.

Но что же побудило меня отвѣчать такъ пространно на столь незначительную, по размѣру, статью? По размѣру?.. Статья г. Тихомирова *сама по себѣ* не значительна и не по одному только размѣру. При бодромъ, жизненномъ напряженіи религіозной и церковной жизни, хотя бы и смущаемомъ отдѣльными проявленіями иноученій и лжеученій (когда не бывало ихъ?!), она прошла бы совсѣмъ незамѣтною, на нее не обратили бы никакого вниманія, ибо она является сама по себѣ только плодомъ невѣдѣнія и неразумѣнія ея автора по отношенію къ тѣмъ глубоководнымъ вопросамъ, которые вознамѣрился онъ обсуждать. Но, если невѣдѣніе и неразумѣніе распространено, составляетъ своего рода повальный недугъ, то всякое выдающееся проявленіе его, въ силу вещей, становится общественнымъ явленіемъ. И вотъ такимъ образомъ ничтожная и незначительная сама по себѣ статейка г. Тихомирова сдѣлалась общественнымъ явленіемъ, событіемъ, обратившимъ на себя всеобщее вниманіе. Первымъ, сколько помнится, отвѣчалъ на нее В. С. Соловьевъ, какъ выслушавшій своего рода анаѣму изъ устъ г. Тихомирова. Затѣмъ послѣдовали превосходныя статьи г. Соломона въ «Гражданинѣ», статьи Аристова и Рцы въ «Благовѣстѣ». Православный міръ въ ихъ лицѣ прочелъ строгую отповѣдь г. Тихомирову. Косвеннымъ образомъ коснулись новоученій г. Тихомирова краснорѣчивый Амвро-

сій, архієпископъ Харьковскій и молодой авторъ слова въ день Николая Чудотворца, произнесеннаго въ академической церкви у Троицы и напечатаннаго также въ журналѣ «Благовѣсть». Защитниковъ возрѣній г. Тихомирова, хотя преимущественно анонимныхъ, набралось также не малое число. По крайней мѣрѣ много сочувственныхъ себѣ печатныхъ отзывовъ насчитываетъ самъ г. Тихомировъ, отвѣчая своимъ, стоящимъ сознательно на церковной почвѣ, критикамъ. Чѣмъ же объясняется это сочувствіе? Разумѣется тѣмъ и исключительно только тѣмъ, что невѣдѣніе и неразумѣніе, до тѣхъ поръ молчавшее, нашли себѣ въ г. Тихомировѣ голосъ, опознали въ немъ свое выраженіе и плѣнились имъ, нуждаясь въ самооправданіи. «Среди братій нашего Высокопреосвященнаго митрополита, пишетъ напр. какой-то Григорій Георгіевскій въ «Московскихъ Церковныхъ Вѣдомостяхъ», до сихъ поръ (Февраль 1893 г.) много говорятъ по поводу статьи г. Л. Тихомирова. Смыслъ этой статьи весьма простъ: пастыри Церкви вѣдаютъ вопросы вѣчной жизни, а міряне должны только усваивать рѣшеніе этихъ вопросовъ со словъ церковныхъ пастырей, потому что учительство въ Церкви Христовой принадлежитъ только этимъ послѣднимъ. Но это азбучное условіе церковнаго благочинія *тяжко* слышать нѣкоторымъ современнымъ братіямъ (курсивъ подлинника). Съ тѣхъ поръ, какъ церковная и свѣтская сторона русской жизни раздѣлились между собою, даже до антагонизма по временамъ, стало замѣтнымъ весьма странное отношеніе къ тому, что искони почиталось въ Церкви главною обязанностью и неприкосновеннымъ правомъ ея предстоятелей—къ церковному учительству» («Московскія Церк. Вѣд.» 1893 в. 3). Вопросъ, конечно, весьма простъ, если Церковь представляетъ изъ себя только состоящее изъ пастырей «вѣдомство вопросовъ вѣчной жизни» и сословіе мирныхъ и спокойныхъ обывателей, усваивающихъ отвѣты. Но вѣдь это во-первыхъ—карикатура на Церковь и притомъ дерзкая карикатура, а не Церковь, какъ возвѣщали ее Апостолы и Святые Отцы и какою представляется она вѣрующимъ, православнымъ людямъ. Во-вторыхъ г. Георгіевскій вставляетъ въ ученіе г. Тихомирова нѣкоторую поправку. Г. Тихомировъ, какъ увидитъ читатель на первыхъ же страницахъ нашего труда, при-

знаетъ духовенство, т. е. какъ разъ то вѣдомство, о которомъ говоритъ его панегиристъ, — обязаннымъ учить только въ разбродъ и по одиночкѣ къ нему входящихъ людей, а не возлагаетъ на него обязанности учительства въ широкомъ и истинномъ значеніи этого слова. Такимъ образомъ значительная часть мирныхъ обывателей можетъ оставаться и совсѣмъ безъ подлежащихъ усвоенію отвѣтовъ. Явно, что г. Тихомировъ и его панегиристъ или послѣдователь сходятся только въ томъ, что представляется для нихъ обоихъ наиболѣе существеннымъ, т. е. въ томъ, что учительство въ Церкви есть неприкосновенное «право ея представителей», которымъ они — эти представители — могутъ пользоваться и не пользоваться, тогда какъ мірянинъ не имѣетъ ни этого, ни какого бы то ни было вообще права и можетъ оставаться безъ всякаго отвѣта, если въ головѣ его почему-либо не зародится вопроса о вѣчной жизни и онъ не надумается для «усвоенія рѣшенія» направиться къ одному изъ представителей вѣдомства «вопросовъ вѣчной жизни». Но если Церковь, какъ уже сказали мы, отнюдь не тождественна съ изображаемымъ у г. Георгіевскаго институтомъ, то вѣдь и мірянинъ — не мирный обыватель только, а облеченный своего рода чиномъ членъ Церкви, получающій при крещеніи «благодать независтную» и «дары Духа» вовсе не тождественные съ усвоеніемъ отвѣтовъ на задаваемые вопросы, т. е. съ зубреніемъ устнаго или печатнаго катехизиса.

Въ такомъ же духѣ и приблизительно также высказывались и нѣкоторые другіе панегиристы Л. Тихомирова, какъ напр. авторъ статьи въ «Кишиневскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ». Все это еще болѣе укрѣпляло насъ въ убѣжденіи, что г. Тихомировъ, можетъ быть, и самъ даже того не сознавая, явился только голосомъ, въ которомъ общественное недоразумѣніе и невѣдѣніе истиннаго существа церковнаго нашли себѣ выраженіе и оправданіе. Безпокойная совѣсть бездѣйствія нашла себѣ успокоеніе отъ разсужденій г. Тихомирова. Но объ этомъ успокоеніи надо было заявлять болѣе или менѣе торжественно и въ то же время отражать нападенія нарушителей соннаго покоя въ родѣ г. Соломона, Аристова, Рцы и др. Вотъ почему незначительная сама по себѣ статья г. Тихомирова обратила на себя вниманіе

многихъ, вызвала толки и оживленные споры, не прерывающіеся и до сего еще времени.

Недавно еще въ прибавленіи къ «Церковнымъ Вѣдомостямъ», издаваемымъ при Св. Правительствующемъ Синодѣ, появилась статья протоіерея Петра Смирнова, косвеннымъ образомъ касающаяся и разсужденій г. Льва Тихомирова, и той части моего труда, которая въ искаженномъ, какъ уже сказалъ я, видѣ напечатана въ двухъ книжкахъ «Русскаго Обзорнія». Я не стану останавливаться на общемъ характерѣ своего рода энциклики о. протоіерея Смирнова, ничѣмъ не подтверждающаго правоты своихъ соображеній, такъ какъ готовлю къ печати обширный разборъ высказанныхъ въ ней воззрѣній, въ которомъ личнымъ соображеніямъ и мнѣніямъ отца протоіерея попытаюсь противопоставить свидѣтельства отцовъ и учителей Церкви. Коснусь въ настоящемъ случаѣ только того мѣста энциклики, которое касается меня лично и моей статьи. «Нѣкто, сторонникъ учительства мірянъ,—разсуждаетъ многоуважаемый о. протоіерей,—начиная дѣло издалека, сперва длиннымъ рядомъ соображеній доказываетъ, что мы, ближайшіе служители Церкви, неправильно называемся духовенствомъ, а должны называться клириками. Затѣмъ, основываясь на комментаріи Вальсамона къ Номоканону Фотія, доказываетъ, что клириками называются не одни пресвитеры и діаконы, но чтецы и пѣвцы, и наконецъ переходитъ къ сути дѣла». (Слѣдуетъ выписка изъ стр. 21 настоящаго труда). «Авторъ, продолжаетъ о. протоіерей, не принимаетъ въ расчетъ различіе степеней церковныхъ».

Читатель моей книги пойметъ, что всѣ обвиненія эти вполне лишены основанія. Прежде всего онъ, конечно, замѣтитъ, что на указанной выше страницѣ я излагалъ вовсе не *суть* дѣла, какъ ошибочно предполагаетъ о. протоіерей, ибо для меня суть дѣла въ совершенно иномъ, а просто мимоходомъ указалъ между прочимъ и на употребленіе г. Тихомировымъ не-церковнаго слова «духовенство», заимствованнаго, какъ переводъ нѣмецкаго термина Geistlichkeit, въ Петровскую эпоху заодно съ многими другими заимствованіями. Но замѣчаніе мое почему-то показалось о. Смирнову особенно неприятнымъ. Ничѣмъ не доказывая неправильности этого, вполне доказаннаго мною положенія, онъ просто ставитъ его мнѣ въ упрекъ. Указы-

вая на заимствованіе, я не дѣлаю изъ этого никакихъ заключеній, а просто говорю, что «духовенство есть послѣ-петровскій терминъ, обозначающій и послѣ-петровское же понятіе; Церковь этого термина не приняла и не знаетъ, ибо съ понятіемъ о духовенствѣ связываются представленія, не связывающіяся съ понятіемъ о клирѣ». Правильно ли или неправильно называются въ настоящее время пастыри и вообще служители Церкви не древнимъ присвоеннымъ имъ Церковью наименованіемъ, а созданнымъ практикою и доктриною протестантства и затѣмъ уже буквально переведеннымъ на русскій языкъ—этого я не опредѣлялъ и не опредѣляю.

Недоволенъ также о. протоіерей и тѣмъ, что я не почитаю обязанность учительства присущей всему сословію священно- и церковно-служителей, т. е. клиру, духовенству или, какъ угодно будетъ назвать его. «Авторъ, говоритъ онъ, очевидно не принимаетъ въ расчетъ различія степеней церковныхъ въ дѣлѣ учительства. Чтецу и пѣвцу дано чтеніе молитвъ, псалмовъ, другихъ книгъ Писанія, даже Апостола, пѣніе стихирь, тропарей и другихъ пѣсней... Діакону дозволяется чтеніе не только Апостола, но даже Евангелія... Діаконамъ же, какъ ближайшимъ помощникамъ священника, дается право читать и съ церковной кафедры поученія отцовъ, а нѣкоторымъ изъ нихъ, въ силу получаемата ими образованія, право и собственнаго составленія поученій, но подѣ ближайшимъ руководствомъ священника. То же и при томъ же условіи дозволяется и окончившимъ семинарскій курсъ псаломщикамъ. Священникъ призывается не только къ возвѣщенію Евангелія, но и къ собственному преподаванію слова Божія». Смѣю предположить, что не я не принимаю въ расчетъ различія степеней церковныхъ въ дѣлѣ учительства, а именно о. Петръ Смирновъ, смѣшивающій церковное учительство въ широкомъ значеніи этого слова съ учительскою дѣятельностью пастыря. Церковь, вся Церковь, въ силу вѣреннаго ей Писанія и Преданія, учительствуетъ устами діакона, голосами чтеца и пѣвца. Но развѣ то же слово Божіе не можетъ читаться каждымъ и для самого себя, и для семьи своей, и для всѣхъ присныхъ и постороннихъ, разумѣется только въ другомъ помѣщеніи? Развѣ та же пѣснь такъ-же, а иногда и еще болѣе учительно не исполняется въ томъ же храмѣ голо-

сами цѣлаго хора не принадлежащихъ ни къ клиру, ни къ духовенству людей, не можетъ зачастую исполняться всѣмъ церковнымъ народомъ? Развѣ не извѣстно, что въ древней Церкви и пѣніе, и отвѣтныя молитвы были всеобщими, вслѣдствіе чего всеобщимъ было и взаимоучительство? Наконецъ, развѣ однимъ только голосомъ, одними только устами учительствуетъ Церковь во храмѣ во время богослуженія? Краснорѣчивѣе всякой проповѣди учительствуетъ зачастую видъ и взоръ отдѣльнаго молящагося человѣка, а еще болѣе молящагося народа. Велика и въ этомъ смыслѣ учительная сила соборной молитвы. Развѣ не учительствуютъ въ храмѣ безмолвные лики иконъ, трепетное сіяніе лампадъ, колышашіяся волны еиміама?.. Но для чего намъ говорить своими словами, когда мы можемъ предоставить слово самому Златоусту? «Если большій станетъ унижать меньшаго, говоритъ онъ, то не мало повредитъ себѣ самому... Что униженіе просящихъ милостыню? Однако, и они приносятъ въ Церкви великую пользу, находясь постоянно при дверяхъ храма и составляя великое украшеніе, такъ что безъ нихъ не была бы совершенна полнота Церкви. Это видѣли и Апостолы и потому въ самомъ началѣ постановили правила, какъ о всемъ прочемъ, такъ и о вдовицахъ и прилагали о нихъ такое попеченіе, что поставили для служенія имъ семь діаконовъ. Когда я исчисляю членовъ Церкви, то именуя епископовъ, пресвитеровъ, діаконовъ, дѣвственницъ и воздержныхъ, именую также и вдовицъ, потому что и онѣ составляютъ немаловажную потребность. Ты приходишь въ церковь, когда захочешь, а онѣ день и ночь здѣсь присутствуютъ и *поютъ*, дѣлая это не для одной только милостыни... Не такъ успѣшно врачъ, протирая руку и прилагая желѣзо, очищаетъ гнилыя раны, какъ нищій, протягивая руку и получая милостыню, изглаждаетъ струны язвъ; и, что особенно удивительно, они безъ причиненія боли и страданій совершаютъ свое спасительное врачеваніе... Они готовы скорѣе умереть съ голода, нежели посрамить свою жизнь и потерять спасеніе; они сидятъ цѣлый день, предлагая тебѣ средства къ спасенію. *Не мѣтай насъ, сидящихъ передъ народомъ и поучающихъ васъ полезному*, поучаютъ и они своимъ молчаніемъ и видомъ, сидя у дверейъ церковныхъ. Мы каждый день внушаемъ вамъ: не высокоумствуй человѣкъ;

скоротечно и непостоянно естество человѣческое; юность спѣшитъ обратиться въ старость, красота въ безобразіе, сила въ немощь, здравье въ болѣзнь, слава въ посрамленіе, богатство въ бѣдность... То же самое и еще больше того внушаютъ и бѣдные своимъ видомъ и примѣромъ, и внушеніе ихъ есть самое ясное». (Бесѣда на I Посл. къ Коринѣ. Русск. пер. II стр. 153, 154).

Таково учительство Церкви въ широкомъ значеніи этого слова. Совершенно иное значеніе имѣетъ пастырское, обязательное учительство, о которомъ и шла и идетъ въ настоящее время рѣчь. Въ этомъ видѣ учительства учащій не только является сознательнымъ или безсознательнымъ орудіемъ проповѣди церковной, но непремѣнно отъ себя уже вноситъ нѣчто къ совершенству или несовершенству проповѣдуемаго. Не свое, конечно, ученіе проповѣдуетъ онъ, а ученіе той же Церкви; но отъ него зависитъ сдѣлать его болѣе яснымъ, очевиднымъ, болѣе дѣйствующимъ на души слушающихъ. Отъ его духовнаго дара, отъ его способностей, отъ его настроенія, рвенія и усердія зависитъ успѣхъ и сила ученія. Въ этомъ отношеніи между священствомъ и церковно-служительствомъ лежитъ рѣзкая различающая черта, которую напрасно, въ интересахъ возвышенія сословія, старается сгладить отецъ протоіерей Смирновъ. Ни чтець, ни пѣвецъ, ни діаконъ—не пастыри, а священникъ—пастырь, отвѣтственный за паству и обязанный поучать ее силою своего слова. Исчисляя свойства, которыми долженъ обладать діаконъ, Ап. Павелъ не намекаетъ даже на учительность, а объ епископѣ и несущемъ его обязанности пресвитерѣ прямо говоритъ, что они должны быть учительны. Такое же различеніе полагается и въ самой формулѣ посвященія. Не имѣя подъ рукою Чиновника архіерейскаго служенія, мы приведемъ весьма близкія къ нимъ по содержанію формулы, представляемыя книгою «Апостольскихъ Постановленій». Такъ при посвященіи уподіакона говорится только: «иже въ скинїи свидѣтельства блюстителя явивый святыхъ твоихъ сосудовъ стражи, самъ и нынѣ призи на раба Твоего сего, избраннаго уподіакона, и даждь ему Духа Святаго, во еже достойно касатися служебныхъ Твоихъ сосудовъ и творити волю Твою всегда». Объ обязанностяхъ діакона и испрашиваемыхъ для него дарахъ говорится съ меньшею опредѣленностью.

«Услыши молитву нашу, Господи, и вонми моленію нашему и яви лице Твое на раба Твоего сего, избраннаго Тебѣ въ діаконство и исполни его Духа Святаго и силы, яко исполнилъ еси Стефана мученика и подражателя страстямъ Креста Твоего и сподоби его, благородно служаща врученное ему служеніе непревратно, непорочно, незасорно, вящія сподобитися степени». Отсутствие какого-либо намека на учительское служеніе подтверждается еще и тѣмъ обстоятельствомъ, что почти буквально также гласятъ формула посвященія діакониссы. Совершенно иначе гласятъ заключительныя слова посвященія священника. «И исполни его духа благодати и совѣта еже заступити и правити люди Твоя (собственно: править и поддерживать народъ Твой) въ сердцѣ чистѣ... И нынѣ, Господи, подаждь, неоскуденъ сохраняя въ насъ духъ благодати Твоея, яко да исполненъ бывъ дѣйствъ цѣлительныхъ и слова поучительнаго (λογου διδακτικου) во смиреніи да поучаетъ народъ Твой (παιδευει σου τον λαον) и служить Тебѣ въ чистой мѣсли и душѣ стремящейся и совершаетъ за народъ Твой непорочныя священнодѣйствія». Ясно видно, что ни чтець, ни діаконъ не призываются ни управлять народомъ церковнымъ, ни поддерживать его, а потому для нихъ и не испрашивается молитвами сила и даръ учительнаго слова, не возлагается на нихъ и обязанность въ кротости научать народъ церковный.

Изъ всего сказаннаго явствуетъ, что не я «не принимаю въ расчетъ различія степеней церковныхъ въ дѣлѣ учительства», а самъ о. Смирновъ, слишкомъ обобщающій дѣло служенія, къ которому призываются члены сословія или клира церковнаго, престижъ котораго усиленно онъ отстаиваетъ. Только одни священники въ сословіи этомъ являются представителями, учителями и правителями народа церковнаго; только они одни—пастыри, а всѣ остальные не имѣютъ и тѣни пастырскаго призванія, не имѣютъ непосредственной обязанности, учить и поучать. Если они и несутъ спеціальныя, особенныя богослужебныя обязанности, то развѣ народъ церковный не несетъ ихъ въ свою очередь да и въ значительно, большей еще степени? И теперь еще даже по «служебнику» отвѣтныя молитвы и пѣснопѣнія идутъ не отъ лица чтеца, пѣвца или псаломщика, представляющаго какой-то новый чинъ, а отъ имени лика—т. е. ка-

кого-то неопредѣленнаго собирательнаго лица. Если же взглянуть на древнія рукописи, на собранія древнихъ литургій, хотя бы даже въ русскомъ переводѣ, какъ изданы онѣ Петербургскою Духовною Академіею, то не трудно убѣдиться, что вмѣсто этого слова «ликъ» стоитъ слово народъ (*λαος*). Если прочесть толкованія нѣкоторыхъ мѣстъ богослуженія у Златоуста или другихъ отцовъ, то станетъ яснымъ, что молитвы эти суть молитвы все-народныя, что участіе всего народа въ богослуженіи не только признается, но и высоко даже ставится великимъ свѣтиломъ Антиохіи и Константинополя, не находящаго страннымъ, что народъ возглашаетъ вмѣстѣ съ священнослужителями, «когда онъ вмѣстѣ съ херувимами и серафимами возноситъ трисвятую пѣснь къ престолу Божію». Не въ учительствѣ какого бы то ни было рода или вида состоитъ богослужебное назначеніе діакона, а въ призывѣ народа и самого священника къ молитвѣ и священнодѣйствию, въ руководствѣ молитвенною дѣятельностью народа. Онъ является въ этомъ отношеніи не только служителемъ священника, но и посредникомъ между священникомъ и народомъ. Богослужебныя обязанности священника и народа согласуетъ, связуетъ и объединяетъ онъ своими возглашеніями. Если на обязанности діаконъ лежало въ древнее время указаніе мѣстъ молящимся, наблюденіе за порядкомъ и благочиніемъ среди нихъ, а также и охрана дверей церковныхъ, то и до сего времени ими поддерживается и указывается порядокъ и строй богослуженія. Они призываютъ священника ко всякому дѣйствию, напоминаютъ ему, что «время сотворити Господеви», они обращаются къ нему съ призывами: благослови, владыко!—пожри, владыко!—прободи, владыко! они приглашаютъ священника къ благоговѣнному возношенію мыслей къ Богу. Они же приглашаютъ народъ къ молитвѣ, къ вниманію, къ доброму стоянію и мирному принесенію святаго возношенія. Діаконъ же указываетъ народу предметы моленія и порядокъ моленія, такъ сказать влагаетъ ихъ, если не цѣликомъ въ уста, то цѣликомъ въ душу молящихся, призываетъ вѣрныхъ къ лобзанію мира, удаляетъ оглашенныхъ, а въ прежнее время и кающихся, призываетъ вѣрныхъ приступить со страхомъ Божіимъ и вѣрою къ святымъ таинствамъ. Безъ посредства и участія діакона не могли бы быть «общія и со-

гласныя молитвы», за которыя благодарится даровавшій ихъ Богъ въ молитвѣ третьяго антифона. Отъ того и называютъ діакона Отцы Церкви возвѣстителемъ, бирючемъ или герольдомъ (*κροζυβῆ*). «Діаконъ, говоритъ Дмитревскій, долженъ предшествовать возглашеніями своими каждому священному дѣйствию, увѣдомляя какъ священнослужителя, такъ и весь предстоящій народъ, что они дѣлать должны; для того ни единого не бываетъ въ церкви дѣствія, къ которому бы гласъ діаконскій не подготовлялъ и не возбуждалъ присутствующихъ». (*Дмитревскій. Изъясненіе на Литургію, § 24*). Для подаванія знака при возглашеніяхъ вооружены діаконы и орарами, имъ только однимъ присущими, какъ орудіями ихъ непосредственнаго служенія. Римско-католическая церковь, устранивъ богослужебную дѣятельность народа, упразднила и институтъ діаконства, какъ сдѣлавшійся не нужнымъ. Въ православіи, гдѣ молитвы еще продолжаютъ быть общими и согласными или, точнѣе, продолжаютъ сливаться въ общность и согласіе, будучи распредѣлены между священникомъ и народомъ, исходя то отъ одного, то отъ другаго, діаконство сохранилось, ибо должно было сохраниться.

О. протоіерей Смирновъ утверждаетъ также, что «діаконамъ дается право читать и съ церковной кафедры поученія святыхъ отцовъ и учителей Церкви, а нѣкоторымъ, *въ силу полученнаго ими образованія* (семинарскаго) право и собственнаго составленія поученій, но подъ ближайшимъ руководствомъ священника». Подчеркнутое нами объясненіе врядъ ли представляется заслуживающимъ уваженія, такъ какъ такое предоставленіе совершалось и тогда, когда не было еще ни школъ, ни аттестатовъ, ни свидѣтельствъ объ окончаніи курса, хотя уполномочиваніе шло, конечно, только отъ епископа, а не отъ каждаго священника, которому заблагоразсудилось бы возложить на своего діакона свою непосредственную обязанность, неисполненіе которой сопровождалось бы по канону изверженіемъ. Но отъ того, что нѣкоторые діаконы въ родѣ напр. Ефрема Сирина, въ виду особеннаго изобилія учительныхъ даровъ, уполномочивались на церковное учительство, вовсе еще не слѣдуетъ, чтобы діаконы имѣли обязанность учительствовать и имѣли на учительство болѣе правъ чѣмъ другіе клирики или даже міряне. Мы говоримъ,

разумѣтся, объ учительствѣ отъ лица Церевы съ кафедры церковной или амвона. Діаконы-проповѣдники являлись только исключеніемъ. Не санъ уполномочивалъ ихъ рѣдкимъ къ такой проповѣди, а особенное богатство духовныхъ даровъ дѣлало проповѣдь ихъ необходимою для блага Церевы, и они призывались къ проповѣдничеству, совершенно независимо отъ сана и предшествовавшаго ему посвященія. Но и мірянинъ Оригенъ, прославившійся учительскою своею дѣятельностью въ Александрійской школѣ огласителей, покинулъ Египетъ въ виду возгоравшейся тамъ междоусобной войны, удалился въ Палестину и утвердилъ свое мѣстопробываніе въ Кесаріи. Здѣсь мѣстные епископы просили его бесѣдовать и изъяснять Священное Писаніе всенародно, въ церкви, несмотря на то, что онъ еще не былъ рукоположенъ въ пресвитеры. Это видно изъ письма Александра, епископа іерусалимскаго, и Теоکتиста, епископа кесарійскаго къ Димитрію (Александрійскому), въ которомъ они оправдываются слѣдующимъ образомъ. «Ты еще прибавляешь въ своемъ письмѣ, что никогда не слыхали, да и теперь не въ обычаѣ, чтобы въ присутствіи епископовъ проповѣдывали міряне: не понимаю, какъ можешь ты такъ явно говорить неправду. Святые епископы, какъ скоро находили людей, способныхъ принести братіямъ пользу, то и приглашали ихъ проповѣдывать народу. Такъ поступали блаженные братія въ Ларандѣ—Неонъ съ Эвельпидомъ, въ Иконіи—Цельсъ съ Павлиномъ, въ Синаидѣ—Аттій съ Θεодоромъ. Такъ, вѣроятно, было и въ другихъ мѣстахъ, только мы не знаемъ этого». (*Евсевій «Церковная исторія» VI, 20, Русск. пер. стр. 324*). Конечно такіе случаи уполномочиванія мірянъ къ строго-церковному проповѣдничеству были крайне рѣдки, но столь же рѣдки были и случаи разрѣшеннаго проповѣдничества діаконовъ, ибо ни санъ ихъ, ни посвященіе отнюдь не служили основаніемъ для такого уполномочиванія. Знаменитый своей ученостью археологъ Бингамъ за весь древній періодъ Церевы насчитываетъ только два примѣра церковнаго проповѣдничества діаконовъ, указывая именно на Ефрема Сирина и діакона Аэтія, аріанина, получившаго это право отъ аріанскаго же епископа Антиохіи Леонтія. Въ концѣ концовъ мы должны придти къ заключенію, что съ церковной кафедры, кромѣ крайне рѣдкихъ и совершенно исключительныхъ случаевъ, съ пастырской

каедрѣ во храмѣ можетъ или имѣть право учительствовать только тотъ, кто въ силу своего призванія обязанъ учительствовать и кто извергается за неисполненіе этой обязанности и непользованіе этимъ правомъ, т. е. священникъ, какъ пастырь ввѣреннаго ему стада, обязанный радѣть о немъ и по крайней мѣрѣ сохранять его, если не совершенствовать. Къ пастырскому учительству не призваны ни міряне, ни всѣ остальные клирики, ибо оно составляетъ только обязанность однихъ пастырей, а только объ этомъ видѣ учительства и шла рѣчь въ томъ мѣстѣ нашей статьи, на которомъ остановилъ свое вниманіе о. Смирновъ, совершенно неправильно видящій въ пастырскомъ и непастырскомъ учительствѣ въ предѣлахъ храма только различіе «степеней церковнаго учительства». Учительство же въ широкомъ значеніи этого слова, не-пастырское учительство совершенно напрасно останавливаетъ онъ на чтецѣ. Хоръ мірянъ поетъ священную пѣснь: внимай священной пѣсни, которую онъ возглашаетъ! воскликнемъ мы вмѣстѣ съ о. Смирновымъ. Нишіе стоятъ, какъ поучительное украшеніе, у входа церковнаго. Поучайся у нихъ! воскликнемъ мы вмѣстѣ съ Златоустомъ. Умиляйся ихъ видомъ и внимай нѣмому ихъ проповѣдничеству. Если бы были и теперь при храмѣ завѣщанныя ему апостолами вдовицы, и день и ночь присутствующія въ немъ и поющія—ты долженъ былъ бы внимать и имъ, «предлагающимъ тебѣ средство къ спасенію». Если бы громко, какъ и въ прежніе дни, произносились отвѣтныя молитвы народа, ты долженъ былъ бы вдохновляться и научаться молитвеннымъ настроеніемъ всего молящагося хора, но и теперь при безмолвіи народа можешь назидаться и вдохновляться и видомъ молящихся, и нестройнымъ шепотомъ молитвы, и усерднымъ крестомъ и поклономъ. Порядокъ, стройность богослуженія требуютъ, чтобы въ церковномъ собраніи псалмы и Апостола читалъ чтець, а Евангеліе—діаконъ, хотя и для всѣхъ открыты эти книги, но уже не ради порядка, а въ силу особаго посвященія можетъ діаконъ прикасаться къ священнымъ сосудамъ и споспѣшествовать святому возношенію, точно такъ, какъ не ради порядка, а въ силу особаго посвященія можетъ и долженъ произносить священникъ пастырское поученіе съ пастырской каедрѣ. Это — его только обязанность, а потому и его только право. Сословіе кли-

риковъ или духовенство, какъ говоритъ г. Тихомировъ, не имѣетъ никакихъ учительскихъ преимуществъ передъ всѣми вообще мірянами, такъ какъ оно ни къ какому учительству и не призвано, ибо чтеніе псалмовъ, Апостола и Евангелія въ храмѣ, которое можетъ исполнять и каждый внѣ храма, отнюдь и не есть еще учительство въ строгомъ смыслѣ этого слова, ничѣмъ не связано съ лицомъ учащаго. Но священникъ передъ всѣми мірянами и передъ всѣми клириками имѣетъ преимущество обязанности пастырскаго слова, а потому-то и призванъ онъ, по выраженію канона, поучать и клиръ и народъ церковный. Миссія пастырскаго учительства, хотя, разумѣется, отнюдь и не непогрѣшимая, принадлежитъ не духовенству, не клиру, а только и исключительно пастырямъ, т. е. епископамъ и священникамъ. Между народомъ и клиромъ вообще нѣтъ въ этомъ отношеніи никакого различія. Не я, стало быть, а отецъ Смирновъ смѣшиваетъ виды церковнаго учительства, желая предоста-вить сословію то, что ему Церковью отнюдь не дано и что въ Церкви не имѣетъ никакого основанія.

Я и не подумалъ бы возражать въ настоящемъ случаѣ о. протоіерею Смирнову, если бы наименованіемъ меня «сторонникомъ учительства мірянъ» онъ не придавалъ бы труду моему совершенно не соотвѣтствующаго ему узкаго и односторонняго значенія, и не приписалъ бы мнѣ задачи и цѣли, которыя я вовсе и не помышлялъ преслѣдовать. Будучи понятъ такимъ образомъ, трудъ мой дѣлается совершенно бесполезнымъ. И вообще учительство, сколь ни необходимо оно, отнюдь не имѣетъ въ Церкви первостепеннаго значенія, ибо Церковь не академія, не школа, не учебное заведеніе, не союзъ учащихся и учащихся, какъ еврейская синагога, а союзъ, зиждущійся на вѣрѣ, дѣйствующей любовью. Имѣя въ основѣ своей своего рода теорію, какъ созерцаніе, Церковь живетъ практикою, жизненнымъ отношеніемъ или точнѣе взаимоотношеніемъ ея членовъ—живыхъ и умершихъ. Всякій христіанинъ духовно заинтересованъ не только въ своей одинокой вѣрѣ, но и въ вѣрѣ ближняго, въ вѣрѣ всего того живаго тѣла, къ которому принадлежитъ онъ и которое этою только заинтересованностью, т. е. этою любовью и можетъ держаться, крѣпиться и восполняться. Обратись Церковь въ простое множество совершеннѣйшихъ, но вполне раз-

розненныхъ микрокосмовъ, въ миллионы не вѣдающихъ духовно другъ друга святыхъ, и она тотчасъ прекратитъ свое существованіе, перестанетъ быть Церковью, ибо перестанетъ быть живымъ тѣломъ, «составляемымъ и совокупляемымъ посредствомъ всякихъ взаимно скрѣпляющихъ связей, при дѣйствіи въ свою мѣру каждаго члена (Ефес. IV, 16), разсыплется въ великолѣпный, сверкающій ясностью и кристалльною чистотою прахъ, вполне оторванный отъ небснаго Главы распавшагося тѣла. Но и единичное совершенство это само по себѣ не мыслимо и невозможно, ибо, если все тѣло только «при дѣйствіи въ свою мѣру каждаго члена, получаетъ приращеніе для созиданія самого себя въ любви» (Ефес. IV, 16), то и каждый членъ въ духовномъ развитіи своемъ находится въ зависимости отъ всего тѣла, отъ всѣхъ остальныхъ членовъ; «посему страдаетъ ли одинъ членъ, страдаютъ съ нимъ и всѣ члены; славится ли одинъ членъ, съ нимъ радуются всѣ члены, а потому не должно быть раздѣленія въ тѣлѣ и всѣ члены должны одинаково заботиться другъ о другѣ (1 Кор. XII, 26. 25). Истинная вѣра каждаго сопровождается заинтересованностью въ вѣрѣ всѣхъ, заботою о вѣрѣ всѣхъ или по крайней мѣрѣ о вѣрѣ другихъ, равносильна радѣнію о вѣрѣ другихъ. Вотъ уже и поводъ къ ученію отъ ближняго и наставленію ближняго, къ заботѣ о душахъ другихъ и о всей Церкви. «Болѣе же всего облекитесь въ любовь, которая есть совокупность совершенства, и да владычествуетъ миръ въ сердцахъ вашихъ, къ которому вы и призваны въ одномъ тѣлѣ, и будьте дружелюбны. Слово Христово да вселится въ васъ обильно со всякою премудростью; научайте и вразумляйте другъ друга псалмами, славословіемъ и духовными пѣснями, въ благодати воспѣвая въ сердцахъ вашихъ Господу» (Колосс. III, 14—16). Вотъ уже учительство мірянъ въ самомъ его зачатѣѣ.

Но не на защиту учительства мірянъ выступилъ я съ настоящимъ трудомъ моимъ, а на защиту понятія о Церкви, искажаемаго и калѣчимаго разсужденіями г. Тихомирова. Если бы міряне должны были и могли бы отступитъ всецѣло отъ всякаго учительства, а Церковь отъ этого не только не страдала бы, а росла и укрѣплялась, пріобрѣтая все больше и больше въ силѣ и въ чистотѣ, то для вѣрующихъ мірянъ, это конечно, не представи-

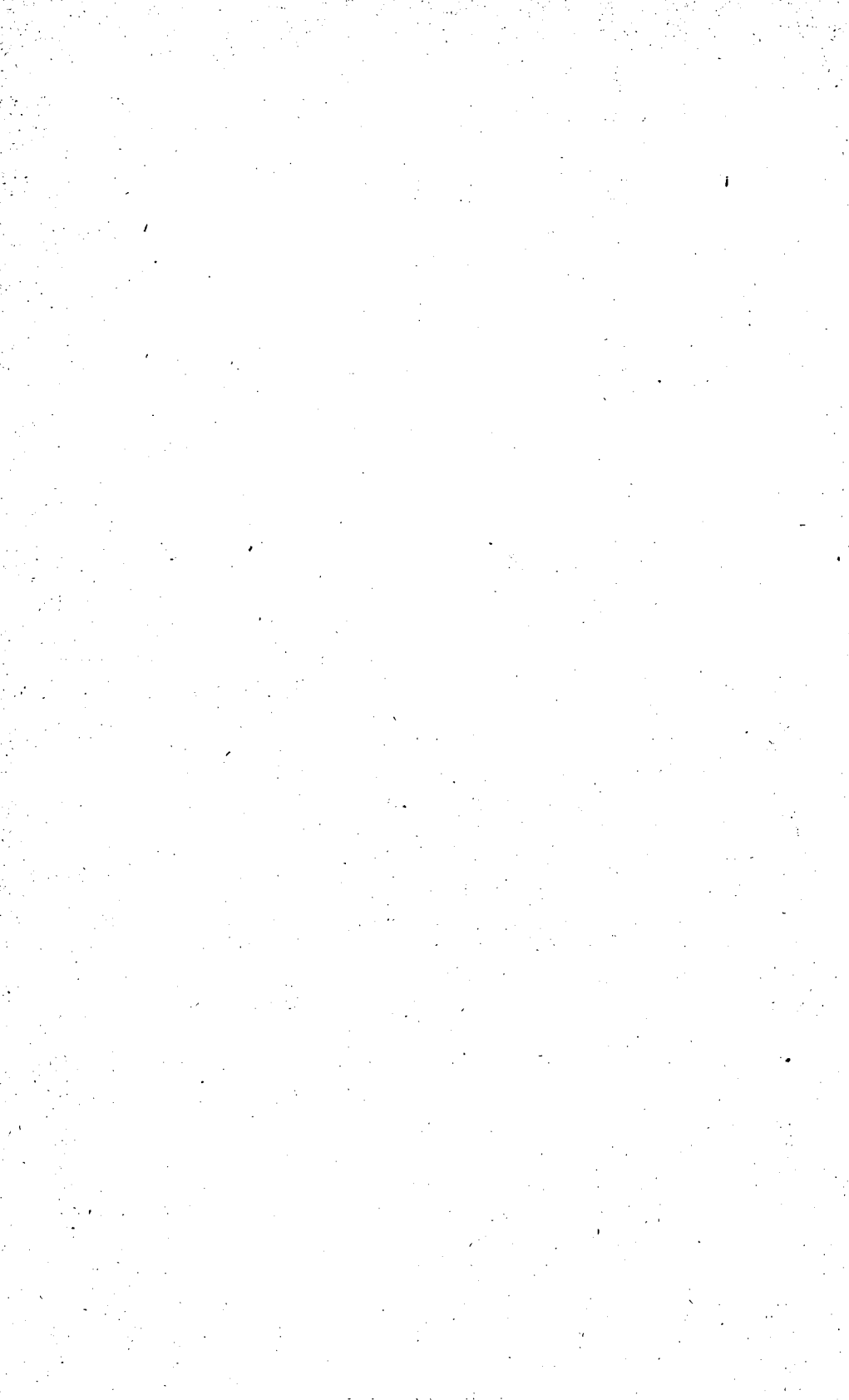
лось бы лишеніемъ. Исторія показываетъ намъ, что энергическое учительство вѣрующихъ православныхъ мірянъ всегда проявляется въ такіе только періоды, когда либо бездѣйствуютъ имѣющіе непосредственную обязанность учить, либо отступаютъ въ своемъ учительствѣ отъ безусловной простоты вѣреннаго преданія. Въ періодъ же церковной бодрости, въ періодъ церковнаго тепла и свѣта они, т. е. міряне, являются только скромными, незамѣтными сотрудниками учащихъ по призванію и по обязанности, и учительство ихъ, ограничиваясь только малыми сферами, теряется въ живомъ голосѣ Церкви, говорящей устами словесныхъ пастырей словеснаго же стада. Пламенно и горячо желалъ бы я, чтобы учительство православныхъ мірянъ, не прекращаясь всецѣло, — ибо и для него всегда останутся малыя сферы — сдѣлалось незамѣтнымъ, затерялось, утонуло въ согласномъ учительствѣ православныхъ пастырей.

Съ болью, нравственную тревогой и послѣ долгой нравственной борьбы вырывается каждое учительное слово вѣрующаго мірянина, не лишеннаго права, но и не имѣющаго непосредственной обязанности учить. Справедливо разсуждаетъ о. Смирновъ, что учительство и для пастыря «составляетъ болѣе долгъ, долгъ тяжелый, отвѣтственный, чѣмъ право, могущее возбуждать чью-нибудь ревность». Но пастырь, не сознающій въ себѣ достаточныхъ силъ, находитъ себѣ оправданіе въ сознаніи, что всѣ смотрятъ на него, какъ на призваннаго къ исполненію этого возложеннаго на него долга, независимо отъ силъ его и способностей. Неимѣетъ этого утѣшенія мірянинъ, хотя бы внутренній голосъ и говорилъ ему о необходимости дать отчетъ въ вѣрѣ своей, засвидѣтельствовать о пренебрегаемой вѣрѣ церковной, ярко выраженной въ вереницѣ прошлыхъ вѣковъ. Не о себѣ только говорю я въ данномъ случаѣ, а прежде всего о томъ незабвенномъ православномъ мірянинѣ, который былъ и неизмѣримо крупнѣе и выше меня и, однако, не избѣгъ упрековъ въ самозванномъ, не призванномъ учительствѣ. Я говорю, разумѣется, объ А. С. Хомяковѣ. Въ глубоко-прочувствованномъ стихотвореніи онъ изобразилъ тяжелую духовную борьбу, которую приходилось ему испытывать передъ этимъ скромнымъ, «самозваннымъ учительствомъ». Онъ говоритъ намъ, какъ часто пробуждавшаяся душа его искала высказаться словами:

Какъ часто, о Боже, рвалася
 Вѣщать Твою волю землѣ,
 Да свѣтъ осіяетъ разумный
 Безумцевъ, бродящихъ во мглѣ,
 Какъ часто, безсильемъ томимый,
 Съ глубокой и тяжелой тоской.
 Молилъ Тебя дать имъ пророка
 Съ горячей и крѣпкой душой,
 Молилъ Тебя въ часъ полуночи
 Пророку дать силу рѣчей,
 Чтобъ мѣръ оглашалъ онъ далеко
 Глаголами правды Твоей,
 Молилъ Тебя съ плачемъ и стономъ,
 Во прахѣ простерть предъ Тобой,
 Дать міру и уши и сердце
 Для слушанья рѣчи святой.

И только тогда, когда не совершилось просвѣтленіе помимо его, когда никто не высказался и когда не появился пророкъ, который взялъ бы ея задачу, онъ рѣшилъ высказаться самъ. Прошли года и множество новыхъ людей находятъ его исповѣдь чистѣйшею исповѣдью Православія.

Между мною и Хомяковымъ сходство заключается только въ томъ, что оба мы говоримъ не свое, а воспринятое по одному и тому же, тожественному въ вѣкахъ преданію. А между тѣмъ ни въ прекрасныхъ трудахъ Хомякова, ни въ моемъ скромномъ трудѣ никакого учительства — самозваннаго или несамозваннаго — вовсе не заключается и не проявляется. Учитъ Церковь живымъ еще преданіемъ, хранимымъ ею во всей полнотѣ ея состава, выразившимся въ плодѣ многовѣковаго ея творчества — богослуженіи и въ трудахъ признанныхъ ею отцовъ и учителей. Изъ своей, отъ рожденія глубоко православной, души Хомяковъ извлекаетъ содержаніе отразившагося въ ней преданія церковнаго. Я въ данномъ случаѣ поставилъ себѣ еще болѣе скромную задачу. Ничего въ сущности не говоря отъ себя и отъ своего ума, я пытался только создаваемымъ черезъ невѣдѣніе и неразуміе искаженіямъ сути православнаго воззрѣнія на Церковь и ея задачи противопоставить свидѣтельства великихъ Отцовъ ея и учителей и примѣры самопроявленія ея въ исторіи, не имѣя другого побужденія, кромѣ высказаннаго на Вселенскомъ Соборѣ Ефесскомъ въ прекрасныхъ словахъ: *Desinat novitas intercessore vetustatem*. (Да перестанетъ новшество вторгаться въ древность!).

Странное нѣчто дѣется въ мірѣ.

Не такъ еще давно мы знали о г. Львѣ Тихомировѣ только какъ о крупномъ вождѣ такъ называемаго анархическаго движенія, отрицательно относившемся ко всѣмъ условіямъ жизни Русскаго Народа, ко всему выработанному совокупностью русской жизни. Недавно еще мы встрѣчали имя г. Тихомирова во всѣхъ почти политическихъ судьбищахъ да въ передовыхъ статьяхъ «Московскихъ Вѣдомостей», призывавшихъ анаемы народа и громы правосудія на его гдѣ-то скрывавшуюся голову. Потомъ мы слышали о г. Тихомировѣ, какъ о сотрудникѣ тѣхъ же «Московскихъ Вѣдомостей» и дивились, разумѣется, странности такого сближенія. За самое послѣднее время услышали мы о г. Тихомировѣ какъ о ревнителѣ православія и не только ревнителѣ, но и учителѣ, и не только учителѣ, но и суровомъ обличителѣ всѣхъ мыслящихъ не одинаково съ нимъ и потому, по его мнѣнію, не православныхъ.

Странное что-то творится въ мірѣ.

Г. Тихомировъ очевидно «сжегъ все, чему поклонялся,—поклонился всему, что сжигалъ». Мы вовсе не отрицаемъ возможности такого переворота и не принимаемъ на себя смѣлости заподозривать искренность совершеннаго г. Тихомировымъ раскаянія въ прежнихъ дѣлахъ своихъ и убѣжденіяхъ. Г. Тихомировъ могъ пережить юношескія свои заблужденія, увидеть всю тщету ихъ и неосновательность, отказаться отъ нихъ и прійти къ истинѣ, проповѣдуемой «Московскими Вѣдомостями». Все это можетъ быть и естественно. Но для чего же изъ одной крайности ударяться непременно въ другую, отъ одного полюса перебѣгать непременно на другой. Впрочемъ, и это еще объяснимо. Крайности, какъ извѣстно, сходятся. Изъ одной крайности бросаются именно въ противоположную. Въ богословскомъ мірѣ Германіи давно уже замѣтили, что не бываетъ болѣе узкихъ и яростныхъ протестантовъ, какъ выкрещенцы изъ евреевъ.

Не ради ироніи привожу я это сравненіе. Такъ и должно быть по естественному ходу вещей. Но вотъ въ чемъ дѣло. Не рано ли учительствовать и обличать г. Тихомирову? Не на основаніи только прекраснаго стиха поэта: «О, нѣтъ! не всякому дано святое право обличенья», почитаю я обличительную проповѣдь его преждевременною, а по другимъ болѣе вѣскимъ соображеніямъ.

Но прежде, чѣмъ приступить къ изложенію этихъ соображеній, считаю долгомъ отразить возраженіе, которое непремѣнно многими будетъ мнѣ сдѣлано. А Савль? скажутъ, разумѣется, многіе; развѣ, бывши гонителемъ христіанства до обращенія, не сдѣлался онъ апостоломъ язычниковъ тотчасъ же по обращеніи? Великъ единственный въ исторіи примѣръ Савла и не надо такъ легко примѣнять его ко всякой перемѣнѣ убѣжденій, хотя бы и истиной и къ добру совершившейся. Но разсмотримъ же и примѣръ Савла. Прежде всего, чѣмъ былъ Савль до обращенія? Благочестивымъ, безукоризненнымъ исповѣдникомъ вѣры, въ которой родился, неумѣреннымъ ревнителемъ отеческихъ преданій, преслѣдователемъ того, что грозило убить стародавнюю наслѣдственную вѣру въ народѣ, но чего онъ не зналъ и что само по себѣ было не разрушеніемъ закона и пророковъ, — совокупности прежнихъ его убѣжденій, какъ первоначально казалось ему, а восполненіемъ, полнотою (Матѣ. V, 15). Итакъ, когда благодатіею Божіею открылась ему истина, онъ, истинный израильтянинъ, подобно Наанаилу, принялъ вѣрою восполненіе закона и пророковъ и сталъ проповѣдникомъ восполненнаго религіознаго своего идеала, осудивъ развѣ только свою неумѣренность, но и ни отъ чего въ убѣжденіяхъ своихъ не отказавшись, не сдѣлавшись отступникомъ по отношенію къ прежнимъ своимъ, унаслѣдованнымъ убѣжденіямъ. Отказавшись отъ гонителей, онъ присталъ къ гонимымъ, но и гонителей не предалъ проклятію и не подвергъ суровому обличенію, не направилъ противъ нихъ свою проповѣдь. Да и пошелъ-то онъ съ своею проповѣдью къ новымъ людямъ, къ язычникамъ. «Церквамъ Христовымъ въ Іудеѣ лично я не былъ извѣстенъ; а только слышали онѣ, что гнавшій ихъ нѣкогда благовѣствуетъ вѣру, которую прежде истреблялъ, и прославляли за меня Бога. Потомъ черезъ четырнадцать лѣтъ опять ходилъ я въ Іерусалимъ» (Галат. I, 22—24; II, 1). Итакъ, Савль на прежнія убѣжденія свои не металъ громовъ и молній, а указывалъ только на нихъ, какъ на подготовительную ступень къ новому своему вѣрованію. Обличаемый евреями передъ правителемъ Феликсомъ, въ Кесаріи, онъ не чернитъ и не обвиняетъ передъ нимъ въ свою очередь прежнихъ евреевъ, но прямо говоритъ: «въ томъ признаюсь, что по ученію, которое называютъ они ересью, я дѣйствительно служу Богу отцовъ моихъ, вѣруя всему написанному въ законѣ и пророкахъ» (Дѣян. XXIV, 14). Съ

чистою совѣстью и не порицая самого себя, говоритъ онъ, уже будучи христіаниномъ, что онъ фарисей, сынъ фарисея, по правдѣ законный, непорочный, гонитель изъ ревности по вѣрѣ; безъ осужденія себя вспоминаетъ онъ о тѣхъ временахъ, когда сидѣлъ онъ у ногъ Гамалиила; на предшествующую жизнь свою смотритъ онъ только, какъ на ступень къ новой, а всѣхъ прежнихъ единомышленниковъ своихъ почитаетъ еще стоящими на той же самой ступени и потому на вопросъ: «отвергъ ли Богъ народъ свой»? рѣшительно отвѣчаетъ, что—нѣтъ (Римл. XI, 1, 2. 2-е Кор. XI, 22. Филипп. III, 5, 6. Галат. I, 13, 14. Дѣян. XXII, 3; XXVI 4, 5). Но не будучи вовсе отступникомъ, расширившій духовный кругозоръ свой и возвысившійся въ вѣрѣ своей, Павелъ совершаетъ проповѣдь гонимаго ученія среди всякихъ преслѣдованій и гоненій, среди всякихъ страданій. «Я—безмѣрно былъ въ ранахъ, болѣе въ темницахъ, и многократно при смерти. Отъ Иудеевъ пять разъ дано было мнѣ по сорока ударовъ безъ одного. Три раза меня били палками, однажды камнями побивали, три раза я терпѣлъ кораблекрушеніе, ночь и день пробылъ въ глубинѣ морской. Много разъ былъ въ путешествіяхъ, въ опасностяхъ на рѣкахъ, въ опасностяхъ отъ разбойниковъ, въ опасностяхъ отъ единоплеменниковъ, въ опасностяхъ отъ язычниковъ, въ опасностяхъ въ городѣ, въ опасностяхъ въ пустынѣ, въ опасностяхъ на морѣ, въ опасностяхъ между лжебратіями, въ трудѣ и въ изнуреніи, часто въ бдѣніи, въ голодѣ и жаждѣ, часто въ постѣ, на стужѣ и въ наготѣ» (2 Кор. XI, 23—27). Итакъ, помимо уже того, что Павелъ былъ праведникомъ еще и до своего обращенія, онъ еще и купилъ себѣ право проповѣди рядомъ лишеній, подвиговъ, невзгодъ и мученій, которыя составляли обстановку и награду его проповѣдничества.

Примѣръ Савла не оправдываетъ перехода новообращеннаго къ немедленному же учительству и обличенію, ибо не стоитъ съ нимъ ни въ какой связи по той простой причинѣ, что Павелъ былъ преуспѣвшимъ въ вѣрѣ своей, а не отказавшимся отъ нея. Не оправдываютъ такого учительства и обличенія и примѣры церковной исторіи. Кающіеся грѣшники шли въ пустыни, замаливали грѣхи свои въ монастыряхъ, приносили покаяніе передъ народомъ или годами выстаивали у преддверія храмовъ въ качествѣ кающихся, падшихъ, принадлежащихъ и т. п., а не начинали тотчасъ же торжествующаго проповѣдничества, въ предположеніи, что вся прежняя жизнь, всѣ прежнія заблужденія и всѣ прежнія преступленія сбѣгаютъ съ нихъ, какъ съ гуся вода.

Немедленное, торжествующее проповѣдничество тѣхъ, кому надо совершать покаяніе, противорѣчитъ и вѣрованіямъ и народному духу русскому, является для нихъ оскорбленіемъ. Народъ высоко чтитъ покаяніе, щедро и охотно прощаетъ всякій грѣхъ, но только въ виду того подвига,

на который обращает себя кающийся грѣшникъ. Эту черту народныхъ нравственныхъ воззрѣній отлично понимали всѣ крупные русскіе художники. Ананій въ «Горькой Судьбинѣ» проситъ прощенія у всего сельскаго міра, а герой «Преступленія и Наказанія» — у отдѣльной, посторонней женщины Сони, и получаютъ прощеніе, но не потому, что они обѣщаютъ жить мирною и полезною жизнью, а потому, что добровольно обрекаютъ себя на каторгу, стремятся искупить свое преступленіе наказаніемъ. Некрасовскій Власъ не прославляется и не кормится клейменіемъ себѣ подобныхъ, а облачается въ вериги и идетъ просить на церковное строеніе, напередъ «сотворивъ достойный плодъ покаянія», раздачею всего своего имущества; Кудеяръ-атаманъ въ позднѣйшемъ произведеніи того же поэта не дѣлается ни полицейскимъ стражемъ, ни преслѣдователемъ разбойниковъ, но обрекаетъ себя на искупающій подвигъ и рѣшетъ столѣтній дубъ тою же рукою, которою разбойничалъ, — тѣмъ же ножомъ. Не требуемъ мы такого же подвижничества отъ покаявшихся современниковъ, но полагаемъ, что для нихъ вообще приличнѣе было бы совершать въ смиреніи «достойный плодъ покаянія» и хотя бы помалкивать до поры до времени, а не приступать къ учительству, проповѣди и нахальному обличенію, едва успѣвъ встряхнуться отъ краткаго самообличенія. Иначе вѣдь ихъ покаяніе и исповѣдь передъ народомъ напоминаютъ исповѣдальные порывы какого-то мѣщанина у Николая или Глѣба Успенскихъ, который обличалъ самого себя, перечислялъ свои грѣхи, называлъ себя всѣми именами до червя включительно, а затѣмъ, вдругъ, извернувшись, быстро перескакивалъ къ собесѣднику съ словами: Ну, а ты-то скажи; ты что за птица?

Я не сталъ бы приводить столь длинный *argumentum ad hominem* и останавливаться на вопросѣ о томъ: въ правѣ ли неофитъ приступать немедленно къ проповѣди, учительству и обличенію, еслибы разсмотрѣніе вопроса этого не проливало совершенно особаго свѣта на учительскую и обличительную дѣятельность г. Тихомирова, или, точнѣе, еслибы разрѣшеніемъ этого вопроса не объяснялись нѣкоторыя особенности самого проповѣдничества.

Я не отрицаю возможности видоизмѣненія убѣжденій и перехода отъ однихъ убѣжденій къ другимъ и чуждѣ желанія безусловно осуждать всякаго, измѣнившаго своимъ убѣжденіямъ и отступившаго отъ нихъ. Но не подлежитъ никакому сомнѣнію, что, если перерожденіе человѣка полно, искренно и истинно, то въ немъ долженъ совершиться не одинъ, а цѣлыхъ два процесса и при томъ одинъ отрицательный, а другой — положительный, водческій, — разрушеніе ветхаго Адама и созданіе новаго, или, по крайней мѣрѣ, отрицаніе стараго міровоззрѣнія и созданіе новаго, отреченіе отъ одного и воспроизведеніе въ себѣ другаго.

Въ душѣ же человѣка, который дѣйствительно «сжегъ все, чему поклонялся», образуется на первыхъ порахъ *tabula rasa*, относительная, если не полная и не абсолютная пустота. Откуда же должно быть воспринято содержаніе, полагающее конецъ этому тоже своего рода нигилизму? Душѣ человѣка, только-что сжегшаго все, чему онъ поклонялся, прежде всего извѣстно и доступно именно то, что онъ сжигалъ. И вотъ, дабы не тяготиться этою относительною пустотою, этимъ относительнымъ нигилизмомъ, не томиться пустымъ сердцемъ и празднымъ умомъ, его зачастую влечетъ поклоняться всему, что сжигалъ, т. е. признать отрицательный идеалъ во всей его совокупности, безъ критики, ибо въ лишенномъ положительнаго содержанія умѣ, въ приведенномъ почти что къ нулю міросозерцаніи нѣтъ и не можетъ быть основъ и для критики. При полномъ отреченіи отъ прежней вѣры, человѣку не остается ничего болѣе какъ вывернуться на изнанку, принять цѣликомъ противоположную крайность. Односторонность ума и всѣхъ вообще стремленій душевныхъ, сказывавшаяся въ «сжиганіи», несомнѣнно остается и въ замѣняющемъ сжиганіе «поклоненіи». Но изнанка заблужденія, противоположный полюсъ заблужденія есть новое заблужденіе, а не истина.

Вотъ по этой-то причинѣ и неправиленъ между прочимъ быстрый приступъ новообращенныхъ къ учительству и обличенію. Недостаточно еще убить въ себѣ, или точнѣе, излечь изъ себя ветхаго Адама. Въ этомъ случаѣ исповѣдь будетъ только исповѣдью празднаго ума и празднои души или проповѣдью изнанки прежняго убѣжденія, столь же ошибочной, какъ и заблужденіе, переставшее быть предметомъ вѣры. Необходимо еще выработать въ себѣ новаго Адама, а эта выработка дается не сразу и новое міросозерцаніе творится временемъ, если оно искренно и истинно. Заблужденіе всегда должно *искутаться*, если не страданіемъ, то по крайней мѣрѣ подвигомъ, какъ «достойнымъ плодомъ покаянія», и великимъ трудомъ надъ самимъ собою, а не разрѣшаться только переходомъ къ проповѣди прямо-противуположнаго и суровымъ обличеніямъ всѣхъ инако мыслящихъ. Поучительны въ этомъ отношеніи слова самого г. Тихомирова о лицахъ, менѣе, несравненно менѣе его заблуждавшихся. «Возможность вліянія, говоритъ онъ обо всемъ вообще русскомъ образованномъ обществѣ, нравственно обязываетъ относиться къ самому себѣ не спустя рукава, а съ сознаніемъ великой отвѣтственности за всѣ ошибки. Это такое положеніе, когда ошибающійся губить не себя одного, а еще сверхъ того многихъ другихъ, можетъ быть даже и всю страну» (стр. 237).

Не въ осужденіе г. Тихомирова, какъ человѣка, приводимъ мы всѣ разсужденія эти, а въ объясненіе того, почему онъ мыслить не-

право и по глубокимъ психологическимъ причинамъ не можетъ мыслить иначе.

Доказательству же того, что г. Тихомировъ мыслить неправо и всё опредѣленія свои и обличенія строить только на глубокомъ невѣдѣннн основѣ церковности и православія, вѣками сказывавшихся въ жизни церковной, — посвященъ весь настоящій трудъ нашъ.

I.

Мы вовсе не обвиняемъ г. Тихомирова въ неискренности новаго его заблужденія, но желаемъ только установить тотъ фактъ, что быстротою перехода отъ прежняго заблужденія къ новому проповѣдничеству объясняется то обстоятельство, что во всей новой проповѣди его — влѣдствіе нравственной и логической неправоты или неполноты совершившагося въ немъ переворота, его, какъ говорятъ западники, эволюціи — нѣтъ внутренней правды и цѣльности. Совершенно наоборотъ, г. Тихомировъ во всемъ противорѣчитъ самому себѣ въ предѣлахъ одной и той же проповѣди-статьи. Кромѣ того, каждая почти его мысль противорѣчитъ самой себѣ, опровергаетъ самоё себя, будучи доведенною до логическихъ ея послѣдствій, или, что еще важнѣе, противорѣчитъ Св. Писанію и истинному ученію православной Церкви. Онъ началъ писать о православіи, не успѣвъ еще ознакомиться съ нимъ. Разсмотримъ главнѣйшія изъ этихъ противорѣчій, какъ сказавшіяся его же словами, такъ и находящіяся въ зародышахъ.

1) Г. Тихомировъ возстаетъ противъ „свѣтскаго учительства“, какъ оно сказалось въ произведеніяхъ Хомякова, Достоевскаго, Вл. Соловьева и др. Существованіе свѣтскаго учительства считаетъ онъ церковною аномаліею, даже просто-на-просто зломъ, ибо, по его мнѣнію, права и обязанность учительства принадлежатъ только клиру, а отнюдь не мірянамъ, которые должны только приходить „на выучку къ духовенству“ (стр. 240), подчиняться оздоравливающему вліянію духовенства (239), а не „самочинно“ искать религіозной истины или внимать голосамъ „вольныхъ пророковъ“, не имѣющихъ „ни малѣйшаго авторитета“. „Первый актъ стремленія къ культурѣ чувства вѣры есть скромное обращеніе *за наученіемъ* туда, гдѣ Богу угодно было самому показать себя, т. е. въ Церковь, къ духовенству, которому ввѣрено наученіе“. Но, вѣдь, утверждая все это, проповѣдуя все это, излагая свое ученіе о Церкви, — правильно или неправильно, пока еще все равно, — распредѣляя назначенія, права и обязанности между членами Церкви, г. Тихомировъ самъ явно учительствуетъ. Да и какъ еще учительствуетъ... Нѣтъ въ его измышленіяхъ ни указаній на жизнедѣятельность древней Церкви, ни ссылокъ на Отцовъ и учителей Церкви, ни даже ссылокъ на Св. Писаніе. Г. Тихомировъ отъ своего разума и отъ своего имени проповѣдуетъ, какъ, будто бы, власть имѣющій, какъ пред-

ставитель Церкви, рѣшаетъ авторитетно и требуетъ безусловной вѣры своимъ словамъ. Но откуда же дана ему власть, которой не имѣютъ другіе вѣрующіе, ни въ чемъ не провинившіеся, не проповѣдывавшіе прежде другаго, не дышавшіе угрозами и насиліемъ? Неужели такую власть даетъ г. Тихомирову его прошлое или переходъ въ редакцію „Московскихъ Вѣдомостей“? Почему это г. Тихомировъ можетъ учительствовать, а Хомяковъ, напр., не имѣетъ этого права? Почему проповѣдь о необходимости подчиненія духовенству исходитъ изъ устъ г. Тихомирова, а не изъ устъ самого духовенства, которому, по словамъ и по ученію г. Тихомирова, ввѣрено наученіе, и которое само, очевидно, этого проповѣдуемаго г. Тихомировымъ ученія не знаетъ и не исповѣдуетъ? Очевидно, г. Тихомировъ новою своею проповѣдью рѣзко противорѣчитъ самому себѣ, разрушаетъ то, что силится построить. Въ этомъ, конечно, не было бы еще особенной бѣды. Бѣда и горе въ томъ, что, какъ докажемъ мы впоследствии, г. Тихомировъ противорѣчитъ ученію Св. Писанія, ученію величайшихъ Отцовъ Церкви и всему строю древне-церковному. Какъ бы то ни было, а противорѣчіе явно. Явно, что внутренней правоты и цѣльности въ убѣжденіяхъ г. Тихомирова еще не установилось. Вотъ что значитъ преждевременно выступить съ учительствомъ. Скажутъ, что г. Тихомировъ не учительствуетъ, а только воспрещаетъ мірянамъ учительствовать, предоставляя это право и эту обязанность только духовенству. Но вѣдь въ этомъ воспрещеніи и въ этомъ утвержденіи и заключается именно опредѣленный взглядъ на Церковь, ученіе о Церкви. Въ словахъ: „въ Церкви можетъ учительствовать только духовенство“, точно также выражается опредѣленное ученіе о Церкви, какъ и въ положеніи, что „въ Церкви можетъ учительствовать каждый“, если бы кому-либо вздумалось утверждать это.

2) Не можемъ умолчать и о другомъ противорѣчій въ новомъ ученіи г. Тихомирова. На этотъ разъ, не имѣя возможности входить въ длинныя разсужденія, которыхъ требуетъ важность предмета, ограничимся только краткимъ указаніемъ. Г. Тихомировъ не имѣетъ правильнаго понятія о томъ, что такое вѣра и потому противорѣчитъ самому себѣ. На стр. 226 онъ говоритъ, что „кастовая замкнутость не мѣшаетъ духовенству *знать* вѣру“, что „духовенство не отказываетъ ищущему истины въ объясненіи ея“. На стр. 239 г. Тихомировъ разсуждаетъ уже „о необходимости *воспитанія чувства вѣры* (курсивъ въ обоихъ случаяхъ принадлежитъ г. Тихомирову), и, стало быть, отрѣшенія отъ уметованій, отъ глубоководной привычки *разсудкомъ*, „самочинно“ (курсивъ и ковычки г. Тихомирова) искать религіозной истины. Первый актъ стремленія къ культурѣ чувства *вѣры* есть скромное обращеніе за *наученіемъ* туда, гдѣ Богу угодно было самому показать себя, т. е. въ Церковь, къ духовенству, которому ввѣрено *наученіе*“. Спрашивается, кто же долженъ обращаться къ духовенству за наученіемъ—вѣрующій или невѣрующій? Но почему же невѣрующій, о которомъ несомнѣнно говоритъ г. Тихомировъ, пойдетъ за наученіемъ къ духовенству, когда онъ не вѣруетъ ни въ Церковь, которой служить это духовенство, ни въ истину, которую эта Церковь проповѣдуетъ, когда онъ не дерзаетъ самочинно искать религіозной истины и приходитъ къ вѣрѣ. Странное дѣло, г. Тихомировъ принадлежитъ якобы самъ

къ числу обратившихся и, однако, рецептъ, какъ поступать обращающимся, предлагаемый имъ, *психологически* невозможенъ. Представимъ себѣ человѣка, одержимаго невѣріемъ, не вѣрующаго ни въ Бога, ни въ Христа, ни въ Церковь, являющуюся даннымъ Его воплощеніемъ, зданіемъ, построеннымъ на Немъ, какъ на краеугольномъ камнѣ. И вотъ этотъ человѣкъ начинаетъ почему-либо тяготиться своимъ невѣріемъ. Что же можетъ и долженъ онъ дѣлать? Искать истины, правды? Перерабатывать свои убѣжденія, дѣлать и пѣствовать пробуждающееся въ душѣ чувство, молиться чувствуемому смутно Божеству, восклицать, обращаясь къ Нему: помоги моему невѣрію! изслѣдовать сердца почему-либо близкихъ, но вѣрующихъ людей?.. Нѣтъ! Все это самочинная работа духа, самочинное исканіе истины, послѣдованіе вольнымъ пророкамъ. Первымъ актомъ, первымъ шагомъ рекомендуетъ г. Тихомировъ обращеніе за наученіемъ къ духовенству. Заглуши въ себѣ, учительствуетъ г. Тихомировъ, самочинную работу духа, самочинное исканіе истины, не блуждай въ стремленіи къ вѣрѣ, а иди къ духовенству, которому ввѣрено наученіе, хотя ты еще не вѣруешь въ Церковь, которой духовенство это служить и въ Христа, который служить ей основаніемъ и котораго ты не смѣешь и не дерзашь искать самочинно. Скромность и смиреніе передъ духовенствомъ, для г. Тихомирова, есть первый шагъ къ вѣрѣ. Смирись, невѣрующій, передъ духовенствомъ и вѣрь тому, чему оно научить тебя, ибо оно знаетъ вѣру. Итакъ, невѣрующій по ученію г. Тихомирова долженъ прежде всего увѣровать въ духовенство, какъ носителя неизвѣстной еще ему истины, а потомъ уже, отъ него научившись (ибо оно *знаетъ* вѣру), вѣровать въ самую истину. И все это, психологически невозможное требуется г. Тихомировымъ влѣдствіе ненависти его къ самочинной работѣ духа, къ временному блужданію, неразрывно сопряженному съ исканіемъ истины. Что за привычка къ безусловной диктатурѣ, къ уничтоженію частной самодѣтельности, къ безусловному подчиненію воли ближняго! Хотя бы подумалъ г. Тихомировъ о словахъ Христа, сказавшаго: „блаженны ищущіе и алчущіе правды, ибо они насытятся“. Вѣдь это алканіе и исканіе правды есть безспорно самочинная работа духа, которую такъ сурово преслѣдуетъ г. Тихомировъ, какъ нѣчто предосудительное и преступное. Хотя бы подумалъ г. Тихомировъ о томъ, что въ первую эпоху проповѣди христіанской невѣрующіе либо обращались по оглашенію проповѣдью пришедшихъ къ нимъ апостоловъ и учителей, либо приходили къ Церкви только послѣ долгаго блужданія, долгаго исканія истины, и Церковь одобряла это блужданіе и исканіе, а не осуждала его. Напомнимъ вѣдающимъ хотя бы разсказъ Іустина Мученика о томъ, какъ онъ блуждалъ, разыскивая истину и какъ, наконецъ, воспринялъ ее, случайно разговорившись на морскомъ берегу со старцемъ-миряниномъ, познавшимъ уже Христа. И этотъ безыменный старецъ, въ свою очередь, не направляетъ тотчасъ же потрясеннаго бесѣдою философа къ пресвитерамъ или епископамъ, т. е. вообще къ духовенству, какъ говоритъ г. Тихомировъ, не предписываетъ ему подчинить имъ свою волю и свои помышленія и черезъ то „*культивировать въ себѣ чувство вѣры*“, но указываетъ ему на Св. Писаніе и совѣтуетъ „прежде всего молиться о томъ, чтобы дано было пониманіе, ибо никто

не приходитъ къ познанію истины, если Богъ и Христосъ не открываютъ ему глаза“ (Разговоръ съ Трифономъ іудеяниномъ). Явно, что старецъ-христіанинъ возбуждалъ Іустина къ самочинному исканію истины, а путь, которымъ святой апологетъ христіанства пришелъ къ принятію перваго благовѣствованія, былъ путь блужданія, столь ужаснаго въ очахъ г. Тихомирова. Да и старецъ, конечно, былъ „вольнымъ пророкомъ и свѣтскимъ учителемъ“, которымъ основатель новаго православія, г. Тихомировъ быть не велить.

Не подлежитъ спору, что часть нашего современнаго общества состоитъ изъ людей, хотя и числящихся въ Церкви, но не живущихъ ея жизнью, не знающихъ ея и одержимыхъ болѣе или менѣе полнымъ невѣріемъ. Что такое невѣріе съ точки зрѣнія вѣрующаго, если не религіозная слѣпота и глухота? Итакъ, въ современномъ обществѣ по тѣмъ или другимъ причинамъ существуютъ религіозно-слѣпые и религіозно-глухіе, т. е. такъ или иначе лишены религіознаго чувства. Но чувство это не замираетъ окончательно и можетъ такъ или иначе пробуждаться и тогда невѣріе замѣняется проблескомъ вѣры, слабымъ лучомъ вѣры. Вѣда, по г. Тихомирову, если почувавшій этотъ проблескъ собственными силами и собственными молитвами и поканіемъ будетъ стараться раздуть слабую искру въ пламя или воспользуется содѣйствіемъ близкихъ ему людей; за наученіемъ онъ долженъ обратиться только къ духовенству. Вѣда, если близъ-стоящіе люди помогутъ разгорѣться первой искрѣ религіознаго чувства и, такимъ образомъ, явятся вольными пророками, такъ какъ право и обязанность наученія принадлежатъ только духовенству. Но вотъ въ чемъ дѣло. Представимъ себѣ полнаго и совершеннаго атеиста, въ которомъ вдругъ по тѣмъ или другимъ причинамъ сказалось религіозное чувство и пробудилась потребность религіи. Къ какому именно духовенству пойдетъ онъ за наученіемъ. Вѣдь и буддизмъ и іудейство суть безспорно религіи, а католицизмъ и протестантство со всѣми его подраздѣленіями уже и давно. Почему же религіозно-пробужденный отдастъ предпочтеніе одной религіи передъ другою и одному „духовенству“ передъ другимъ? Вѣдь онъ еще и до христіанства-то можетъ быть еще не достигъ, а вѣра въ Церковь безъ вѣры въ Христа уже, разумѣется, немислима, ибо Христосъ краеугольный камень Церкви. Итти на выучку къ духовенству можетъ религіозно-пробужденный только тогда, когда онъ уже вѣруетъ въ Церковь и при томъ еще раздѣляетъ вѣрованіе г. Тихомирова, что только духовенство способно научить вѣрѣ. Всякое самочинное исканіе истины, всякую самочинную работу духа, вспомоствующую дѣлу религіознаго пробужденія, г. Тихомировъ безусловно воспрещаетъ и внушаетъ пробуждающемуся угавать духъ свой, усмирять происходящее въ немъ броженіе или прямо итти къ духовенству за наученіемъ. Но вѣдь для того надо прежде вѣрить духовенству и вѣрить въ духовенство. Г. Тихомировъ, конечно, знаетъ, что эта-то вѣра, если она даже и существенно необходима, прежде всего и отсутствуетъ въ средѣ невѣрующихъ. Отъ религіозно-пробуждающагося онъ требуетъ *психологически* невозможнаго.

Явно, что г. Тихомировъ сознательно или безсознательно стремится къ тому, чтобы положить предѣлъ религіознымъ пробужденіямъ, сдѣлать ихъ немислимыми и невозможными. Онъ явно вздыхаетъ о добромъ, недалекомъ

прошломъ, „когда отношеніе къ Церкви со стороны вѣрующихъ и невѣрующихъ было чрезвычайно просто. Кто не вѣрилъ, тотъ часто былъ ярымъ врагомъ Церкви, но всегда *открытымъ*. Кто вѣрилъ и приходилъ къ Церкви, тотъ приходилъ искренно, съ довѣріемъ и т. д.“ (224). Но вѣдь это-то именно простое отношеніе, это-то именно недалекое прошлое и было эпохою разгара религіозной индифферентности и невѣрія; это-то именно время и эти-то именно простыя отношенія и произвели на Руси тысячи невѣрующихъ и индифферентовъ, народившихъ уже дѣтей, причастныхъ религіи и Церкви только потому, что ихъ въ младенчествѣ крестили во исполненіе требованій государственнаго закона. Нѣтъ! Пусть будетъ лучше совершаться самоchinная работа духа и самоchinное исканіе истины; пусть будутъ лучше раздаваться ошибающіеся даже голоса „вольныхъ пророковъ“, чѣмъ добрая половина общества погрузится опять въ полный религіозный индифферентизмъ и полное невѣріе или будетъ состоять даже изъ явныхъ и открытыхъ враговъ Церкви.

Г. Тихомирову очень хочется, чтобы человѣческое общество состояло только изъ безусловно покорныхъ духовенству и *открытыхъ* враговъ Церкви, такъ какъ середины онъ не признаетъ и промежуточныя степени почитаетъ для Церкви зловреднѣе самихъ враговъ. Несовѣмъ такъ, или, вѣрнѣе, совѣмъ не такъ смотрѣли на дѣло Христовъ, апостолы и дѣйствительные учителя Церкви. Когда ученики жаловались Христу, что человѣкъ, не слѣдующій за Нимъ, изгоняетъ бѣсовъ Его именемъ, Онъ сказалъ: Не запрещайте ему, ибо кто не противъ васъ, тотъ за васъ (Луки IX, 50; Марка IX, 39, 40). Въ Аполосѣ, получившемъ только крещеніе Иоанново и учительствовавшемъ въ синагогахъ, зная ученіе Христа только отчасти, проповѣдники христіанства въ Ефесѣ видѣли себѣ союзника и соработника, а Павелъ точно также не осудилъ учениковъ Иоанновыхъ, проповѣдывавшихъ въ томъ же Ефесѣ и вѣроятно покинувшихъ Палестину еще при жизни Божественнаго Учителя, но восполнилъ вѣру ихъ и привелъ ихъ къ крещенію (Дѣян. 18, 19). Когда въ Римѣ, во время заключенія Павла, нѣкоторые проповѣдовали Христа по доброму расположенію, а другіе—по зависти и любопренію и потому проповѣдовали Христа нечисто, апостоль радовался и той и другой проповѣди. „Но что до того? Какъ бы ни проповѣдовали Христа—притворно или искренно—я и тому радуюсь и буду радоваться, ибо знаю, что это послужитъ мнѣ во спасеніе, по вашей молитвѣ и содѣйствіемъ Духа Иисуса Христа“ (Филипп. I, 14—19). Эти проповѣдующіе Христа, по зависти къ Павлу, по любопренію, и проповѣдавшіе при томъ нечисто, были безспорно іудействующіе христіане, существованіе которыхъ въ Римѣ свидѣтельствуется посланіемъ къ Римлянамъ (гл. XIV). Итакъ, для апостоловъ, проповѣдующіе Христа нечисто были, во-первыхъ, очевидно лучше открытыхъ враговъ Церкви, а во-вторыхъ—служили хотя можетъ быть и косвеннымъ только путемъ дѣлу Церкви и проповѣданію имени Христова. „Сказываю вамъ, что никто, говорящій Духомъ Божиимъ, не произнесетъ анаемы на Иисуса и никто не можетъ назвать Иисуса Господомъ, какъ только Духомъ Святымъ“ (1 Кор. XII, 3). Позднѣйшіе учителя Церкви, все такъ или иначе приводящее къ христіанству или очищающее путь христіанству, даже языческую философію почитали идущимъ отъ Бога,

хотя и не непосредственно. „Иное, говорить Климентъ Александрійскій, идетъ отъ Бога непосредственно, а другое посредственно, какъ напр. философія“. Этимъ-то и объясняется глубокое уваженіе къ платонизму, прямо выказываемое многими изъ величайшихъ Отцовъ Церкви. Для г. Тихомирова никакихъ промежуточныхъ степеней не существуетъ и не должно существовать, а имѣются и должны имѣться только идущіе на выучку къ духовенству и враги, да при томъ же еще и открытые враги Церкви.

Невѣрующіе члены общества могутъ приходить къ вѣрѣ и черезъ то къ Церкви только либо черезъ оглашеніе ихъ проповѣдью къ нимъ прямо обращающихся проповѣдниковъ, либо собственно „самочинною работою духа“. Г. Тихомировъ не говоритъ о необходимости проповѣди, не направляетъ проповѣдниковъ къ невѣрующимъ, а требуетъ, чтобы невѣрующіе, минуя предосудительную „самочинную работу духа“, приходили на выучку къ духовенству, ибо духовенство-де знаетъ вѣру и скромное подчиненіе духовенству для наученія составляетъ первый шагъ, первый актъ стремленія къ культурѣ чувства вѣры. Ясно, что вѣра для г. Тихомирова равносильна съ довѣріемъ къ духовенству или вѣрою въ духовенство, *знающее вѣру*, и принятіемъ въ силу этого довѣрія на вѣру всего, что входитъ въ составъ его наученія. Но такой переходъ отъ дѣйствительнаго невѣрія къ дѣйствительной вѣрѣ, какъ уже говорили мы, психологически невозможенъ. Для перехода отъ невѣрія къ вѣрѣ, очевидно, необходимы именно „самочинная работа духа“, самочинное исканіе истины. Но, какъ только существуетъ самочинное исканіе и самочинная работа духа, такъ, естественно, должно проявляться и временное блужданіе духа. Если переходъ отъ невѣрія къ вѣрѣ становится не индивидуальнымъ только, но и болѣе или менѣе массовымъ общественнымъ явленіемъ, то естественнымъ послѣдствіемъ такого пробужденія религиозныхъ потребностей необходимо должно быть броженіе. Но г. Тихомировъ боится броженія и любитъ застой: вѣрующіе, говоритъ онъ, пусть поступаютъ въ добрую и умную школу къ духовенству и спасаютъ свои души подъ его руководствомъ, а невѣрующіе пусть коснѣютъ въ своемъ невѣрїи и даже состоятъ открытыми врагами Церкви, но не дерзаютъ самочинно искать религиозной истины и производить „броженіе“. А вѣдь именно „броженіе“-то и должна производить въ мірѣ малая, положенная Христомъ закваска, поднимающая все тѣсто. А вѣдь именно алчущіе и жаждущіе правды и объявляются блаженными. И къ чему же алканіе и жажда правды, когда стоитъ только „поступить на выучку къ духовенству“, направляться для уясненія всѣхъ религиозныхъ стремленій въ департаментъ духовныхъ дѣлъ, какимъ является для г. Тихомирова Церковь, какъ своего рода консулѳаціонный институтъ прежде всего?

Въ такое неестественное и психологически-невозможное отношеніе желаетъ поставить г. Тихомировъ черезъ духовенство къ религиозной истинѣ тѣхъ, кто еще не вѣруетъ въ полномъ смыслѣ этого слова, но уже колеблется въ своемъ невѣрїи и чувствуетъ въ себѣ пробужденіе религиозныхъ потребностей. Угасите духъ свой! говоритъ имъ г. Тихомировъ, тогда какъ Писаніе говоритъ совершенно напротивъ: не угашайте духа! (1 Фесс. V, 21).

3) По отношенію къ вѣрующимъ, т. е. живымъ членамъ Церкви, у г. Тихомирова существуетъ то же самое требованіе. Не принимая участія ни въ какомъ общемъ движеніи и ни о какомъ общемъ движеніи не радѣя, они должны преслѣдовать только личное свое душевное (индивидуальное) спасеніе „подъ руководствомъ Церкви, т. е. въ конкретности духовенства“ и исповѣдывать вѣру, которую духовенство *знаетъ* и которой можетъ и должно научать, такъ какъ ему одному присущи право и обязанность *наученія*, хотя не общества, не паствы своей огуломъ, а отдѣльныхъ личностей, обязанныхъ, въ качествѣ членовъ Церкви, приходить къ нему. Эта необязательность общественной, въ строгомъ смыслѣ, церковной проповѣди возводится г. Тихомировымъ чуть ли не въ догматъ и выясняется на примѣрѣ отца Климента Зедергольма, оптинскаго монаха. По словамъ г. Тихомирова, „покойный о. Климентъ былъ такимъ же точно „коснымъ“ (кавычки подлинника), какъ и все русское духовенство. Это не значитъ, чтобы онъ не велъ проповѣди. Напротивъ. Но къ обществу (курсивъ подлинника) и онъ ее не рискуетъ обращать, а заботится о выработкѣ отдѣльныхъ личностей“. Немного ранѣе, тѣ же требованія предъявляетъ г. Тихомировъ и ко всему православному духовенству. „Общество, говоритъ онъ, учится религіи у своихъ людей. А въ то же время—церковные учителя, пастыри и наставники, какъ-то отсутствуютъ въ процессѣ обращенія общества. *Отдѣльныхъ лицъ* (курсивъ нашъ) они обучаютъ и наставляютъ, а *цѣлое* движеніе для нихъ какъ-будто не существуетъ“. Именно на примѣрѣ о. Климента оптинскаго и выясняетъ г. Тихомировъ нормальность и законность этого явленія. Примѣръ этотъ выбранъ во всякомъ случаѣ совершенно неудачно. О. Климентъ—монахъ, отшельникъ, удалившійся отъ міра вообще и отъ міра церковнаго включительно, не имѣющій паствы и пастырскаго долга, сложившій съ себя обязанность передъ Церковью вообще, не обрученный ни съ какою мѣстною Церковью, какъ обручено все вообще дѣйствующее духовенство. Какъ монахъ, онъ преслѣдуетъ только цѣли личнаго своего, индивидуальнаго спасенія, обязанъ радѣть и заботиться только о собственной душѣ своей. Не иначе смотрятъ на цѣли монашества и постановленія соборовъ. „Монашество изображаетъ намъ прежде всего цѣль покаянія, а потому никакой прежній образъ жизни, никакое обличеніе въ грѣхопадении не препятствуютъ приступу къ исполненію сего намѣренія, ибо Спаситель нашъ Богъ рекъ: Грядущаго ко Мнѣ не изжену вонъ“ (Трульск., пр. 43). Цѣль монашества—ради своего спасенія „прилѣпляться къ Богу черезъ удаленіе отъ молвы житейскія“ (Трульск., пр. 40). Монашествующій свободенъ по тому вполне удалаться отъ всякаго общенія человѣческаго, дѣлаться затворникомъ и себѣ въ уединеніи внимати, можетъ налагать даже на себя обѣтъ безмолвія, ибо онъ не имѣетъ другого назначенія, кромѣ личнаго, индивидуальнаго душевнаго своего спасенія (Трульск., пр. 41). Священство получаетъ монахъ только въ виду потребностей обители, которая не можетъ обходиться безъ духовнаго пастыря. Его паства, внѣ міра житейской молвы, состоитъ изъ подобно ему отречшихся отъ міра. Только по отношенію къ ней принимаетъ онъ на себя обязанность. Итакъ, покойный отецъ Климентъ, не рискуя обращаться съ проповѣдью къ обществу, а заботясь только о выработкѣ отдѣльныхъ личностей, дѣлалъ даже болѣе, чѣмъ

долженъ и обязанъ былъ дѣлать. Къ обществу онъ и не могъ обращать своей проповѣди, потому что удалился отъ общества и отъ молвы житейскія, по самому долгу монашества, и поставилъ себѣ задачею только радѣть о собственной душѣ своей и нести тѣ или другія возложенныя на него обязанности по отношенію къ подобнымъ себѣ отшельникамъ. Совершенно другое назначеніе имѣетъ духовенство не монашествующее или, точнѣе, церковное пастырство, т. е. епископы и священники. Только г. Тихомировъ возлагаетъ на нихъ обязанность вырабатывать личности исключительно порознь, въ одиночку, тогда какъ вся исторія Церкви и все отцы и учителя церковные смотрѣли на нихъ, какъ на пасущихъ и устрояющихъ Церковь, какъ *цѣлое*, почитали ихъ ангелами Церквей, въ смыслѣ душъ, руководящихъ всею ихъ жизнедѣятельностью. Вообще, по новому ученію г. Тихомирова, по сектѣ, которую хочетъ онъ основать, выдавая ее за Церковь православную (какъ дѣлали и все вообще еретики, признававшіе себя Церковью, а Церковь—расколомъ, себя православными, а всехъ остальныхъ еретиками), существуютъ только разрозненныя души христіанскія, преслѣдующія порознь цѣли своего спасенія, и духовенство или іерархія, вырабатывающія каждую личность по-одиночкѣ, въ ея особнякѣ. По ученію г. Тихомирова, выходитъ, какъ-будто бы іерархія или духовенство, какъ говоритъ онъ, не знаетъ Церковь, какъ цѣлое, и не заботится о Церкви, какъ цѣломъ, а каждый представитель Церкви или духовенства вѣдаетъ только каждую душу христіанскую порознь, особнякомъ и только къ каждой отдѣльной душѣ ведетъ свою проповѣдь, не пытаясь (или, какъ говоритъ г. Тихомировъ, не рискуя) воздѣйствовать на общество, не имѣя передъ нимъ никакихъ миссіонерскихъ обязанностей, точно какъ-будто бы преемство апостоламъ не касается уже болѣе назначенія: шедше проповѣдуйте и т. д. Но развѣ, если существуетъ еще обязанность миссіи внѣшней, то миссіа внутренняя не имѣетъ уже правъ на свое существованіе, не составляетъ духовной обязанности апостольскихъ преемниковъ. А въ чемъ же можетъ заключаться внутренняя миссіа, если не въ воздѣйствіи духовномъ на общество, числящееся въ Церкви, но духовно не принадлежащее къ ней. Да и все вообще отношеніе духовенства къ Церкви и отдѣльныхъ представителей іерархія къ Церкви въ изложеніи г. Тихомирова является чѣмъ-то новымъ и небывалымъ. Г. Тихомировъ со стороны представителей духовенства, какъ говоритъ онъ, т. е. епископовъ и священниковъ, признаетъ только обязанность вырабатывать и принимать на выучку только отдѣльныя личности и проповѣдовать только отдѣльнымъ личностямъ, руководить только отдѣльными совѣтами, не воздѣйствуя на мѣстную Церковь, на паству свою, какъ на живую единицу, какъ на живое тѣло (организмъ), не воспитывая ее, какъ нѣчто цѣлое, съ которымъ обрученъ онъ, не воздѣйствуя на нее своею проповѣдью. По ученію г. Тихомирова, служитель алтаря изъ наставника Церкви, учителя народа церковнаго, обращается только въ руководителя частной индивидуальной совѣсти тѣхъ, кто почитаетъ себя обязаннымъ приходить за наученіемъ и совѣтомъ, — въ *directeur de conscience*, какъ говорятъ французскіе католики. Не такъ смотритъ на эту обязанность представителей „духовенства“ Соборная Церковь. „Предстоятели Церквей“, гласитъ 19-е правило Трульскаго, т. е. 6-го Вселенскаго Собора, „должны по вся дни,

наипаче же во дни воскресные поучати весь клиръ и народъ словесамъ благочестія, избирая изъ Божественнаго Писанія разумнїя и разсужденія истины, и не преступая положенныхъ уже предѣловъ и преданія богоносныхъ отецъ. И аще будетъ изслѣдуемо слово Писанія, то не иначе да изъясняютъ оное, развѣ какъ изложили свѣтила и учителя Церкви въ своихъ писанїяхъ и симъ болѣе да удовлетворяются, нежели составленїемъ собственныхъ словъ, дабы при недостаткѣ умнїя въ семъ не уклонитися отъ подобающаго. Въ основѣ этого постановленія лежитъ 58-е правило святыхъ Апостолъ. „Епископъ или пресвитеръ, не радящїи о клирѣ и о народѣ (αμελων τον κληρον και τον λαον) и не учащїи ихъ благочестїю, да будетъ отлученъ. Аще же останется въ семъ нерадѣнїи и лѣности, да будетъ изверженъ“. И всѣ присяжные, классическіе толкователи правилъ Аристенъ, Зонара и Вальсамонъ подразумѣваютъ въ данномъ случаѣ церковное учительство, какъ проповѣдь. „Епископское достоинство есть учительное, говоритъ Вальсамонъ, и всякій епископъ долженъ учить народъ догматамъ благочестія и правиламъ жизни православной. Ибо онъ поставляется надзирателемъ (Επισκοπος) для надзиранія (Επισκοπειν) за народомъ своимъ: отчего и названъ епископомъ. И пресвитеры должны быть таковыми же, потому что они сидятъ близъ епископа на высокихъ каедряхъ. Итакъ, епископъ и священникъ, не дѣлающїй такъ, но небрежущїи о семъ, отлучается, а пребывающїи въ нерадѣнїи—извергается. Пресвитеры учатъ съ дозволенія епископа, а не самовольно“. Еще опредѣленїе и картинистѣе выражаетъ тѣ же самыя мысли Зонара. „На всякомъ епископѣ, говоритъ онъ, лежитъ непремѣнный долгъ подчиненный ему народъ учить догматамъ благочестія и приводить къ правой вѣрѣ и честной жизни, ибо Богъ черезъ пророковъ говоритъ предстоятелямъ народовъ: если не возвѣстиши ни соглаголеши, беззаконникъ той въ беззаконїи своемъ умретъ, крове же его отъ руки твоя възыщу (Иезек. III, 18). Итакъ, епископъ, не радящїи объ ученїи, отлучается и т. д... Подобно сему и пресвитеры; ибо правило требуетъ, чтобы и они были учительны. И великій Павелъ заповѣдуетъ епископу быть учительнымъ и трезвеннымъ (т. е. бодрствующимъ), а не лѣнливимъ и небрежнымъ... Для сего епископамъ и каедрѣ въ алтарѣ поставляется на возвышенїи. Это показываетъ, каковъ онъ долженъ быть, и что онъ долженъ съ высоты обнимать взоромъ народъ ему подчиненный и тщательнѣе надзирать (Επισκοπειν) за нимъ. И пресвитерамъ установлено стоять тамъ и сидѣть вмѣстѣ съ епископомъ, дабы и они съ возвышеннаго мѣста могли надзирать за народомъ и благоустроить его, какъ сотрудники, данные епископу“. (Понятно, что рѣчь идетъ не о надзиранїи и благоустроенїи въ храмѣ, а о благоустроенїи и надзиранїи въ жизни. Возвышенное мѣсто въ храмѣ только символически указываетъ на надзиранїе и благоустроенїе въ жизни). Просимъ читателя обратить вниманїе на то, что во всѣхъ этихъ случаяхъ говорится не о воздѣйствїи на отдѣльныхъ только личностей, а о воздѣйствїи на народъ, какъ цѣлое, въ качествѣ надзиранія, благоустроенія и поученія.

Проповѣдь, обращенная ко всему народу церковному, была преимущественно въ древней, т. е. наиболѣе энергически-жившей Церкви необходимою принадлежностью богослуженія; значенїе ея достигалось величайшими іерархами

и пастырями Церквей, каковыми и были величайшіе и плодovitѣйшіе проповѣдники, какъ Златоустъ, Василій Великій, Григорій Навіанзій и имъ подобныя... Г. Тихомировъ вполне оставляетъ эту главную обязанность „духовенства“ безъ вниманія, не говоритъ о ней ни слова, не принимаетъ ея въ соображеніе, въ качествѣ живой, дѣйствующей силы Церкви, и ограничиваетъ дѣятельность представителей духовенства только выработкою отдѣльныхъ личностей воздѣйствіемъ на отдѣльныхъ людей, руководствомъ отдѣльныхъ обособленныхъ душъ. Мало того, отсутствіе такой проповѣди признаетъ г. Тихомировъ вполне правильнымъ и какъ бы исходящимъ изъ самихъ задачъ и самой сущности Церкви, изъ самаго назначенія „духовенства“ и іерархіи церковной. Повторимъ его слова. „Общество учится религіи у *своихъ* людей. А въ то же время церковные учителя, законные пастыри и наставники, какъ-то отсутствуютъ въ процессѣ образованія общества“. (Почему же они-то не дѣлаются для общества, ищущаго религіозной истины, своими людьми?) „*Отдѣльныхъ* личностей они обучаютъ и наставляютъ, а *цѣлое* движеніе для нихъ какъ бы не существуетъ“. И въ оправданіе духовенства отъ упрека въ косности, г. Тихомировъ восклицаетъ: „Развѣ духовенство отказываетъ ищущему истины въ объясненіи ея. Почему же человекъ общества идетъ за своими разъясненіями не къ своему священнику, а напимѣръ къ г. Соловьеву? Но развѣ учительскій долгъ пастырей церковныхъ заключается только въ отвѣтъ на частные запросы частныхъ лицъ? Развѣ отсутствіе отказовъ соотвѣтствуетъ положительному исполненію непосредственной обязанности? Развѣ отдѣльныя овцы должны въ случаѣ нужды идти отыскивать своего пастыря, направляться къ нему? Для того-то и пастырь не есть пастырь отдѣльныхъ разрозненныхъ овецъ, но пастырь стада, какъ живаго цѣлага. Сосредоточеніе всей дѣятельности пастыря на отдѣльныхъ только душахъ въ тѣхъ случаяхъ, когда эти души сами исобюю къ пастырю приходятъ и къ нему обращаются съ запросомъ, г. Тихомировъ почитаетъ совершенно правильнымъ и правильность этого явленія объясняетъ примѣромъ о. Амвросія и о. Климента Оптинскихъ. „На нашихъ глазахъ, говоритъ онъ, десятки образованныхъ интеллигентовъ *посѣщали* о. Амвросія Оптинскаго, и все единогласно признаютъ, что онъ прекрасно понималъ „тонкости“ ихъ образованной души“. Почему же *все такіе служители Церкви*, не жалѣя силъ на спасеніе *даже одной отдѣльной души*, стоятъ въ сторонѣ отъ нашего религіознаго движенія въ цѣломъ (кавычки автора, а курсивъ нашъ). „Отецъ Климентъ—живой отзывчивый—очень много трудится, но ничуть не вмѣстѣ съ обществомъ“. Что же тутъ удивительнаго, когда отецъ Климентъ по долгу монашества, опредѣленному Церковью въ приведенныхъ нами выше соборныхъ постановленіяхъ, уклонился отъ общества, отрекся отъ него, уклонился отъ молвы житейскія, никакой ввѣренной ему паствы не имѣетъ и имѣть не можетъ и ни передъ какой частью общества не несетъ и не можетъ нести никакихъ обязательствъ. „Общество, продолжаетъ г. Тихомировъ, читаетъ гг. Достоевскихъ и Соловьевыхъ, о. Климента даже не знаетъ и самъ о. Климентъ столь же мало объ этомъ заботится, какъ любой „косный“ и „узкій“ монахъ. Это не значитъ, чтобы онъ не велъ проповѣди. Напротивъ. Но къ обществу и онъ ее не рискуетъ обра-

шать, а заботится о выработкѣ отдѣльныхъ личностей. Такъ онъ много сдѣлалъ для К. Н. Леонтьева“. Какъ избравшіе житіе монашеское и обязанные по ученію церковному сосредоточивать жизненный подвигъ свой на индивидуальномъ покаяніи и заботиться только о спасеніи души своей и личномъ привлеченіи къ Богу, какъ освободившіеся ради этой цѣли отъ всякихъ обязанностей передъ обществомъ и удалившіеся отъ всякой молвы житейскія, покойные о. Климентъ и о. Амвросій дѣлали болѣе, чѣмъ обязаны были дѣлать, если не отказывали въ отвѣтахъ посѣщающимъ ихъ и обращающимся къ нимъ, ибо никакихъ въ строгомъ смыслѣ церковныхъ обязанностей они не несли и никакой паствы они не имѣли, а, радѣя только о собственныхъ душахъ своихъ, могли вѣдать только отдѣльныя души приходящихъ къ нимъ и ограничить своеобразную проповѣдь свою только выработкою отдѣльныхъ личностей, не вѣдая ни общества, ни его движенія. Въ совершенно другомъ положеніи находятся призванныя пасти стадо Христово—пастыри Церкви. Для нихъ „общество“—либо паства, за которую приняли они на себя отвѣтственность, съ которою обручены они и передъ которою имѣютъ они обязательство, либо поприще для апостольской, миссіонерской ихъ дѣятельности, для внутренней миссіи вполнѣ для нихъ обязательной. О. Амвросій и о. Климентъ были вполнѣ правы, забоясь только о выработкѣ отдѣльныхъ личностей въ отдѣльныхъ, посѣщающихъ ихъ людяхъ и не рискуя обращаться съ проповѣдью къ обществу, хотя бы и въ Церкви; пастыри церковные, поступая подобно имъ, пренебрегали бы существенною своею обязанностью и по 58-му правилу апостольскому должны были бы быть отлучены или извержены. Глубокую ошибку творитъ г. Тихомировъ, отождествляя, по невѣжеству и по разстроенному „самочинному“ уметвованію своему, пастырей съ не-пастырями и требуя отъ пастырей только того же, что можно требовать и отъ всякаго другаго.

Я не беру на себя обязанности оспаривать того, вѣрно или невѣрно изобразилъ г. Тихомировъ образъ дѣйствій современнаго русскаго духовенства; по отношенію къ религіи и религіознымъ движеніямъ общества, составляющаго ввѣренную этому „духовенству“ паству. Соответствуетъ ли изображаемая ими картина дѣйствительности или нѣтъ—дѣло совершенно другое. Пусть и обличаютъ его въ невѣрности другіе, если картина невѣрна. Для меня важно только то, что такой порядокъ вещей почитаетъ онъ нормальнымъ, требуемымъ сущностью съ задачами самой Церкви, проповѣдуетъ такимъ образомъ ученіе совершенно противоположное идеалу церковному. Для него „духовенство“ есть вѣдомство, обязанное выработать личность и руководствовать душевнымъ спасеніемъ вѣхъ отдѣльныхъ, разрозненныхъ людей, приходящихъ и обращающихся къ нему съ запросами при исканіи истины и за руководствомъ въ дѣлѣ личнаго, индивидуальнаго спасенія. Духовенство, по собственному выраженію г. Тихомирова,—профессора; общество—юноши-студенты. „Профессоръ не можетъ насильно повысить пониманіе юноши, а *принужденъ ждать*, чтобы тотъ самъ къ нему пришелъ, хотя бы по уваженію къ его ученымъ трудамъ“. И это нормально отношеніе пастырей къ паствѣ! И это Церковь?

Выступая непризваннымъ апологетомъ „духовенства“ отъ болѣе или менѣе мнимыхъ на него нападеній, г. Тихомировъ самъ возводитъ на него большее,

чѣмъ кто-либо обвиненіе, доказывая, что оно по принципу не вѣдаетъ народа церковнаго и не должно вѣдать его, а существуетъ только для разрѣшенія запросовъ тѣхъ лицъ, которыя къ нему обращаются, и для руководствованія дѣломъ спасенія тѣхъ душъ, которыя за такимъ руководствомъ къ нему приходятъ. Общества, народа церковнаго, паствы, вообще „духовенство“, т. е. совокупность пастырей не знаетъ и не должно знать; оно ограничивается, по г. Тихомирову, только пріемомъ „*посѣтителей*“ и правдъ уже тѣмъ, что „не отказываетъ ищущему истины въ объясненіи ея.“ Назначеніе „духовенства“, какъ пастырства церковнаго, по новому ученію г. Тихомирова, заключается только въ томъ, чтобы *порознь* обращаться съ частною проповѣдью къ *порознь* ищущимъ истины и спасенія и ради того къ нему направляющихся и къ нему приходящихъ. Духовенство, какъ пастырство церковное, является такимъ образомъ коллегіею профессоровъ, обязанныхъ давать частныя уроки и частныя наставленія, т. е. *privatissima* въ полнѣйшемъ смыслѣ этого слова тѣмъ *разрозненнымъ* индивидуумамъ, которые того или другаго представителя духовенства избираютъ своимъ частнымъ руководителемъ, своимъ *directeur de conscience*. Общественный союзъ Церкви ученіемъ г. Тихомирова совершенно уничтожается. Индивидуумы *порознь* стремятся къ истинѣ и спасенію; вѣдающая такія дѣла коллегія порознь же черезъ каждаго изъ своихъ членовъ вырабатываетъ отдѣльныя личности, отдающія себя ей на выучку. Гдѣ же Церковь?

б) Г. Тихомировъ стремится, какъ показали мы выше, поставить „духовенство“, какъ совокупность пастырства церковнаго, въ неестественное отношеніе къ Церкви, какъ словесному стаду, въ неестественное отношеніе къ вѣрующимъ и невѣрующимъ членамъ общества и народа. Для основанія Церкви по своему образцу и по своему усмотрѣнію и вождѣлнію, г. Тихомировъ искажаетъ миссію духовенства, проповѣдуетъ по отношенію къ нему ученіе, отличное отъ ученія соборной, апостольской Церкви и даже противоположное ему. Совершенно неправильно точно также опредѣляетъ своими умствованіями г. Тихомировъ и назначеніе вѣрующихъ мірянъ и обязательное ихъ отношеніе къ духовенству. По новому, своеобразному и отличному отъ православнаго, ученію г. Тихомирова, вѣрующій мірянинъ долженъ заботиться только о личномъ индивидуальномъ душевномъ спасеніи своемъ, подчиняться для этой цѣли руководству Церкви, т. е. „*въ конкретности духовенства*“, искать истины и объясненія истины у „духовенства“, какъ *знающаго* вѣру, за всѣми разясненіями истины направляться къ своему или всякому вообще священнику, скромно обращаться *за наученіемъ* туда, гдѣ Богу угодно было Самому показать Себя, т. е. въ Церковь, къ *духовенству*, которому вѣрено *наученіе*. Замѣчательно это догматизированіе новаго учителя, г. Тихомирова. Если Церковь „въ конкретности есть духовенство“, то стало быть сама по себѣ, въ полнотѣ своей и совокупности, она есть нѣчто *отвлеченное*, а не живое, дѣйствующее во всѣхъ частяхъ своихъ. Таковою и является она, для г. Тихомирова; сосредоточиваясь въ духовенствѣ, *какъ конкретности*, она представляется ему только туманною отвлеченностью. Кто, кромѣ г. Тихомирова, проповѣдывалъ что либо такое! „Первымъ шагомъ культивированія чувства вѣры“ является, для г. Тихомирова, духовная подчиненность духовенству. Первая добродѣтель

вѣрующаго заключается для него въ духовномъ подчиненіи тому же самому духовенству и въ уклоненіи отъ самочиннаго исканія религіозной истины.

Необходимымъ почитаю указать прежде всего на то обстоятельство, что никто, говорящій про Церковь на основаніи преданій церковныхъ, не говорилъ бы о „духовенствѣ“, ибо Церковь не знаетъ слова „духовенство“ и никакого понятія о духовенствѣ не имѣетъ. Слово и понятіе „духовенство“ вошли въ языкъ нашъ со стороны и мы покажемъ сейчасъ откуда. Ни древне-русская, ни восточная Церковь никакого духовенства и духовнаго сословія не знаютъ и не вѣдаютъ. Слово *πνευματικος* имѣетъ въ церковной терминологіи много различныхъ переносныхъ значеній, но никогда ни епископа, ни пресвитера, ни вообще принадлежащаго клиру или клирика не обозначаетъ. Для обозначенія принадлежащаго къ клиру употребляются иногда, во избѣжаніе слова клирикъ, выраженія—каноникъ или каноническій (*κανονικος*), въ смыслѣ лица, требуемаго, утверждаемаго уставомъ церковнымъ (Кириллъ Иерусалимскій; Лаодиц. соб., пр. 15; Ант., пр. 2; Никейск., пр. 16, 17), или—терминъ служитель алтаря, чинъ церковный (*ταῖς ἱερατικῆν*)—ecclesiasticus. Древне-русская Церковь тоже не знаетъ ни духовенства, ни духовныхъ чиновъ, кромѣ духовниковъ, какъ совершающихъ преимущественно служеніе духа и по-гречески носящихъ названіе *πνευματικος*. Откуда же явились къ намъ слова духовенство, духовное сословіе и духовный чинъ, какъ бы отличающіе всѣхъ служителей Церкви какъ не отъ плотскихъ людей? Вѣдь словъ этихъ нельзя разыскать ни въ одной славянской кормчей по той самой простой причинѣ, что ихъ не вѣдала Церковь. Отвѣтъ на поставленный выше вопросъ въ высшей степени простъ. Все это—термины не церковные, а государственно-административные. Они введены въ употребленіе Духовнымъ Регламентомъ, который словами *духовный чинъ* передавалъ нѣмецкій терминъ *der Geistliche Stand*. Нѣмецкое подраздѣленіе общества и толпу и чины—сословія (*Stände*) отразилось и въ Петровскомъ государственно-законодательствѣ о Церкви. По этой-то причинѣ и Синодъ долженъ былъ называться Духовною Коллегіею. Назвать его Церковною Коллегіею не рѣшились, а назвать его Кириенколлегіею,—какъ учрежденіе, завѣдывающее разными дѣлами, названо было Бергъ-коллегіею,—тоже оказывалось неудобнымъ. Пришлось перевести на русскій языкъ нѣмецкое слово *der Geistliche*, обозначающее служителя церкви, и *der Geistliche Stand*—въ смыслѣ духовнаго чина и званія, сословія—духовенства (*Geistlichkeit*). Такимъ образомъ, по предписанію того же Регламента: „Духовное соборное правительство имѣетъ всякія *духовныя дѣла* во всероссійской Церкви управлять: всѣ вѣрныя царскіе подданные всякаго чина, *духовные* и мірскіе обязаны имѣть сіе за важное и сильное правительство и у него крайнія *дѣла духовныхъ управы* рѣшенія и вершенія просить и судомъ его опредѣленнымъ довольствоваться и указовъ его слушать во всемъ“. Въ этомъ именно смыслѣ церковное понятіе обозначено было государственно-административнымъ терминомъ духовенство, буквально-точно переведеннымъ съ нѣмецкаго (*Die Geistlichkeit der Stadt N*, по нѣмецкой терминологіи, обозначаетъ именно „духовенство города N“). Въ католической Церкви термины „духовенство“, „духовный“ также отсутствовали, насколько намъ извѣстно, до появленія протестантизма. Мы можемъ рѣшительно сказать, что

терминъ Geistliche Stand — духовное званіе — не существовалъ до реформаціи или по крайней мѣрѣ не имѣлъ общественнаго значенія и введенъ въ употребленіе протестантствомъ для избѣжанія слова *клиръ*, которое въ протестантскомъ міровоззрѣніи совершенно утрачивало смыслъ свой. Наоборотъ, выраженія *der Geistliche* и *der Geistliche Stand* — духовный чинъ, духовное званіе тотчасъ же привились и получили права гражданства въ церквахъ протестантскихъ, вошли въ терминологию церковнаго права протестантскаго. „Учащее сословіе или духовное сословіе евангелическихъ церквей, говоритъ напр. одинъ изъ извѣстныхъ протестантскихъ канонистовъ Эйгорнъ, — *Lehr-Stand, Geistlicher Stand* — состоитъ изъ лицъ, призванныхъ къ отправленію учительскаго служенія (*Lehramt*); остальные члены Церкви могутъ называться лаиками, — по нѣскольку слово это обозначаетъ только принадлежность ихъ къ общинѣ. (*Kirchenrecht I, 896*). Духовный чинъ или духовное званіе состоитъ изъ пасторовъ и проповѣдниковъ, т.-е. *учителей и докторовъ* Церкви. Такъ какъ служительство Церкви со временъ Петра стало все болѣе и болѣе сосредоточиваться въ замкнутомъ сословіи, то и слово духовенство, какъ обозначеніе этого сословія, привилось болѣе другихъ такого же рода терминовъ и постепенно перешло изъ государственно-административной терминологіи въ разговорную и литературную рѣчь народа. „Духовенство“ есть послѣ-петровскій терминъ, обозначающій и послѣ-петровское же понятіе. Церковь этого термина не приняла и не знаетъ, ибо съ понятіемъ о духовенствѣ связываются представленія, не связывающіяся съ понятіемъ о клирѣ. Въ виду этого лишена заботливости, которую выражаетъ г. Тихомировъ словами покойнаго профессора Кояловича. „Въ нашу среду, говорилъ этотъ послѣдній, теперь чаще и чаще поступаютъ лица свѣтскаго сословія... Это — хорошее направленіе. Но не надо забывать, что при этомъ направленіи въ нашу духовную среду могутъ поступать новые люди и изъ такихъ слоевъ свѣтскаго званія, которые больше всего изломаны петровскими преобразованіями и могутъ даже помимо воли вносить въ *нашу духовную среду* воззрѣнія, приемы, дѣйствія и привычки, выработанныя на почвѣ западно-европейскаго иновѣрія — латинисты, протестанты и даже реалисты“. Эта повторяемая г. Тихомировымъ „заботливость“ почтеннаго профессора, эта его *oratio pro domo sua* значительно утрачиваетъ смыслъ и право на существованіе, если мы примемъ во вниманіе, что именно эта-то *наша духовная среда* и создана петровскими преобразованіями, черезъ нихъ оторвана отъ всей совокупности русскаго народа, приобрѣла свою замкнутость, въ значительной части приновлена Петромъ къ западному, нѣмецкому складу и ладу и изъ протестантскаго міра заимствовала даже свое наименованіе. Она то — эта среда, т. е. духовенство, какъ званіе и сословіе и составляетъ именно созданный Петромъ „слой“. Развѣ петровское вліяніе не коснулось внѣшнимъ образомъ Церкви и не произвело въ ней ломокъ, оставивъ чистымъ только ея ученіе или, точнѣе, вѣру ея. Въ области же ученія — учительства, а не вѣры — западное вліяніе то католическое, то протестантское сказывалось непрестанно и не перестаетъ сказываться именно въ виду оторванности *учительствующей* замкнутой среды отъ *вѣрующей* Церкви. Не станемъ на этомъ останавливаться, ибо это было уже блистательно доказано

Ю. О. Самаринимъ въ его знаменитомъ предисловіи къ богословскимъ сочиненіямъ Хомякова, да тому же представляетъ обильныя свидѣтельства и вся наша богословская литература, къ сожалѣнію зачастую отклоняющаяся въ сторону того или другаго иноученія. Именно этимъ-то отклоненіямъ и споспѣшествовала оторванность замкнутой учительствующей среды отъ вѣрующаго народа, порождавшая оторванность науки отъ вѣры и жизни церковной.

Итакъ, только потому, что г. Тихомировъ смотритъ не изъ Церкви, а откуда-то со стороны, — употребляетъ онъ не церковное слово духовенство вмѣсто церковнаго слова клиръ. Но и замѣна слова „духовенство“ словомъ „клиръ“ не дѣлала бы новаго ученія его болѣе правильнымъ, болѣе православнымъ. Что такое клиръ и кто принадлежитъ къ клиру? Клиръ состоитъ изъ всѣхъ, отправляющихъ степени служенія церковнаго по благословенію епископа и въ вѣдѣніи его. Вальсамонъ въ Комментаріи на Номоканонъ Фотія (1, 21) говоритъ, что клириками почитаются пресвитеры, дьяконы, иподьяконы, чтецы и пѣвцы (ψαλται). Совершенно то же подтверждается и всѣми другими свидѣтельствами и всею исторіею Церкви. Не иначе смотрятъ на составъ клира и въ настоящее время. Что же, неужели всякій пѣвецъ или чтець, всякій пономарь и дьячекъ есть уже учитель церкви и къ нимъ для разрѣшенія всякаго религіознаго вопроса и сомнѣнія долженъ обращаться вѣрующій мірянинъ для наученія, какъ къ представителямъ церковнаго авторитета? Ужели имъ ввѣрено учительство церковное, опредѣленіе истины церковной и руководство душъ на пути ко спасенію? Ужели къ нимъ обязательно для „вѣрующаго“ скромно обращаться для культуры чувства вѣры? Ужели всему клиру во всемъ его составѣ, т.е. всякому клирику вообще „ввѣрено“ обученіе? (Мы замѣняемъ въ данномъ случаѣ въ рѣчахъ г. Тихомирова словомъ клиръ слово духовенство). Разумѣется нѣтъ. „Учительность“ и „учительство“ требуется, какъ уже видѣли мы, не отъ всего клира, а только отъ священниковъ. Съ нашей точки зрѣнія, конечно, можно обратиться за наученіемъ и ко всякому клирику, какъ можно обратиться ко всякому человѣку вообще, не обязуясь принимать словъ его на вѣру и почитать ихъ непреложною истиною, не культивируя вѣры своей подчиненностью и довѣріемъ, какъ того требуетъ г. Тихомировъ. Но ужъ если дѣлать различіе между клирикомъ и міряниномъ, то необходимо обращаться не ко всякому клирику безразлично и не къ клиру вообще, а только къ священнику, которому одному только, да и то не непосредственно, а по усмотрѣнію и благословенію епископа „ввѣрено наученіе“ или на которомъ, говоря точнѣе, лежитъ долгъ и обязанность учительства. Слѣдуетъ ли изъ того, что даваемому наученію слѣдуетъ непремѣнно вѣрить и черезъ такое скромное обращеніе и подчиненіе культивировать и воспитывать въ себѣ чувство вѣры? Православная Церковь никогда не признавала священниковъ непогрѣшимыми. Они могутъ ошибаться и заблуждаться подобно всѣмъ людямъ вообще. Періоды ересей представляютъ намъ сотни и даже тысячи уклоняющихся отъ православія священниковъ. Каждый отдѣльный священникъ — не авторитетъ въ дѣлѣ вѣры. Если непогрѣшимымъ признаетъ его г. Тихомировъ, то Вселенскій Соборъ отнюдь не признаетъ не только священниковъ, но даже и епископовъ непогрѣшимыми и потому внушаетъ имъ, чтобы, поучая народъ, они воздерживались отъ собственныхъ своихъ толкованій, дабы не впа-

дать въ заблужденіе, а руководствовались толкованіями свѣтилъ и учителей Церкви въ ихъ писаніяхъ. Далѣе тотъ же соборъ прямо выражаетъ боязнь, чтобы предстоятели Церквей, т. е. епископы и пресвитеры „при недостаткѣ умѣнія не уклонялись отъ подобающаго“ (Трульск., пр. 19). Итакъ, истину видитъ соборъ только въ ученіи и толкованіи признанныхъ церковью свѣтилъ и учителей церкви, а не въ ученіи каждаго священника и каждаго епископа. Священникъ, по ученію соборному, не будучи непогрѣшимымъ въ дѣлахъ вѣры и будучи подверженъ, какъ и все другіе, возможности заблуждаться, можетъ давать правое наученіе не потому, что онъ священникъ, а потому, что онъ, по выраженію г. Тихомирова, *знаетъ вѣру*, открытую для всехъ или, точнѣе, знаетъ писанія свѣтилъ и учителей Церкви, одобренныя Церковью. Но вѣдь это сокровище духовное открыто и доступно для всехъ въ Церкви, хотя о немъ-то почему-то, какъ и обо всемъ Св. Писаніи, и умалчиваетъ г. Тихомировъ. Вселенскій Соборъ говоритъ о необходимости церковной проповѣди, которая, разумѣется, требуетъ и вниманія со стороны вѣрующаго, а г. Тихомировъ говоритъ о необходимости частныхъ собесѣдованій съ отдѣльными представителями духовенства. Соборъ говоритъ, что отдѣльные представители могутъ заблуждаться, а г. Тихомировъ въ принятіи на вѣру результатовъ этого частного собесѣдованія видитъ воспитаніе чувства вѣры.

Но вѣдь для того, чтобы „скромнымъ обращеніемъ къ духовенству“ культивировалось и воспитывалось чувство вѣры“, необходимо, чтобы вѣрующій либо признавалъ священника непогрѣшимымъ, либо духовенство вообще непогрѣшимымъ, либо чтобы онъ къ содержанію вѣры относился совершенно безразлично и признавалъ, что суть вѣры именно и заключается въ подчиненіи самочинности своей духовенству и что этого одного ужъ достаточно для спасенія и этого одного требуетъ Церковь для своего существованія. Въ этомъ смыслѣ высказывался, какъ увидимъ мы дальше, одинъ изъ древнихъ еретиковъ, проповѣдывавшій что человѣкъ спасается всякою вообще вѣрою, независимо отъ объекта и содержанія вѣры. Но и онъ не отождествлялъ вѣры съ довѣріемъ и подчиненіемъ проповѣдующему.

Въ обоихъ указанныхъ выше случаяхъ проявляется вѣра въ извѣстный социальный строй, въ церковь, какъ внѣшнее учрежденіе, а не въ то, что составляетъ непосредственное содержаніе вѣры. Черезъ такую вѣру, вѣрующій или, точнѣе, исповѣдующій входитъ въ непосредственное соотношеніе, общеніе, религію, связь съ учрежденіемъ, проповѣдующимъ содержаніе вѣры или, по г. Тихомирову, дающимъ *знаніе вѣры*, а не съ самимъ божественнымъ объектомъ. Вѣруа въ священника и во все вообще внѣшнее учрежденіе, вѣрующій, по ученію г. Тихомирова, *спршитъ* священнику и велѣдствіе того исповѣдуетъ передаваемое священникомъ содержаніе вѣры, *знаніе вѣры*. Но такая вѣра возможна только либо при признаніи священника непогрѣшимымъ, не способнымъ колебаться и заблуждаться а, это, какъ мы уже видѣли, противно соборному ученію Православной Церкви, либо равняется предвзятому намѣренію принимать на вѣру безразлично все, чему бы ни учили представители церкви, какъ учрежденія, каковое безразличное отношеніе также противно духу православія и ученію Церкви, какъ подробно докажемъ мы еще впоследствии. И въ томъ и въ

другомъ случаѣ получается *знаніе* вѣры, исповѣданіе вѣры, какъ принятаго знанія, но не вѣра, а *безвѣрная* вѣра, какъ глубоко вѣрно и мѣтко выразился Хомяковъ, поставившій это ложное и въ своемъ родѣ кощунственное отношеніе къ божественному міру, эту профанацію религіознаго чувства на одну степень съ лестью и развратомъ.

За *отру безвѣрную*, лесь и развратъ,
За гордость Царьграда слѣпую
Осману ты даль сокрушающій млатъ,
Громовыя стрѣлы и острый булатъ
И силу коварную, злую.

Но при *безвѣрной отру* и вся церковь становится только чисто вѣршимъ учрежденіемъ, государственнымъ союзомъ своего рода, не говоря уже о томъ, что она перестаетъ быть православною, хотя бы безвѣрно исповѣдуемая ею вѣра и продолжала оставаться самымъ чисто-православнымъ ученіемъ, доктриной. Отсутствовать будетъ живая вѣра, какъ камень, на которомъ зиждется сама Церковь; Церковь будетъ лишена самого своего основанія. Церковь обѣщаетъ Христосъ воздвигнуть на вѣрѣ, а не вѣру основываетъ на существованіи Церкви, какъ то дѣлаетъ г. Тихомировъ, отождествляющій даже Церковь съ духовенствомъ, какъ *отвлеченное съ конкретнымъ*.

На пастыряхъ церковныхъ (не на духовенствѣ и не на клирѣ) лежитъ бесспорно обязанность учительства, но никогда Православная Церковь не учила, чтобы имъ присушъ былъ по самому сану ихъ особый даръ учительства, благодать учительства, чтобы мнѣнія и вѣра cadaго были непогрѣшными. Даже всей іерархіи въ совокупности непогрѣшимость вѣры въ отдѣльности отъ Церкви не принадлежитъ. „Въ Церкви, говоритъ окружное посланіе единой святой апостольской Церкви ко всеѣмъ христіанамъ, никогда ни духовенство, ни патріархи, ни соборы не могли ввести что-нибудь новое, потому что хранитель благочестія есть самое тѣло Церкви т.е. самый народъ“. Но даже въ Римской церкви все попытки обосновать и установить догматъ епископской непогрѣшимости въ дѣлахъ вѣры, хотя бы въ тѣхъ случаяхъ, когда епископъ говоритъ съ кафедръ (*ex cathedra*), неудавались и терпѣли крушеніе. Священники бесспорно обладаютъ большимъ или меньшимъ знаніемъ вѣры, какъ выражается г. Тихомировъ, но каждое собственное ихъ толкованіе, какъ уже видѣли мы изъ соборныхъ постановленій, весьма легко можетъ быть и ошибочнымъ, а *знаніе отру* можетъ быть доступно и всеѣмъ, ибо всеѣмъ открыты и Св. Писаніе и писанія свѣтилъ и учителей Церкви, которыя служатъ ему толкованіемъ и о которыхъ говорить соборное постановленіе. По отношенію къ учительству въ Церкви существуетъ только различіе между имѣющими обязанность учить и не имѣющими этой обязанности, равно какъ и между *болше* и *менше* знающими, насколько знаніе относится къ учительству. Въ Церкви нѣтъ различія между учителями авторитетными въ отдѣльности и учителями неавторитетными, или не имѣющими и тѣни церковнаго авторитета, ибо и сами „предстоятели Церкви“ въ дѣлѣ ученія, по приведеннымъ нами словамъ Трульскаго, т. е. шестаго Константинопольскаго собора, авторитетностью въ дѣлѣ ученія не обладаютъ и весьма могутъ впадать въ заблужденія, „уклоняться отъ подобающаго“.

Г. Тихомировъ въ борьбѣ съ „самочинностью духа“ искажаетъ ученіе о вѣрѣ, дѣлая ее вѣрою въ авторитетъ, т. е. вѣрою по чуждому свидѣтельству, требующею предварительной вѣры въ свидѣтеля, и точно также искажаетъ ученіе о Церкви, обращая ее въ сборище (агрегатъ) *разрозненно* стремящихся къ личному, *индивидуальному* спасенію и ради того порознь обращающихся за совѣтами къ *отдѣльнымъ* представителямъ знающей вѣру іерархіи, призванной къ наученію *отдѣльныхъ* людей, по *отдѣльнымъ, частнымъ* случаямъ. Это ученіе не православное и не церковное, а такъ сказать *религіозный индивидуализмъ*, или *религіозный атомизмъ* разрушающій церковность и живую, истинную связь вѣрующихъ между собою.

Отъ всѣхъ словъ г. Тихомирова такъ и вѣетъ глубокимъ невѣдѣніемъ духа православія и того, что составляетъ *знаніе вѣры*. Православная Церковь не знаетъ опредѣленнаго ученія о раздѣленіи Церкви на учащую и учащуюся, какъ знаютъ его западные богословы. Но предположимъ даже, что такое ученіе существуетъ и Церковью исповѣдуется, и что вѣрующему обязательно подчиняться этой учащей Церкви. Даже и при такомъ предположеніи, теоріи и уметствованія г. Тихомирова оказывались бы все-таки совершенно неправильными. Развѣ учащая Церковь состоитъ и можетъ существовать только изъ живущихъ еще учителей и при томъ въ предѣлахъ извѣстной опредѣленной территоріи? Развѣ голоса почившихъ уже пастырей церковныхъ, за смертію ихъ, утратили церковное свое значеніе и перестали быть голосомъ Церкви? Развѣ мнѣнія о вѣрѣ живущаго еще пастыря важнѣе почему-либо, чѣмъ мнѣнія пастырей, признанныхъ Церковью отцами, учителями и свѣтилами, какъ напр. Василія Великаго, Златоуста, Афанасія Александрійскаго, Григорія Богослова и огромнаго числа другихъ?... Кажется, къ нимъ полезнѣе было бы обращать ищущихъ религіозной истины, чѣмъ ко *всякому* священнику, къ *любому* священнику, къ *каждому* священнику или къ неопредѣленному „духовенству“. Мы живемъ не въ одномъ только настоящемъ и не однимъ только настоящимъ. „Поле—не Африка, и жатва—конецъ вѣковъ, а не время Доната“, говоритъ бл. Августинъ. Мы связаны и должны чувствовать себя связанными со всѣмъ прошлымъ церковнымъ, ибо только въ полнотѣ прожитыхъ временъ открывается и полнота преданія, которую не открываетъ и не можетъ открывать взглядъ на одно только настоящее, не говоря уже объ опросѣ отдѣльныхъ только лицъ, хотя бы и принадлежащихъ къ составу „духовенства“. Мѣры церковности—преданіе, тождественность въ вѣкахъ. Для Церкви и вѣрующаго взглядъ на прошлое, на вѣреницу вѣковъ церковной жизни, онъ безусловно необходимъ. Только тождественное, сохраняющееся въ вѣкахъ, имѣетъ значеніе церковности. Глубоко-поучительны слова церковнаго писателя 5-го столѣтія Викентія Леринейскаго, приводимыя и западно-католическими и православными богословами, какъ лучшее выраженіе ученія древней Церкви о преданіи. „Въ самой Церкви католической, говоритъ онъ, съ величайшимъ тщаніемъ слѣдуетъ заботиться, чтобы держали мы то, что является предметомъ вѣры повсюду, всегда и для всѣхъ (*quod ubique, quod semper, quod ab omnibus creditum est*)... Достигается это можетъ только въ томъ случаѣ, если мы будемъ принимать къ слѣдованію всеобщность, древность, согласіе

(si sequamur universitatem, antiquitatem, consesionem). Мы слѣдуемъ всеобщности (всееленскости), если почитаемъ истинною ту вѣру, которую исповѣдуетъ Церковь во всемъ земномъ мірѣ. Мы слѣдуемъ древности, если не отступаемъ отъ толкованій, явно исповѣданныхъ святыми предками нашими и отцами. Мы преслѣдуемъ согласованіе, если и въ самой древности слѣдуемъ опредѣленіямъ и толкованіямъ вѣхъ почти святителей и учителей“ (*Vincetii Lerinensis Commonitorium*, с. 2).

II.

Амвросій Медиоланскій, въ трудѣ своемъ, „О должностяхъ священства“, церковно-славянскій переводъ котораго изданъ между прочимъ по распоряженію Св. Синода, говоритъ: „Церковь есть нѣкая форма справедливости, общее право вѣхъ. *Сообща* она молится, *сообща* трудится, *сообща* испытывается“. (*Ecclesia quaedam forma justitiae est, commune jus omnium; in commune orat, in commune operatur, in commune tentatur. De Officiis I, с. 29*).

Этотъ-то характеръ общности вѣхъ видовъ дѣйствія и желаетъ прежде всего, если не уничтожить, то затмить г. Тихомировъ. По его новому христіанству или по крайней мѣрѣ новому православію, всякій *отдѣльно* вѣрующій долженъ стремиться только къ частному, *отдѣльному* совершенствованію, ради *частнаго* своего *индивидуальнаго* душевнаго спасенія, не дерзая даже помышлять о воздѣйствіи на Церковь, но только дѣлаясь пріемникомъ ея воздѣйствія черезъ обращеніе къ *отдѣльнымъ* представителямъ духовенства, которому ввѣрено наученіе и которые могутъ и должны руководствовать дѣломъ его спасенія черезъ своего рода *privatissima*, т.-е. черезъ *частныя, отдѣльныя* собесѣдованія.

Церковь проповѣдуетъ *общеніе* и *общность* какъ существенныя необходимыя условія своего существованія; г. Тихомировъ, какъ основатель новаго толка и новаго ученія, проповѣдуетъ индивидуальную *разобщенность, разрозненность* и *обособленность* вѣрующихъ, имѣющихъ цѣлью только частное, индивидуальное свое спасеніе. Если нѣтъ общенія, то, разумѣется, не можетъ быть и *взаимодѣйствія* между *порознь* стремящимися къ достиженію тождественныхъ цѣлей. Въ виду этого основатель новаго ученія г. Тихомировъ осуждаетъ четыре явленія современной религіозной жизни общества:

а) Стремленіе воздѣйствовать на Церковь, а не только принимать на себя ея воздѣйствіе черезъ посредство представителей „духовенства“.

б) Существованіе въ обществѣ „вольныхъ пророковъ“ и внимательное отношеніе къ ихъ голосамъ.

в) Самое существованіе „свѣтскаго учительства“.

г) Самочинную работу и вообще самочинство религіознаго духа, замѣняющія рабское подчиненіе авторитету.

Г. Тихомировъ проповѣдуетъ ученіе свое отъ своего ума и воплѣтъ „самочинно“. Въ проповѣди его мы не встрѣчаемъ ни указаній на Св. Писаніе, ни ссылокъ на отцовъ и учителей Церкви. Умствованія свои онъ по-

читаетъ непреложно соответствующими истинѣ и являющимися ученіемъ Церкви, ибо въ противномъ случаѣ онъ указалъ бы намъ на источники своей мудрости, на церковные источники, изъ которыхъ почерпаетъ онъ свое ученіе и которыми подтверждается ихъ правота и ихъ церковность.

Разсмотримъ же прежде всего основные элементы ученія г. Тихомирова въ связи съ ученіемъ книгъ Новаго Завета.

1. Начнемъ съ „вольныхъ пророковъ“. Укажемъ, прежде всего, вмѣстѣ съ другими критиками г. Тихомирова, на нелѣпость и нелогичность этого сочетанія словъ, возможнаго только развѣ въ какомъ-нибудь фельетонѣ. Развѣ бывали когда-нибудь внѣшнеудостоверенные, узаконенные, штатные, конфирмованные, должностные пророки или пророки по званію, по занимаемому ими мѣсту? Развѣ существовали когда-нибудь въ Церкви чинъ, санъ или званіе пророковъ? „Духъ дышетъ, гдѣ хочетъ, говоритъ Христосъ, и голосъ его слышишь, а не знаешь, откуда приходитъ и куда уходитъ: такъ бываетъ со *всякимъ*, рожденнымъ отъ Духа“ (Іоан. III, 8). Назначенныхъ пророковъ, пророковъ по званію не бывало и быть не можетъ. Вольными въ глазахъ всѣхъ людей были всѣ пророки ветхозавѣтные. Всѣ или почти всѣ они не принадлежали къ чиновначалію храма, отнюдь ни отъ кого не получали посвященія, не принадлежали обязательно къ колѣну Левія. Пророчествомъ, даромъ пророчества обладали и женщины: Маріамъ—сестра Моисея, Девора, Анна и др. Въ этомъ дарѣ пророчества сказывалась и внутренняя духовная работа пророковъ, безспорно „самочинная“, по ученію г. Тихомирова; апостоль Петръ говоритъ объ „*изслѣдованіяхъ* и *изысканіяхъ* пророковъ“ ветхозавѣтныхъ, „которые предсказывали о назначенной благодати, изслѣдывая на которое и на какое время указывалъ сущій въ нихъ Духъ“ (1 Петра I, 10, 11). Въ чудѣ Пятидесятницы тотъ же апостоль Петръ видитъ исполненіе пророческихъ словъ Іоила: „И будетъ въ послѣдніе дни, говоритъ Богъ, излію отъ Духа Моего на *всякую плоть* и будутъ пророчествовать сыны ваши и дочери ваши; и юноши ваши будутъ видѣть видѣнія, и старцы ваши сновидѣніями вразумляемы будутъ. И на рабовъ Моихъ и на рыбынь Моихъ въ тѣ дни излію отъ Духа Моего и будутъ пророчествовать“ (Дѣян. II, 17, 18). И всеобщность этого изліанія Духа Святаго на всякую плоть вскорѣ подтвердилась въ Церкви. „Когда Петръ продолжалъ еще эту рѣчь (къ Корнелію Сотнику, бывшему язычникомъ), Духъ Святой сошелъ на всѣхъ слушавшихъ слово. И вѣрующіе изъ обрѣзанныхъ, пришедшіе съ Петромъ, изумились, что даръ Святаго Духа излился и на язычниковъ, ибо слышали ихъ говорящихъ языками и величающихъ Бога. Тогда Петръ сказалъ: „кто можетъ запретить креститься водою тѣмъ, которые, *какъ и мы*, получили Святаго Духа? И велѣлъ имъ креститься во имя Іисуса Христа“ (Дѣян. X, 44—47). Апостолы явились, такимъ образомъ, въ силу обѣщанія, высказаннаго Іоилемъ, по отношенію къ дару пророчества, только первенцами христіанскихъ пророковъ. Подробно о дарѣ пророчества, исчисляя дары, распределенные между членами церковнаго тѣла, говоритъ апостоль Павелъ въ своихъ посланіяхъ. Подъ пророчествованіемъ подразумѣваетъ онъ, однако, не только предсказаніе и предвѣщаніе будущаго, но и „слово назиданія, увѣщанія и утѣшенія“ въ настоящемъ (1 Кор XIV, 3).

И вотъ, обращаясь ко „*всѣмъ* призывающимъ имя Господа нашего Иисуса Христа въ Коринѣ“ (1 Кор. I, 1), желая *всѣхъ* ихъ не оставить въ невѣдѣніи и о дарахъ духовныхъ (XII, 1), апостоль внушаетъ *всѣмъ имъ* безразлично „достигать любви, ревновать о дарахъ духовныхъ, особенно же о томъ, чтобы пророчествовать“ (XIV, 1). А почему именно такъ преимущественно полезно пророчество? „Кто говоритъ на незнакомомъ языкѣ, поясняетъ апостоль, тотъ назидаетъ себя, а кто пророчествуетъ, тотъ назидаетъ Церковь“ (XIV, 4). Итакъ, вѣрующій по ученію апостола Павла, вопреки ученію г. Тихомирова, долженъ болѣе ревновать о томъ, чтобы говорить людямъ въ „назиданіе, увѣщаніе и утѣшеніе“ и „назидать Церковь“, чѣмъ заботиться о собственномъ только своемъ назиданіи. А по словамъ г. Тихомирова, уже самое стремленіе воздѣйствовать на Церковь является предосудительнымъ и преступнымъ. „Желаю, продолжаетъ апостоль Павелъ, чтобы вы всѣ говорили языками, но лучше, чтобы вы пророчествовали“ (XIV, 5). Другими словами, болѣе желаю, чтобы вы радѣли о Церкви и о спасеніи всѣхъ людей, нежели о своемъ только личномъ спасеніи (какъ разъ противоположено ученію г. Тихомирова), а въ этомъ-то и проявляется превосходство пророчества надъ говореніемъ языками. „Ты хорошо благодаришь, но братъ твой (не понимающій, что говоришь ты на незнакомомъ языкѣ) не назидается“ (XIV, 16, 17). „Итакъ, что же братія? Когда вы сходитесь и у *каждаго изъ васъ* есть псаломъ, есть *поученіе*, есть языкъ, есть откровеніе, есть истолкованіе, все сіе да будетъ къ назиданію“ (XIV, 26). А г. Тихомировъ уже и самое стремленіе воздѣйствовать на Церковь ставитъ въ упрекъ? „Итакъ, братія, ревнуйте о томъ, чтобы пророчествовать, но не запрещайте и говорить языками. Только все должно быть благопристойно и чинно (XIV, 39). „*Всѣ* одинъ за другимъ можете пророчествовать, чтобы *всѣмъ* поучаться и *всѣмъ* получать утѣшеніе“ (XIV, 3).

Явно, что г. Тихомировъ входитъ въ рѣзкое противорѣчіе съ самимъ апостоломъ Павломъ. Апостоль всѣмъ заповѣдуетъ ревновать о дарахъ духовныхъ и въ особенности о дарѣ пророчества, а г. Тихомировъ всѣхъ именно вольныхъ пророковъ осуждаетъ и преслѣдуетъ, даже не задаваясь вопросомъ о томъ, истинные ли они пророки или ложные. Для него достаточно уже того, что они пророки, вѣншимъ образомъ не призванные, не титулованные, и, въ этомъ смыслѣ, вольные. Апостоль совѣтуетъ въ другомъ мѣстѣ бояться только лжепророковъ, а г. Тихомировъ считаетъ преступниками всѣхъ вольныхъ пророковъ вообще и вниманіе голосу ихъ почитаетъ дѣломъ предосудительнымъ. Апостоль Павелъ ради того и желаетъ, чтобы всѣ ревновали о дарѣ пророчества и потому пророчествовали, дабы всѣми назидалась Церковь (1 Кор. XIV, 5), а г. Тихомировъ уже и то считаетъ прискорбнымъ и неправильнымъ явленіемъ, что общество учится религіи у своихъ людей, хотя бы они были и людьми Церкви и при томъ безусловно православными, какъ напр. Хомяковъ. Апостоль Павелъ въ томъ и усматриваетъ превосходство пророчества надъ говореніемъ языками, что говорящій на незнакомомъ языкѣ дѣйствуетъ только для себя, заботится только о своей душѣ, назидаетъ только себя, а кто пророчествуетъ, тотъ назидаетъ Церковь. Г. Тихомировъ уже и

помышленіе какъ-нибудь воздѣйствовать на Церковь почитаетъ религіознымъ преступленіемъ и своего рода кощунствомъ. „Ревнуя о дарахъ духовныхъ, говорить ап. Павелъ, старайтесь обогатиться ими къ назиданію Церкви“ (1-е Кор. XIV, 12), а г. Тихомировъ рекомендуетъ заботиться только о личномъ, индивидуальномъ спасеніи, только о выработкѣ своей личности подъ руководствомъ „духовенства“.

Явно, что апостоль Павелъ проповѣдуетъ одну религію, а г. Тихомировъ— другую; апостоль Павелъ говоритъ объ одной Церкви, а г. Тихомировъ— о какой-то совершенно другой, если даже нововоздвигаемое имъ зданіе и можетъ почитаться Церковью.

2. Теперь перейдемъ къ свѣтскому учительству. Въ свѣтской проповѣди, т.-е. въ проповѣди мірянъ видить г. Тихомировъ нѣчто предосудительное, не религіозное, не церковное и потому прискорбное. Мірянинъ, по ученію г. Тихомирова, долженъ заботиться только о спасеніи собственной, индивидуальной души своей „по ученію и руководству Церкви“; онъ долженъ только воспринимать воздѣйствіе Церкви, а никоимъ образомъ не воздѣйствовать на Церковь. Этимъ и заканчивается, по г. Тихомирову, жизненная задача мірянина-индивидуума, какъ члена Церкви. Не такъ, совершенно не такъ смотритъ на дѣло Ап. Павелъ. Мы уже видѣли, что ревность и радѣніе о собственномъ только своемъ индивидуальномъ спасеніи, совершенствованіи и назиданіи считаетъ онъ, если не предосудительными, то по крайней мѣрѣ недостаточными для вѣрующаго, какъ члена Церкви. Онъ прямо возлагаетъ на вѣрующаго обязанность назидать другихъ вѣрующихъ, а черезъ то и всю Церковь или, по крайней мѣрѣ, такъ или иначе на нее воздѣйствовать. Церковь, по Ап. Павлу, есть союзъ вѣрующихъ, изъ которыхъ никто не остается страдающимъ только, воспринимающимъ, пассивнымъ и для другихъ мертвымъ, но каждый есть назидаемый и назидающій, принимающій воздѣйствіе, но также и воздѣйствующій. Обязанности вѣрующаго передъ Церковью постигаетъ Ап. Павелъ гораздо шире, чѣмъ то желательно для г. Тихомирова. „Богъ, говоритъ Апостоль, опредѣлилъ насъ не на гнѣвъ, но къ полученію спасенія черезъ Господа нашего Іисуса Христа, умершаго за насъ, чтобы мы, бодрствуемъ ли мы или спимъ, жили вмѣстѣ съ Нимъ. Посему *назидайте* одинъ другаго, увѣщевайте другъ друга, какъ вы и дѣлаете“ (1 Фессалон. V, 9—11). „Смотрите братія, чтобы не было въ комъ изъ васъ сердца лукаваго и невѣрнаго, дабы вамъ не отступитъ отъ Бога живаго, *но наставляйте другъ друга каждый день, доколѣ можно говоритъ*“ (Евр. III, 12, 13). „Служите другъ другу, говоритъ Ап. Петръ, каждый тѣмъ даромъ, который получилъ, *какъ добрые домостроители многообразной благодати Божіей. Говоритъ ли кто, говори, какъ слова Божіи*; служитъ ли кто, служи по силѣ, какую даетъ Богъ“ (1 Петр. IV, 10, 11). Все это сказано братіямъ, а не пастырямъ, ибо специальное обращеніе къ пастырямъ начинается съ слѣдующей только главы посланія. Итакъ, Церковь, по ученію апостольскому, не есть школа, въ которую вѣрующіе, по требованіямъ г. Тихомирова, отдають себя „на выучку къ духовенству“, но школа взаимообученія, взаимоназиданія, взаимоусовершенствованія вообще, въ которую каждый вступаятъ, какъ „до-

мостроитель многообразной благодати Божіей“. Это обязательное взаимообученіе вѣрующіхъ, какъ членовъ Церкви, эта круговая межъ ними порука прекрасно выясняется въ слѣдующихъ словахъ. „Дополните мою радость, пишетъ Ап. Павелъ къ Филиппійцамъ, имѣйте одни мысли, имѣйте ту же любовь, будьте единокорны и единомысленны, ничего не творя по любопренію или по тщеславію, но по смиренномудрію, почитая одинъ другаго вышнимъ себя, *не о себѣ только каждый заботься, но каждый и о другихъ*, ибо въ васъ должны быть тѣ же чувства, какъ и въ Іисусѣ Христѣ (Филипп. II, 2—5). Апостоль не внушаетъ вѣрующимъ достигать единомыслія, слѣдуя ученію кого-либо одного, поставленнаго надъ ними; но воспрещая имъ творить что-нибудь по любопренію или по тщеславію, совѣтуетъ имъ смиренно заботиться другъ о другѣ, дабы быть единокорными и единомысленными. Единокоріе и единомысліе достигаются только общимъ трудомъ, общею дѣятельностью. Чуждая любопренія и тщеславія заботливость вѣрующіхъ другъ о другѣ можетъ въ данномъ случаѣ заключаться только въ назиданіи и поученіи другъ друга, т. - е. въ осуждаемой г. Тихомировымъ свѣтской проповѣди, ибо всякая другая заботливость не можетъ имѣть источникомъ любопреніе. Въ томъ же посланіи къ Филиппійцамъ, Апостоль Павелъ благодаритъ не только „епископовъ и дьяконовъ“, т. - е., по позднѣйшему обозначенію, клиръ, но и всѣхъ вѣрующіхъ, т. - е. всѣхъ мірянъ, находящихся въ Филиппахъ за ихъ „участіе въ благовѣствованіи отъ перваго дня и до-нынѣ (Филипп. I, 1, 4, 5). Ихъ же всѣхъ увѣдомляетъ онъ изъ Рима, „что, когда узы его во Христѣ сдѣлались извѣстными всей преторіи и всѣмъ прочимъ, то „большая часть изъ братьевъ въ Господѣ, ободрившись узами моими, начали съ большою смѣлостью безобоязненно проповѣдывать слово Божіе. Нѣкоторые, правда, прибавляетъ онъ, по зависти и любопренію, а другіе съ добрымъ расположеніемъ проповѣдуютъ Христа“ (Фил. I, 13—15). Допустимъ, что въ данномъ случаѣ рѣчь идетъ только о проповѣди невѣрующимъ, но и это прямо и безусловно противорѣчитъ требованіямъ г. Тихомирова, воспрещающаго мірянамъ быть „миссіонерами общества“, проповѣдывать даже и тѣмъ членамъ общества, которые, какъ невѣрующіе, хотя и ищущіе правды, находятся временно внѣ общенія церковнаго и не слышатъ проповѣдующаго голоса Церкви изъ устъ ея пастырей. Обязанность вѣрующіхъ мірянъ наставлять, назидать и вразумлять другъ друга, иными словами—вести проповѣдь другъ къ другу не прекращается, для Ап. Павла, даже и по отношенію къ тѣмъ изъ братьевъ, съ которыми надо не сообщаться, чтобы устыдить ихъ. „Не сообщайтесь съ нимъ, чтобы устыдить его, говоритъ апостоль, но не считайте его за врага, а вразумляйте какъ брата“ (2 Тим. III, 15). Наконецъ желаніе ап. Павла, чтобы вѣрующіе поучали и назидали Церковь ясно видно и изъ того преимущества, которое имѣетъ въ глазахъ его пророчество передъ говореніемъ языками, ибо говорящіе языками назидаютъ самихъ себя, а пророчествующіе назидаютъ всю Церковь. Суть новозавѣтнаго пророчества заключается, какъ уже видѣли мы, въ назиданіи, увѣщаніи и утѣшеніи. Оттого-то, внушая всѣмъ вѣрующимъ достигать любви и ревновать о дарахъ духовныхъ, Апостоль и прибавляетъ: особенно же о томъ, чтобы пророчествовать.

Оттого-то и желаетъ Апостоль, чтобы всякій, имѣющій поученіе, псаломъ или пророчество, назидаль имъ Церковь, употреблялъ даръ свой на благо Церкви. Совершенно вопреки ученію г. Тихомирова, обрекающаго вѣрующихъ на подчиненное молчаніе и на радѣніе только о своей душѣ безъ всякой заботы о Церкви, Апостоль Павелъ внушаетъ вѣрующимъ заботиться не о своихъ только душахъ, но и о всей Церкви, назидать не самихъ только себя, но и всю Церковь, ревновать о дарахъ духовныхъ и въ особенности о пророчествѣ, суть котораго заключается именно въ назиданіи, увѣщаніи, толкованіи, поученіи. Г. Тихомировъ внушаетъ вѣрующему подчиняться, молчать и „культуривовать“ чувство вѣры своей пассивнымъ подчиненіемъ; Апостоль Павелъ внушаетъ вѣрующимъ назидать и поучать вѣрующихъ же (но только не изъ тщеславія и любопренія), и радуется ихъ благовѣтвованію среди невѣрующихъ.

Итакъ, по ученію Св. Писанія учительство составляетъ одну изъ обязанностей вѣрующаго христіанина, а потому и то, что называется г. Тихомировъ „свѣтскимъ учительствомъ“, не только не возбраняется, но поощряется и почитается желательнымъ. Всякое ли вообще учительство почитается желательнымъ, даже и тогда, когда оно не противорѣчитъ преданному, не заключаетъ въ себѣ неправоты? Апостоль Павелъ прямо осуждаетъ учительство по тщеславію и любопренію. Надо замѣтить, что слово *εριθεια* во всѣхъ остальныхъ мѣстахъ Нов. Зав. переводится черезъ зависть (2 Кор. XII, 20; Гал. V, 20; Іак. III, 14, 16, Филипп. I, 16). Въ виду этого *εριθεια* и въ данномъ случаѣ обозначаетъ не любовь къ спорамъ вообще, но любовь къ спорамъ изъ-за соперничества, изъ-за желанія первенствовать. *Κενοδοξια* прямо обозначаетъ тщеславіе, стремленіе къ пустой, суетной славѣ. Въ обоихъ случаяхъ учительствующій учительствуетъ изъ-за личныхъ цѣлей, изъ-за желанія первенствовать, проявить свою личность, а не изъ любви къ ближнему, къ Церкви и къ истинѣ. Въ этихъ случаяхъ учительство его, разумѣется, можетъ приносить только вредъ, а потому и подлежитъ осужденію. Въ этомъ же смыслѣ и Апостоль Іаковъ не многимъ совѣтуетъ становиться учителями, указывая на отвѣтственность, которую принимаетъ на себя учительствующій, не покоривъ себѣ всецѣло языка своего, не обуздавъ его духовнаго жала (III, 1—10). А чтобы подчинить себѣ языкъ, сдѣлать его способнымъ произносить только доброе, надо нравственно воспитать духъ свой „добрымъ поведеніемъ съ мудрою кротостью“ (11—13). Но, если въ вашемъ сердцѣ вы имѣете горькую зависть и сварливость, то не превозносите и не лгите на истину. Это не есть мудрость, нисходящая свыше, но земная, душевная, бѣсовская, ибо, гдѣ зависть и сварливость, тамъ неустройство и все худое. (Іак. III, 14—16). Ограничивая учительство предъявленіемъ нравственныхъ требованій къ учительствующему, Апостоль Іаковъ уже тѣмъ самымъ удостоверяетъ, что вѣрующій можетъ и учительствовать, если онъ изгналъ изъ своего сердца горькую зависть и сварливость и подчинилъ языкъ свой служенію однимъ только добрымъ цѣлямъ. Еслибы въ Церкви были поставленные учителя, а все прочіе должны были бы безмолствовать и подчиняться, то вся третья глава посланія, говорящая объ отвѣтственности учительствующей

щихъ, не имѣла бы смысла. Такое же значеніе имѣеть и другое ограниченіе. „Жены ваши, говоритъ Ап. Павелъ, въ церквахъ да молчатъ, ибо не позволено имъ говорить, а быть въ подчиненіи, какъ и законъ говоритъ. Если же они хотятъ чему научиться, пусть спрашиваютъ о томъ дома у мужей своихъ, ибо неприлично женѣ говорить въ церкви“ (1 Кор. XIV, 34, 35). Къ чему же бы Апостолу было говорить объ обязательномъ молчаніи женщинъ, еслибы всѣ вѣрующіе обречены были на подчиненное безмолвіе въ Церкви?

Отсюда слѣдуетъ, что, по ученію апостольскому, Церковь есть союзъ взимоназиданія, въ которомъ каждый, буде не препятствуетъ ему совѣсть его, долженъ быть не только назидаемымъ, но и назидующимъ, влѣдствіе чего свѣтская про повѣдь является не только не предсудительною, но и необходимою. По ученію секты, которую желаетъ обосновать г. Тихомировъ, выдавая ее за Церковь, вы ходитъ нѣчто совершенно противоположное. Церковь, по ученію этой секты, есть прежде всего *академія* съ ограниченнымъ количествомъ *профессоровъ*, не „рискующихъ“ вести *общую проповѣдь*, но „не отказывающихся“ давать *приватныя наставленія* (*privatissima*) вѣрующимъ, *порознь* ищущимъ только *индивидуальнаго своего спасенія*, *порознь* къ нимъ обращающимся и обязаннымъ радѣть только объ индивидуальномъ своемъ спасеніи, не дерзая радѣть о Церкви черезъ *воздѣйствіе* на нее. Таково ученіе секты.

3) Изложивъ воззрѣнія Св. Писанія на гонимыя г. Тихомировымъ „вольное пророчество“ и „свѣтское учительство“, перейдемъ къ разсмотрѣнію вопроса о „воздѣйствованіи вѣрующихъ на Церковь вообще“. „Кто вѣрилъ и приходилъ къ Церкви въ недавнее время, разсуждаетъ г. Тихомировъ, тотъ приходилъ искренно, съ довѣріемъ, не для того, чтобы какъ-нибудь *воздѣйствовать на Церковь, но чтобы воспринять ея воздѣйствіе*“. Такъ учительствуетъ г. Тихомировъ, по измышленіямъ котораго назначеніе вѣрующаго только воспринимать воздѣйствіе Церкви, а не воздѣйствовать на нее. По новому православію г. Тихомирова, Церковь, очевидно, раздѣляется на воздѣйствующихъ и воздѣйствуемыхъ, призванныхъ къ воздѣйствованію и призванныхъ къ воспріятію воздѣйствія, приѣмлющихъ воздѣйствіе и при томъ только приѣмлющихъ, но для благосостоянія Церкви не имѣющихъ ровно никакого значенія. Мірянинъ, такимъ образомъ, въ глазахъ Церкви (по ученію тихомировцевъ) оказывается только лишнимъ спасающимся членомъ, новымъ кандидатомъ на спасеніе, численно только увеличивающимъ церковное стадо. Для самой же Церкви существованіе его совершенно безразлично и бесполезно. Мы уже видѣли, что апостолы смотрятъ на дѣло совершенно иначе. Для нихъ вѣрующіе не суть ненужные для Церкви члены и каждый вѣрующій не является только самъ для себя цѣлью, ради своего самоспасенія, не долѣетъ самому себѣ. Вѣрующіе обязаны и утѣшать, и ободрять, и назидать рѣчью другъ друга и порознь и въ Церкви. Они могутъ и должны принимать участіе въ благовѣствованіи среди невѣрующихъ или отпадшихъ отъ Церкви, ибо апостолъ, какъ мы уже видѣли, не порицаетъ участіе ихъ въ благовѣствованіи, но радуется ему (Филипп. I, 4, 5). Причиною отличія воззрѣній г. Тихомирова и подобныхъ ему тихомировцевъ отъ воззрѣній апостольскихъ и

черезъ то отъ ученія Церквы, заключается въ томъ, что подъ Церквою подразумѣваютъ они нѣчто совершенно другое, чѣмъ подразумѣваетъ сама Церковь, вѣрная ученію апостольскому.

Раскроемъ первое посланіе Апостола Петра, обращенное ко всѣмъ пришельцамъ, разсѣяннмъ въ Галліи, Понтѣ, Каппадокии, Асіи и Віионіи“, т. е. ко всѣмъ вѣрующимъ вообще. Всѣхъ ихъ, какъ новорожденныхъ младенцевъ, призываетъ онъ „возлюбить чистое, словесное молоко“, „дабы отъ него возрасти во спасеніе—приступая къ Христу, какъ къ *камню живому*, отвергнутому строителями, но едѣлавшемуся главою угла“. „И сами, продолжаетъ Апостоль, какъ *живые камни*, устройте изъ себя домъ духовный, священство святое, чтобы приносить духовныя жертвы, благопріятныя Богу Иисусомъ Христомъ“ (1 Петр. II, 2—7). Не каждый самъ изъ себя созидаетъ по Апостолу отдѣльный домъ духовный, какъ учительствуетъ г. Тихомировъ, проповѣдывая христіанскую *рознь* и *особнячество*, но всѣ вѣрующіе общеніемъ своимъ созидаютъ изъ себя, изъ совокупности своей домъ духовный, въ которомъ и являются священствомъ святымъ. Никомъ образомъ нельзя предположить, чтобы, по словамъ Апостола, каждый для себя только долженъ былъ быть „священствомъ святымъ“, чтобы каждый отъ себя только приносилъ „духовныя жертвы, благопріятныя Богу“, какъ хотѣлъ бы г. Тихомировъ,—чтобы каждый вѣрующій, какъ *камень живой*, образовывалъ изъ себя отдѣльный, обособленный храмъ, устрояя домъ духовный изъ самого только себя (такъ думаютъ нѣкоторые отрицающіе Церковь раскольники-старовѣры); но ясно, что будучи, подобно Христу, камнями живыми и примыкая ко Христу, какъ камню краеугольному, вѣрующіе должны общимъ трудомъ устроить изъ себя домъ духовный, т. е. Церковь. Если бы вѣрующіе, по ученію г. Тихомирова, должны были дѣйствовать только *порознь, для себя и на себя*, то не имѣло бы значенія выраженіе Апостола: нѣкогда не народъ, а нынѣ народъ (10). Въ томъ и отличіе живыхъ камней отъ мертвыхъ камней, что послѣднія являются только матеріаломъ въ рукахъ зиждущихъ, а первыя обязательно воздѣйствуютъ другъ на друга, имѣютъ зиждущую силу. Потому и говоритъ тотъ же Апостоль позднѣе: Служите другъ другу, каждый тѣмъ даромъ, какой получалъ, какъ добрые домостроители многообразной благодати Божіей. (1 Петр. IV, 10). Если бы вѣрующіе, какъ живые камни, не были домостроителями церковными и не опредѣляли бы Церковь своею дѣятельностью, то не былъ бы домостроителемъ ея и Христосъ, ибо и Онъ называется точно также живымъ камнемъ, хотя и краеугольнымъ. Итакъ, если творчески дѣйствуетъ на Церковь *живой краеугольный камень* ея Христосъ, то и вѣрующіе, какъ *живые камни*, „приступая къ нему, камню живому, челоуѣками отверженному, но Богомъ избранному, драгоценному“ (5), становятся и должны становиться участниками творческой дѣятельности, зиждительства церковнаго.

Апостоль Павелъ подробно развиваетъ намъ тотъ же образъ Церкви, какъ зданія, воздвигаемаго на краеугольномъ камнѣ Христѣ. „Итакъ, вы уже не чужіе и не пришельцы, но сограждане святымъ и свои Богу, бывъ утверждены на основаніи апостоловъ и пророковъ, имѣя самого Иисуса Христа

краеугольнымъ камнемъ, на которомъ все здание, слагаясь стройно, возрастаетъ въ святой храмъ въ Господѣ, на которомъ и вы устроитесь въ жилище Божіе Духомъ (Еф. II, 20—22). Я по данной мнѣ отъ Бога благодати, какъ мудрый строитель, положилъ основаніе, а другой строитъ, *но каждый смотри, какъ строитъ*“. (Кор. III, 11). „Живые камни“ Апостола Петра въ изложеніи Павла становятся членами живаго тѣла, а потому и воздвигаемое здание церковное уподобляется живому тѣлу — организму, воздѣйствующему на жизнедѣятельность каждаго изъ членовъ и обусловливаемому жизнедѣятельностью каждаго изъ нихъ, какъ имѣющаго тотъ или иной даръ Духа Святаго для воплощенія Христа въ Церкви. Въ Церкви поэтому не можетъ быть ни мертвыхъ членовъ, ни ненужныхъ и излишнихъ для благоустроенія или домостроительства церковнаго, „ибо дары различны, а Духъ единъ, и служенія различны, а Господь одинъ и тотъ же, и дѣйствія различны, а Богъ одинъ и тотъ же, производящій *все во всѣхъ*“. Но *каждому* дается проявленіе Духа на пользу“. (1 Кор. XII, 4—7). Цѣль творчества и зодчества церковнаго достигается по Ап. Павлу только многообразіемъ даровъ духовныхъ и многообразностью ихъ распредѣленія. Тѣло не было бы тѣломъ, т.-е. живымъ организмомъ, если бы всѣ члены его подобились другъ другу, совершали бы для Церкви одно и то же служеніе, не зависали бы другъ отъ друга и отъ всего цѣлаго и не воздѣйствовали бы другъ на друга и на все цѣлое.

„Вы тѣло Христово, а порознь члены“ (1 Кор. XI, 27). Какъ въ одномъ тѣлѣ у насъ много членовъ, но не у всѣхъ членовъ одно и то же дѣло; такъ мы многіе составляемъ одно тѣло во Христѣ, а порознь одинъ для другаго члены (Римл. XII, 4, 5). Различіе даровъ духовныхъ для того именно и существуетъ, чтобы восполнялось „совершеніе святыхъ для созиданія тѣла Христова, доколѣ всѣ придемъ въ единство вѣры и познанія Сына Божія, въ мужа совершеннаго, въ мѣру полнаго возраста Христова—изъ котораго все тѣло составляемое и совокупаемое посредствомъ всякихъ взаимоскрѣпляющихъ связей, *при дѣйствіи съ свою мѣру каждаго члена* получаетъ приращеніе для созиданія самаго себя въ любви, (Ефес. IV, 12, 13, 16). Богъ соразмѣрилъ тѣло, внушивъ о менѣ совершенномъ большее попеченіе, дабы не было раздѣленія въ тѣлѣ (каковаго раздѣленія именно и желаетъ г. Тихомировъ), а всѣ члены одинаково заботились другъ о другѣ. Посему, страдаетъ ли одинъ членъ, страдаютъ съ нимъ всѣ члены; славится ли одинъ членъ, съ нимъ радуются всѣ члены. И вы—тѣло Христово, а порознь члены (1 Кор. XII, 24—27). Еслибы всѣ были одинъ членъ, то гдѣ было бы тѣло? Но теперь членовъ много, а тѣло одно. Не можетъ глазъ сказать рукъ: ты мнѣ не надобна; или также голова ногамъ: вы мнѣ не нужны. Напротивъ, члены тѣла, которые кажутся слабѣйшими, гораздо нужнѣе, и которые намъ кажутся менѣ благородными въ тѣлѣ, о тѣхъ прилагаемъ болѣе попеченія. (Кор. XII, 24—23). Итакъ, церковное тѣло, или, что то же самое, Церковь, по ученію апостольскому, должно преуспѣвать, совершенствоваться или, по современной терминологіи, прогрессировать жизнедѣятельностью всѣхъ членовъ своихъ для созиданія себя въ любви, для прихода въ единство

вѣры и познанія Сына Божія, въ мужа совершеннаго, въ мѣру полнаго возраста Христова. Такое преуспѣяніе, совершенствованіе церковное достигается, по апостольскому ученію, только *при дѣйствіи въ свою мѣру каждаго члена*. Для Церкви, какъ живаго тѣла, нѣтъ влѣдствіе того мертвыхъ для нея членовъ, но каждый членъ обуславливаетъ собою ея состояніе, воздѣйствуетъ на нее, точно также, какъ каждый принимаетъ на себя ея воздѣйствіе. Апостоль, какъ уже не разъ видѣли мы, прямо осуждаетъ стремленіе члена радѣть только о назиданіи самого себя, заботу о собственномъ только индивидуальномъ спасеніи, довѣніе самому себѣ при содѣйствіи Церкви и ставить обязанностью вѣрующаго духовную заботу о другихъ, назиданіе другихъ и назиданіе Церкви. Потому-то и слѣдуетъ, достигая даровъ духовныхъ, достигать прежде всего дара пророчества, въ смыслѣ назиданія, ободренія и увѣщанія,—что говорящій языками назидаетъ самого себя, а пророчествующій назидаетъ Церковь.

Сравнимъ же въ заключеніе главы ученіе апостольское съ ученіемъ г. Тихомирова.

Г. Тихомировъ предлагаетъ вѣрующимъ радѣть только о собственномъ, индивидуальномъ спасеніи и *спасаться въ разбродѣ*, не дерзая помышлять о воздѣйствіи на Церковь. Апостоль проповѣдуетъ именно воздѣйствіе вѣрующихъ другъ на друга и на всю Церковь, въ качествѣ живыхъ членовъ живаго тѣла Церковнаго.

Г. Тихомировъ проповѣдуетъ *сепаратизмъ* во спасеніе, разрываетъ узы, связующія вѣрующихъ между собою, представляя вѣрующихъ разрозненными атомами или единицами, соподчиненными только одному общему духовному начальству. Для апостоловъ Церковь есть союзъ взаимодѣйствія вѣрующихъ, исполняемый воздѣйствіемъ Церкви, какъ цѣлаго, какъ совокупности тѣхъ же членовъ.

Г. Тихомировъ глумится надъ „вольными пророками“ и воспрещаетъ слѣдовать имъ, все равно—будутъ ли они истинными или ложными. Апостолы велятъ испытывать духовъ, отъ Бога ли они, и влѣдствіе того беречься лжепророковъ, но прежде всего желаютъ, чтобы всѣ „ревновали о дарахъъ духовныхъ, въ особенности же о томъ, чтобы пророчествовать“.

Г. Тихомировъ осуждаетъ огуломъ всякое свѣтское учительство вообще, учительство мірянъ, предписывая вѣмъ вѣрующимъ направляться на выучку къ духовенству, чтобы смиренно культивировать свою вѣру. Апостолы внушаютъ вѣрующимъ наставлять и назидать другъ друга, *пока можно говорить*, радуются участію вѣрующихъ въ благовѣствованіи и осуждаютъ только учительство изъ любви къ спорамъ, зависти и желанія первенствовать.

Явно, что г. Тихомировъ желаетъ основать новую секту, выдавая эту секту за истинную Церковь православную, дѣйствующую въ вѣкахъ и всегда неизмѣнную.

Но святѣ г. Тихомирова не достаетъ перваго и существеннаго атрибута церковности—общенія, общности, не достаетъ творческой *любви*, черезъ которую дѣйствуетъ *вѣра*.

Заклучимъ же эту главу прекрасными словами Амвросія Медіоланскаго, которыми мы ее и начали. „Церковь есть нѣкая форма справедливости, *общее* право вѣхъ; *сообща* она молится, *сообща* трудится, *сообща* испытуетя“.

Г. Тихомировъ желаетъ уничтожить именно этотъ элементъ общности и проповѣдуетъ спасеніе въ разбродъ, сепаратизмъ и индивидуализмъ церковный. Другими словами, г. Тихомировъ проповѣдуетъ обращеніе Церкви въ школу съ профессорами и учащимися, поучающими и принимающими ученіе порознь, и черезъ то разрушаетъ церковность.

III.

Указавъ, что новое ученіе г. Тихомирова противорѣчитъ ученію Св. Писанія, разсмотримъ отношеніе его къ ученію Церкви и хранимому ею священному преданію церковному.

Г. Тихомировъ рѣзко раздѣляетъ Церковь на воздѣйствующихъ и на воздѣйствуемыхъ, изъ которыхъ послѣдніе должны безусловно подчиняться воздѣйствію первыхъ, т.-е., по терминологіи г. Тихомирова, „духовенства“, и чуждаться стремленія воздѣйствовать на Церковь. По отношенію и къ тѣмъ, и къ другимъ, т.-е. къ воздѣйствующимъ, равно какъ и къ воздѣйствуемымъ, разсуждаетъ онъ совершенно кривоославно, а не православно, искажая назначеніе какъ тѣхъ, такъ и другихъ.

Начнемъ съ тѣхъ, кого г. Тихомировъ почитаетъ носящими обязанность воздѣйствовать, т.-е. съ клира, духовенства или іерархіи. На нихъ, какъ уже видѣли мы, возлагаетъ г. Тихомировъ только обязанность воздѣйствовать *отдѣльными* поученіями на *отдѣльныхъ* индивидуумовъ по *отдѣльнымъ* случаямъ; воздѣйствіе же ихъ на вѣренную имъ Церковь или паству, какъ на цѣлое, почитаетъ чѣмъ-то рискованнымъ и не обязательнымъ. Если Церковь, по ученію г. Тихомирова, есть въ конкретности духовенство, если мірянинъ чувство вѣры въ себѣ долженъ воспитывать черезъ скромное наученіе и за ученіемъ обращаться туда, гдѣ Богу угодно было самому показать себя, т.-е. въ Церковь, къ духовенству, которому вѣрено наученіе, то изъ сего необходимо слѣдуетъ, или, вѣрнѣе, въ основѣ такого ученія необходимо лежитъ твердое убѣжденіе, что духовенство не можетъ заблуждаться ни въ болѣе или менѣе полномъ составѣ своемъ, ни въ лицѣ отдѣльныхъ своихъ представителей. Иначе къ чему же было бы воспитывать и культивировать чувство вѣры своей черезъ скромное подчиненіе заблуждающемуся или способному заблуждаться представителю духовенства. Кромѣ того, въ основѣ такого ученія должно лежать и убѣжденіе, что у духовенства имѣется преданіе, не вѣренное Церкви во всей полнотѣ ея состава, преданіе, не открытое мірянамъ и не доступное для нихъ, составляющее частное знаніе духовенства, клира или іерархіи.

Всѣ эти три пункта особеннаго ученія г. Тихомирова безусловно противоположны ученію православной Церкви, а потому мы и считаемъ себя обязанными послѣдовательно разсмотрѣть ихъ, дабы хотя отчасти уяснить

воззрѣнія православной Церкви на назначеніе и суть іерархіи, т.-е. въ данномъ случаѣ епископства и священства.

1) Нелѣпо и вполне лишено основанія поддерживаемое г. Тихомировымъ и довольно по несчастію и безъ того уже распространенное убѣжденіе, что проповѣдь для православія вообще и для православнаго богослуженія въ частности, является какою-то своего рода роскошью, а отнюдь не чѣмъ-либо вполне и безусловно необходимымъ. Намъ приходилось даже слышать, что въ ограниченности церковнаго проповѣдничества, въ отсутствіи его необходимости заключается одно изъ отличій православія отъ западныхъ исповѣданій. Временный недостатокъ Церкви современной возводится такимъ образомъ въ церковный законъ, въ церковное требованіе. Но это совершенно невѣрно. Древняя Церковь почитала проповѣдь совершенно необходимою составною частью богослуженія, указуя ей мѣсто тотчасъ послѣ чтенія Евангелія. Мы уже видѣли, что по апостольскому правилу „епископъ или пресвитеръ, не радящій о причтѣ или о народѣ (του κληρου και του λαου) и не учащій ихъ благочестію, да будетъ отлученъ. Аще же останется въ семъ нерадѣніи и лѣности, да будетъ изверженъ“ (Правило 58-е). Такимъ же точно образомъ и 19-е правило 6-го Вселенскаго (Трульскаго) Собора предписываетъ предстоятелямъ церквей „по вся дни, наипаче же во дни воскресные поучати весь клиръ и народъ словесамъ благочестія, избѣрая изъ Божественнаго Писанія разумѣнія и разсужденія истины“. Слово „благочестія“ не имѣетъ въ данномъ случаѣ значенія нравственнаго поученія, ибо на греческомъ языкѣ спеціального термина для понятія о религіи не имѣется, а употребленное здѣсь слово *Eusebeia* имѣетъ именно это значеніе. Такъ опредѣляетъ значеніе этого слова Свидя—лексикографъ. *Eusebeia* επιστημη θεου θεραπειας. *Pietas est divini cultus scientia*. Итакъ, соборными постановленіями на епископовъ и священниковъ возлагается непремѣнная обязанность поученія всего клира и народа богопознанію и богопочитанію черезъ истолкованіе Св. Писанія. Не иначе смотрѣли на необходимость проповѣди и отцы и учителя Церкви. Такъ, напр., св. Аѳанасій пишетъ къ Драконцію, новорукоположенному епископу: „До полученія благодати епископства ты никому не былъ извѣстенъ, но по рукоположеніи народы ожидаютъ отъ тебя пищи, т.-е. ученія отъ писаній. Ежели они въ семъ ожиданіи будутъ томиться голодомъ и ты одного себя будешь питать, а между тѣмъ придетъ Господь нашъ Іисусъ Христосъ и мы предстанемъ предъ лицо Его, то скажи, чѣмъ ты оправдаешься, когда Онъ увидитъ овецъ Своихъ алчущими?“ Св. Василій Великій говоритъ: не предается ли посмѣянію великое оное таинство, когда епископы ходятъ безъ народа и клира и вовсе ничего не дѣлая для распространенія онаго благовѣстія мира и спасенія“? (Письмо 223). Святый Григорій Назіанзинъ говоритъ: „недалеки отъ ужасныхъ мученій тѣ изъ пастырей Церкви, которые, хотя убѣгаютъ нечестія, но не проповѣдуютъ благочестія съ свободнымъ и неустрашимымъ духомъ или по нѣкоторымъ видамъ въ ученіи вѣры или по робости и нерадѣнію“ (т.-е. „не рискуютъ“, по выраженію г. Тихомирова). (О бѣгствѣ—слово 32). Подобно сему и Златоустъ, описывая обязанности епископа передъ Богомъ, говоритъ: „не только мірскія власти, но и пастыри Церкви дадутъ отчетъ въ своемъ управленіи и наипаче сіи

последніе подвергнуты будутъ бѣльшимъ, жесточайшимъ и тягчайшимъ ка-
рамъ. Ибо тотъ, кто поставленъ блюстителемъ слова, строго тотъ будетъ
истязанъ, не упустилъ ли по небреженію или изъ зависти чего нибудь такого,
о чемъ долженъ былъ напоминать и словомъ и дѣломъ; все ли онъ
сказалъ и не утаилъ ли чего-нибудь, о чемъ долженъ былъ сказать“
(Бесѣда первая на притчу о талантахъ). Тотъ же Златоустъ почти всю чет-
вертую книгу свою о священствѣ посвящаетъ разъясненію того, что назна-
ченіе священства есть прежде всего служительство слова какъ въ проповѣды-
ваніи истины, такъ и въ обличеніи вѣхъ возникающихъ и распростра-
емыхъ иноученій. Онъ начинаетъ съ примѣра Ап. Павла, который все совер-
шенное имъ совершалъ не знаменіями и не чудесами, а именно—и прежде
всего—неумолкающимъ словомъ своимъ.

Онъ называетъ слово мечомъ церковнымъ, поражающимъ нечестіе и вра-
чующимъ недуги церковныя. Іустинъ Мученикъ и Тертуліанъ, описывая хри-
стіанское богослуженіе, говорятъ о проповѣди, какъ о необходимой составной
его части (Justin Mart. Apol. I, c. 67; Tertulianus, Apologet adv gentes, c. 39).
Въ Апостольскихъ постановленіяхъ относительно сего предмета находимъ слѣ-
дующее правило: „Во время чтенія Евангелія всѣ пресвитеры и дьяконы и
весь народъ должны стоять въ глубокомъ безмолвіи. Потомъ пресвитеры да
увѣщаютъ народъ поодинокѣ, а не вдругъ, послѣ же вѣхъ епископъ,
который подобенъ кормчему“. Такой обычай многократной проповѣди суще-
ствовалъ еще и во времена Златоустаго; такъ въ одной изъ бесѣдъ, сказан-
ныхъ еще въ Антиохіи, онъ приглашаетъ слушателей прослушать еще слово
епископа Флавіана. „Соблюдая сіе, говоритъ онъ, отъидемъ въ дома, или
паче, соблюдая сіе, послушаемъ лучшихъ наставленій учителя. Ибо наши бесѣды,
каковы бы они ни были, отзываются молодостью, его же бесѣды, каковы бы
ни были, украшены сѣдиною мудростію“. (Бесѣда 3 на Исаію). Черезъ учи-
тельскую проповѣдь предстоятель Церкви входилъ въ непосредственное сбли-
женіе съ своею паствою, съ народомъ церковнымъ. Передъ началомъ пропо-
вѣди обыкновенно употребляли привѣтствіе: *миръ вамъ*, которое служило
какъ бы нѣкоторымъ пріуготовленіемъ къ священнодѣйствію всякаго рода и
на которое народъ обыкновенно отвѣчалъ: *и духови твоему*. Показывая
начало и цѣль сего обычая, Златоустъ говоритъ, „что сей обычай существо-
валъ во времена самихъ Апостоловъ, когда Духъ Святой всемъ распоря-
жалъ и поучалъ учителей Церкви. (Бесѣда 36 на 1 посл. къ Коринтя-
намъ). „Епископскія поученія, свидѣтельствуется Опатъ Милевскій сопро-
вождаются двоякимъ привѣтствіемъ, ибо епископъ ничего не начинаетъ го-
ворить къ народу безъ предварительнаго привѣтствія народа во Имя Божіе.
Таковъ же бываетъ и конецъ поученій. Всякое поученіе въ Церкви начи-
нается съ имени Божія и оканчивается именемъ того же Бога“ (St. Optati
Milevitani, de schysmate donatistarun lib. III in fine). Позднѣе мы увидимъ,
что Златоустъ это двойное привѣтствіе понимаетъ въ томъ смыслѣ, что
епископъ передъ всякимъ священнодѣйствіемъ благословляетъ народъ и по-
лучаетъ благословеніе отъ народа.

Изъ всего нами изложеннаго слѣдуетъ съ совершенною ясностью, что непосредственное назначеніе священства есть поученіе народа, которое г. Тихомировъ почитаетъ рискованнымъ, а не преподаваніе только *отдѣльныхъ* совѣтовъ *отдѣльнымъ* лицамъ, по *отдѣльнымъ* случаямъ по поводу *отдѣльныхъ* же ихъ вопросовъ. Явно, что г. Тихомировъ, назначеніе тѣхъ, кого онъ почитаетъ воздѣйствующими въ Церкви, т. е. назначеніе священства или, какъ выражается онъ, „духовенства“ постигаетъ совершенно неправильно и не въ духѣ Церкви.

2) Но если священство и имѣетъ опредѣленную обязанность — учительство народа и причта церковнаго, то изъ сего еще не слѣдуетъ, чтобы оно вообще или въ лицѣ каждаго изъ своихъ представителей, обладало непогрѣшимостью, не могло заблуждаться и ошибаться въ дѣлѣ толкованія Писанія и изложенія вѣры. Исторія Церкви, какъ увидимъ мы позднѣе, представляетъ намъ неоднократно примѣры того, какъ громаднѣйшее большинство іерархій совращалось въ ересь, проповѣдывало еретическое ученіе. Объ отдѣльныхъ іерархахъ - еретикахъ нечего уже и говорить. Іоаннъ Златоустъ въ томъ именно и усматриваетъ одну изъ существеннѣйшихъ трудностей епископскаго и священническаго служенія, что іерархъ-учитель, обличая одну ересь и полемизируя съ одною ересью, можетъ легко, непримѣтнымъ для себя образомъ, впадать въ другую, являющуюся ей противоположною. Если же возможна ересь, то и подавно возможно болѣе мелкое и менѣе важное заблужденіе. Непогрѣшимой въ дѣлѣ вѣры, толкованія Писанія и изложенія ученія церковнаго іерархія не знаютъ и вселенскіе соборы. По этой же причинѣ приведенное уже нами 12-е правило Трульского собора предписываетъ предстоятелямъ церквей „не преступать положенныхъ уже предѣловъ и преданія богоносныхъ отецъ; и аще будетъ изслѣдуемо слово Писанія, то не инако да изъясняютъ оное, развѣ какъ изложили свѣтила и учителя Церкви въ своихъ писаніяхъ... дабы при недостаткѣ умѣнія въ семъ не уклониться отъ подобающаго“. Итакъ, Церковь не признаетъ служителей своихъ непогрѣшимыми въ дѣлѣ ученія и изложенія вѣры, предвидитъ, что они могутъ легко и незамѣтно для себя даже „уклоняться отъ достоуднаго“, а потому и не требуетъ отъ мірянъ слѣпаго довѣрія къ нимъ, хотя и возлагаетъ на нихъ обязанность учительства. Только г. Тихомировъ почитаетъ „духовенство“ непогрѣшимымъ, неспособнымъ заблуждаться, а потому безусловное ему довѣріе, пассивное ему подчиненіе провозглашаетъ источникомъ воспитанія и культивированія чувства вѣры.

3) Если примѣнимо къ религіозному убѣжденію, религіозной вѣрѣ понятіе объ авторитетѣ, то необходимо прийти къ заключенію, что авторитетнымъ съ точки зрѣнія церковной является не ученіе и исповѣданіе дѣйствующей въ данномъ мѣстѣ и въ данное время іерархій и отдѣльныхъ ея представителей или представителей духовенства, какъ говоритъ г. Тихомировъ, а содержаніе ввѣреннаго ей преданія, понасколько оно выразилось въ писаніяхъ свѣтилъ и учителей Церкви, о которыхъ говоритъ недавно приведенное нами соборное правило и которые должны служить руководствомъ для всѣхъ служителей Церкви, для всѣхъ тѣхъ, кого почитаетъ г. Тихоми-

ровъ единственными,—воздѣйствующими въ Церкви. Но вѣдь эти писанія, эта обязательная для учителей норма не сокрыты и для всѣхъ вообще вѣрующихъ въ Церковь, не недоступны для нихъ. Тайнаго ученія или тайнаго преданія, которое сообщалось бы только іерархіи и скрывалось бы отъ мірянъ, Церковь не знаетъ и не имѣетъ. Гератическая, тайная мудрость, недоступная для мірянъ и неизвѣстная имъ, существовала для языческихъ мистерій, существовала для ереси, но православная Церковь не знаетъ ея. Намеки о ней, да и то не вполне ясны, мы имѣемъ только въ ложно приписываемыхъ Клименту писаніяхъ евіонитовъ, но православная Церковь знаетъ только преданіе общее для іерархіи и для мірянъ, обязательную норму для іерархіи и для мірянъ. Отцы Церкви не знаютъ такого тайнаго преданія. Дико и странно звучать для насъ напр. слова приписываемыхъ Клименту апокрифическихъ поученій—*Recognitiones*. Впрочемъ даже и по ученію еретиковъ-евіонитовъ тайное преданіе относится только въ Вѣтхому Завѣту; съ началомъ же Новаго все сдѣлалось явнымъ и открытымъ. По воззрѣніямъ евіонитовъ весь законъ Моисеевъ имѣетъ тайный смыслъ, а потому и можетъ быть авторитетомъ только понастолюку, понаскольку тайный смыслъ этотъ сохраняется преданіемъ, которое ввѣрилъ Моисей семидесяти старѣйшинамъ и которое изъ поколѣнія въ поколѣніе передается, какъ тайное, сокровенное для народа. Безъ этого зиждущагося на тайномъ преданіи толкованія, безъ помощи толкователя, знающаго это преданіе, человѣку нельзя постигать смыслъ закона, иначе, какъ безумно. *Quae scripta sunt, intelligi sine expositore non possunt propter peccatum, quod coadolevit hominibus* (Recogn. I, 21). *Solent absurda adversus Deum meditari hi, qui legem non magistris tradentibus legunt sed semetipsos doctores habent, et putant se intelligere posse legem, quam sibi non exposuit ille qui a magistro didicerit* (Recognit. III, 55; Conf. III, 30; X, 42). Законъ и Писаніе, съ точки зрѣнія евіонитовъ, составляютъ безуміе, если не знаешь сокровеннаго, тайнаго ихъ смысла. Поэтому-то Петръ, встрѣчая Климента, прежде всего открываетъ ему, что есть *secretior intelligentia legis scriptae*. Изложеніе этого-то сокровеннаго, тайнаго смысла и составляетъ содержаніе *Recognitiones* и родственныхъ имъ по духу греческихъ поученій (*Homiliae*). Апостолы черезъ Христа, какъ истиннаго пророка, сдѣлались обладателями этого тайнаго, сокровеннаго смысла Закона и передали его вѣрующимъ.

Совершенно понятно, что при такомъ воззрѣніи на преданіе, какъ на тайное ученіе, составляющее принадлежность немногихъ, вѣрующіе необходимо должны прежде всего „идти на выучку къ духовенству“, какъ того требуетъ г. Тихомировъ, „ибо оно знаетъ вѣру“. Но воззрѣнія апокрифическихъ Климентинъ совершенно отличны отъ воззрѣній православной Церкви, евіонитство же есть ересь, а не ученіе православное, ко взглядамъ котораго на сущность и значеніе преданія намъ еще придется вернуться.

Во всякомъ случаѣ, изъ разсмотрѣнія трехъ приведенныхъ выше положеній слѣдуетъ, какъ полагаемъ мы, совершенно ясно, что г. Тихомировъ на сущность и назначеніе священства, какъ воздѣйствующаго въ Церкви элемента, смотритъ совершенно неправильно и отнюдь не съ православной точки зрѣнія.

IV.

Разъяснивъ, что г. Тихомировъ совершенно неправильно и неправославно опредѣляетъ назначеніе тѣхъ, кого онъ почитаетъ единственно-воздѣйствующими въ Церкви, перейдемъ къ опроверженію его воззрѣній на тѣхъ, кому онъ воспрещаетъ всяческое помышленіе о какомъ бы то ни было воздѣйствіи на Церковь и кого онъ почитаетъ только покорными восприимателями воздѣйствія.

Мы говоримъ, разумѣется, объ отдѣльныхъ вѣрующихъ мірянахъ и о всемъ вѣрующемъ народѣ церковномъ.

Невольно припоминается намъ замѣчательно остроумный и художественный памфлетъ Прудона, изображающій угнетенное, придавленное состояніе народа и заключающій въ себѣ, въ качествѣ періодически повторяющагося припѣва, одни и тѣ же характеристическія слова: *Le peuple paie et prie; le peuple prie et paie*, т.-е. народъ молится и платитъ подати; народъ платитъ подати и молится. Этотъ-то припѣвъ, отказавшись отъ прежнихъ своихъ убѣжденій или, точнѣе, вывернувъ прежнія убѣжденія свои на изнанку, г. Тихомировъ и почелъ формулою для выраженія нормальнаго положенія народа въ Церкви, очевидно принимая иронию Прудона за церковный источникъ. Въ Церкви обрѣсти онъ этой формулы не могъ, ибо Церковь на положеніе и значеніе народа въ своемъ составѣ смотритъ совершенно иначе.

Охарактеризуемъ же отчасти значеніе народа церковнаго съ церковной же точки зрѣнія и разсмотримъ его проявленія въ жизнедѣятельности церковной.

1. Прежде всего народъ имѣетъ безспорно значеніе богослужбное, молитвенное. Онъ воздѣйствуетъ на Церковь и на состояніе церковное своими молитвами. Златоустъ, въ 24-й бесѣдѣ на второе посланіе къ Коринѳянамъ, говоритъ, поясняя слова Апостола: „Если ты будешь благословлять на языкѣ варваровъ, то мірянинъ, не понимая, что ты говоришь и не въ состояніи будучи того перевести, не можетъ отвѣтить „Аминь“ (да будетъ), ибо не слыша словъ во вѣки вѣковъ, которыя составляютъ окончаніе, онъ не скажетъ и „Аминь“. А въ 18-й бесѣдѣ на второе посланіе къ Коринѳянамъ тотъ же отецъ Церкви прямо говоритъ, что „и въ молитвахъ, какъ всякій можетъ видѣть, много содѣйствуетъ народъ... При самомъ также совершеніи страшныхъ таинствъ священникъ молится за народъ и народъ за священника. Ибо сіе, а не иное что означаютъ слова: и со духомъ твоимъ. И молитвы благодаренія также суть общія. Ибо не одинъ священникъ приноситъ благодареніе (евхаристію), но и весь народъ; ибо, получивъ сперва отвѣтъ отъ народа, а потомъ согласіе, что „достойно и праведно“ совершаемое, начинается и священникъ благодареніе. И что удивительнаго, если вмѣстѣ со священникомъ взываетъ и народъ, когда онъ возноситъ оныя священныя пѣсни совокупно съ самими херувимами и горными силами“. Можно ли послѣ того отнимать отъ народа значеніе воздѣйствующаго элемента въ жизнедѣятельности церковной и ограничивать назначеніе его только пассивнымъ воспріятіемъ благодати церковной, какъ то дѣлаетъ новоявленный учитель г. Тихомировъ.

2. Исключаетъ ли Церковь принципиально мірянъ отъ управленія церковнаго? Приведемъ только нѣсколько образцовъ обратнаго отношенія. Св. Кипріанъ Карфагенскій, ревностный поборникъ значенія іерархіи церковной, пишетъ въ посланіи къ пресвитерамъ и дьяконамъ: „Съ самаго начала епископства моего постановилъ я ничего не производить собственнымъ частнымъ судомъ моимъ безъ вашего совѣта и безъ согласія народа. (nihil sine consilio vestro et sine consilio plebis mea privatim sententia gerere. Ер. 5). Въ частности, тоже участіе народное требуется и въ судѣ надъ падшими (lapsi), т.-е. устранившимися гоненій, воздвигнутыхъ язычниками. Въ посланіи римскаго клира къ тому же Кипріану Карфагенскому говорится: „Угоднымъ показалось намъ въ столь важномъ дѣлѣ прежде всего заботиться о сохраненіи мира, а затѣмъ совѣщаніями съ епископами, пресвитерами, дьяконами, исповѣдниками, а равно и стоящими (т.-е. въ вѣрѣ) *мірянами* разсматривать дѣла падшихъ (deinde sic collatione consiliorum cum episcopis, presbyteris, diaconis, confessoribus pariter ac stantibus laicis facta lapsorum tractare rationem. (Ер. Сургані, 31). „Стоящими“ міряне называются здѣсь въ противоположность „падшимъ“, которые именуются также dejecti, prostrati, jacentes, lapsi. Пресвитеры, принявшіе собственною властью падшихъ въ общеніе церковное, должны, по мнѣнію Кипріана, защищать свое дѣяніе „и передъ нимъ, какъ передъ епископомъ, и передъ исповѣдниками, и *передъ всѣмъ народомъ* — agere et apud nos et apud confessores ipsos et apud plebem universam causam suam (Сургані, Ер. 9). Тотъ же Кипріанъ Карфагенскій въ епископскомъ посланіи къ клиру и *народу* карфагенскому говоритъ: „Въ посвященіи клириковъ, братья возлюбленные, внушаемъ вамъ прежде совѣщаться и нравы и достоинства отдѣльныхъ лицъ взвѣшивать общимъ совѣтомъ (solemus vos ante consulere ac merita singulorum communi consilio ponderare. Epist. 33 Ad clerum et plebem carthaginensem). Въ числѣ признанныхъ соборами за руководство церковное правилами Теофила Александрійскаго имѣется между прочимъ и слѣдующее: „О имѣющихъ рукоположиться сей да будетъ уставъ. Весь соборъ священнослужителей да согласится и да изберегъ, и тогда епископъ да испытаетъ избраннаго и съ согласіемъ священства да совершитъ рукоположеніе среди Церкви, въ присутствіи *народа* и при возглашеніи епископа: еще можетъ и *народъ* свидѣтельствовать о немъ. Тайно же да не бываетъ рукоположенія. Ибо, когда Церковь пребываетъ въ мірѣ, тогда рукоположеніямъ прилично совершатися въ церкви въ присутствіи святыхъ. Въ мѣстахъ же, гдѣ есть единомышленные съ бывшими въ общеніи еретиками, рукоположенія да совершаются не иначе, какъ по испытаніи отъ истинно-православныхъ священнослужителей, такожде въ присутствіи епископа и при провозглашеніи его къ присутствующему *народу*, токмо такъ, чтобы не послѣдовало нѣкоего уклоненія отъ праваго пути“ (Срав. 7). Итакъ, всякій рукополагаемый избирается всѣмъ соборомъ священнослужителей и тогда епископъ, испытавъ его съ своей стороны, рукополагаетъ его посреди церкви въ присутствіи народа, но не иначе, какъ предварительно спросивъ громогласно: *можетъ ли и народъ* свидѣтельствовать о немъ (εἰ καὶ ὁ λαὸς δοῦται αὐτῷ μαρτυρεῖν). Разумѣется, вопрошаніе это не было одною только формальностью или внѣшнимъ обрядомъ и свидѣтельство народа

такъ или иначе принималось въ соображеніе. Итакъ, клиръ пополняется самоизбраніемъ, испытывается и рукополагается епископомъ, но не иначе, какъ по выслушаніи *свидѣтельства народа*. Весьма замѣчательно толкованіе Вальсамона къ послѣднимъ словамъ этого канона, говорящимъ о поставленіи клириковъ въ немирныя времена. „Если кто-нибудь (въ такое время) имѣетъ принять рукоположеніе въ клиръ, не иначе долженъ быть рукополагаемъ, какъ послѣ испытанія несомнѣнно православными клириками въ присутствіи епископа, обращающагося и къ народу, какъ выше сказано. А это, говоритъ (т.-е. правило), должно быть для того, чтобы не послѣдовало какого-либо уклоненія отъ праваго пути, т.-е. обмана и похищенія рукоположеній и чтобы не былъ рукоположенъ *кто-либо такой, кто не здраво мыслитъ о вѣрѣ*“ (Переводъ изданія Московскаго Общества Любителей Духовнаго Просвѣщенія). Понасколькѣ имѣли значенія эти свидѣтельства народа можно видѣть изъ другого каноническаго правила того же Теофила Александрійскаго. Дѣло идетъ на этотъ разъ о православныхъ епископахъ, вступившихъ въ общеніе съ аріанами, хотя и не уклонившихся отъ православія. Теофиль рѣшаетъ, что они должны быть подвергнуты эпитиміи, а затѣмъ оставлены на своихъ кафедрахъ. „Впрочемъ, прибавляетъ онъ, если весь народъ отвергаетъ ихъ съ прочими (т.-е. аріанскими епископами, о которыхъ прежде шла рѣчь), то да рукоположатся другіе“ (Прав. 2).

Мы не станемъ дѣлать выводовъ изъ всѣхъ этихъ многозначительныхъ примѣровъ. Явно во всякомъ случаѣ; что Церковь не смотрѣла на народъ, какъ на инертную массу, не имѣющую ни церковныхъ правъ, ни обязанностей церковныхъ, предназначенную только къ воспріятію воздѣйствія, но не обязанную и даже не дерзающую и помышлять о какомъ-либо воздѣйствіи, какъ проповѣдуетъ новоявленный учитель г. Тихомировъ. Народу безспорно принадлежитъ и разсмотрѣніе вопроса о принятіи надшихъ въ общеніе церковное, въ лоно Церкви, и свидѣтельство и разсмотрѣніе въ дѣлѣ назначенія клириковъ, касательно не только нравственности рукополагаемыхъ, но и степени чистоты ихъ православности.

3. Въ прежнія времена народъ избиралъ епископовъ совокупно съ клиромъ и съѣхавшимися епископами митрополии, которые по изслѣдованіи и одобреніи и рукополагали избранника. Обычай этотъ живо помнился и Церковью позднѣйшихъ временъ. Такъ, напр., Іоаннъ Зонара, въ примѣчаніи къ первому правилу апостольскому, говоритъ: „Нынѣ хиротонію называется совершеніе молитвъ посвященія надъ избраннымъ въ священство и призваніе на него Духа Святаго, потому что архіерей, благословляющій рукополагаемаго, простираетъ руку (*τείνει την χείρα*). А въ древности и самое избраніе называлось хиротонією. Ибо, когда городскому народу дозволялось избирать архіереевъ, народъ сходился и одни желали одного, другіе другаго. Итакъ, дабы голосъ большаго числа получалъ перевѣсъ, производившіе избраніе, говорятъ, протягивали руки, и по нимъ считали избирающихъ cadaго. Желаемый большинствомъ почитаемъ былъ избраннымъ на архіерейство. Отсюда и взято наименованіе хиротоніи; это наименованіе въ томъ же смыслѣ употребляли и отцы соборовъ, называя и избраніе хиротонією“ (Переводъ по изданію Обще-

ства Любителей Духовнаго Просвѣщенія). Съ меньшею полнотою, но по существу совершенно согласно описываетъ ту же практику древней Церкви и Теодоръ Вальсамонъ въ примѣчаніи къ тому же самому правилу. Многими отцами Церкви и церковными писателями также упоминается этотъ древній обычай Церкви. Кромѣ того, изъ свидѣтельства историковъ Церкви и первыхъ біографовъ явствуемъ, что величайшіе изъ іерарховъ церковныхъ избраны были клиромъ и народомъ и затѣмъ уже рукоположены епископами митрополіи. Такъ напр., народомъ избраны были Цецилій и Кипріанъ Кареагенскіе, Корнелій и Фабіанъ Римскіе, Нектарій, Павелъ, Григорій Богословъ и Іоаннъ Златоустый Константинопольскіе, Мелетій, Евстафій и Флавіанъ Антиохійскіе, Максимъ Іерусалимскій, Василій Великій Новокеесарійскій, Левъ папа Римскій, Амвросій Медиоланскій, Аѳанасій Великій Александрійскій, Евсевій Верчелійскій и многіе еще и очень многіе другіе. Чтобы не описывать въ частности ходъ избранія каждаго изъ нихъ, приведемъ изъ церковныхъ историковъ для примѣра описаніе избранія двухъ только величайшихъ святителей — Аѳанасія Великаго и Іоанна Златоустаго.

Соборъ (340 года) всехъ принадлежавшихъ къ Александрійскому патріархату епископовъ Египта, Ливіи, Пентаполиса и Фиванды такъ свидѣтельствуемъ въ посланіи своемъ о ходѣ избранія Аѳанасія: „Весь народъ католической Церкви составлялъ какъ бы одну душу и тѣло, и громко и многократно восклицалъ, чтобы Аѳанасій былъ епископомъ. Объ этомъ часто просилъ онъ Христа и заклиналъ насъ многіе дни и ночи посвятить его, и не оставлялъ церкви, да и намъ не давалъ расходиться. Всеъ называли его добродѣтельнымъ и благочестивымъ человѣкомъ, христианиномъ, аскетомъ и истиннымъ епископомъ“ (*Athanasii Apolog. contra arianos fol. 125*). Присутствующими епископами были тогда возложены на него руки и народъ громкими криками выражалъ свою радость“ (*Созоменъ II, 17*).

Объ избраніи Іоанна Златоустаго свидѣтельствуемъ такъ: „Спустя немного времени, при консулахъ Кесаріи и Атикѣ скончался Константинопольскій епископъ Нектарій. Вслѣдъ за симъ тотчасъ родилась забота о рукоположеніи новаго епископа. Одни требовали одного, другіе другого, и послѣ многократныхъ по сему случаю совѣщаній наконецъ согласились вызвать изъ Антиохіи Антиохійскаго пресвитера Іоанна, ибо о немъ распространилась молва, какъ о человѣкѣ учительномъ и краснорѣчивомъ. Итакъ, черезъ нѣсколько времени царь Аркадій *по общему опредѣленію всѣхъ, т.-е. клира и народа, призвалъ его*“ (*Сократъ, VI, 2*). Другой историкъ сообщаетъ новыя подробности. „Краснорѣчіемъ онъ (Іоаннъ) восторгалъ и народъ, особенно когда распространялся въ обличеніи согрѣшающихъ и съ дерзновеніемъ негодовалъ на оскорбителей Церкви. Простому народу это, конечно, правилось, но богатымъ и сильнымъ, у которыхъ много грѣховъ, должно было казаться оскорбительнымъ. Итакъ, сдѣлавшись знаменитымъ черезъ свои опыты между знающими, а между незнающими черезъ молву, онъ признанъ былъ достойнымъ епископства надъ Константинопольскою церковью. Когда же *клиръ и народъ* рѣшили это, согласился и царь и послалъ (въ Антиохію) привести Іоанна, (*Созоменъ, VIII, 2*).

О Киприанѣ Карфагенскомъ говоритъ его жизнеописатель Понтій, что онъ „судомъ Божиимъ и любовію народною возведенъ былъ въ священство и епископствовалъ будучи неопитомъ“ (Pontii, Vita Cypriani).

Такого же рода свидѣтельства имѣемъ мы и о всѣхъ другихъ избранныхъ народомъ іерархахъ.

Такое участіе народа въ дѣлѣ избранія епископскаго почиталось отнюдь не случайнымъ, а естественнымъ и необходимымъ. Въ прощальной рѣчи къ Константинопольскому народу Григорій Назіанзинъ, оставляя кафедру свою: обращается къ народу съ слѣдующею просьбою: „Дайте же мнѣ награду за всѣ мои труды и старанія!. Но какую же именно награду? Не ту, о которой мечтаютъ тщеславные, а ту, которую я могу смѣло требовать отъ васъ. Дайте мнѣ отдыхъ отъ моего утомленія. Почтите сѣдую мою голову; не нарушите гостепріимства. *Изберите* вмѣсто меня другого, который вмѣсто меня будетъ подвергаться преслѣдованіямъ, челоуѣка съ твердою рукою и искуснаго въ рѣчи, который могъ бы жить въ удовольствіе вамъ и нести всѣ тяготы и заботы церковныя, ибо это необходимо для настоящаго времени“ (Orat XLII, 20). Отказъ Григорія Назіанзина отъ кафедры Константинопольской былъ предъ-явленъ второму Вселенскому собору Константинопольскому еще до прощанія съ народомъ. Объ избраніи же преемника Григорію Назіанзину, церковный историкъ говоритъ: „Былъ мужъ нѣкій Нектарій; онъ, вохищенный народомъ, избирается епископомъ и рукополагается 150 епископами, бывшими на соборѣ Константинопольскомъ“ (Сократъ, V, 8).

Нѣкоторые римско-католическіе писатели пытались утверждать, что обычай избранія епископовъ клиромъ и народомъ устраненъ четвертымъ правиломъ Никейскаго Собора, гласящимъ, что „епископа поставлять наиболѣе прилично всѣмъ той области епископамъ. Аще же сіе неудобно или по надлежащей нуждѣ или по дальности пути по крайней мѣрѣ три въ едино мѣсто да соберутся, а отсутствующіе да проявятъ согласіе посредствомъ грамотъ и тогда совершати рукоположеніе“. Но тутъ рѣчь идетъ не объ избраніи епископа, а о поставленіи его, утвержденіи и рукоположеніи, которыя могли только слѣдовать за избраніемъ отъ мѣстнаго клира и народа. Если бы не таково было значеніе канона, т.-е. еслибы правы были римско-католическіе толкователи, то оказывалось бы, что величайшіе іерархи, непосредственно слѣдующаго за соборомъ времени, какъ-то Аѳанасій, и самъ принимавшій до епископства участіе на соборѣ, Григорій Назіанзинъ, Златоустъ, Василій Великій и др. избираемы и рукополагаемы были вопреки канону, который церквями не исполнялся даже и на первыхъ порахъ. Такое толкованіе, разумѣется, невозможно. Но мы имѣемъ свидѣтельство самого Никейскаго Собора, что четвертый канонъ вовсе не имѣлъ того смысла воспрещенія, который пытаются ему навязать. Въ „Посланіи отцовъ Никейскаго собора къ церкви Александрійской“ соборъ по поводу клириковъ, поставленныхъ Мелетіемъ, незаконно называвшимся епископомъ египетскимъ, говоритъ: „Тѣмъ же, которые по благодати Божіей и молитвамъ нашимъ не состояли въ расколѣ, но безпорочно назидались въ каеолической и апостольской церкви, пользоваться властію и избирать, и предлагать имена достойныхъ клира и все дѣлать по закону и установленію церковному.

Если же кому изъ состоящихъ въ церкви случится умереть, то восходить въ права скончавшагося новопринимаемымъ, если только окажутся достойными, и *народъ избереть ихъ* и епископъ католической церкви въ Александрии будетъ на то согласенъ и утвердить “(Исторія Вселенскихъ Соборовъ, Епископа Иоанна. Выпускъ I, стр. 53). Этими словами Соборъ прямо признаетъ избирательныя права народа, хотя и возможно предполагать, что рѣчь идетъ только объ избраніи клириковъ вообще, а не епископовъ. Но мы имѣемъ еще и другое свидѣтельство того же самого собора. Въ Дѣяніяхъ Никейскаго Собора, изложенныхъ Геннадіемъ Кизическимъ, говорится, что на мѣсто низложенныхъ епископовъ арианскихъ поставлены были епископы православные „рѣшеніемъ того же Собора и *клира и народа* каждой епархіи—*ψηφω της αυτης συνόδου και εκαστης παροικιας κληρου και λαου* (Acta Concilii Nicaeni, II cap. XXXIII). Такимъ же точно образомъ и Соборное Посланіе Константинопольскаго Вселенскаго Собора признаетъ Флавіана Антиохійскаго избраннымъ канонически, „ибо его канонически рукоположили все сошедшіе епископы провинціи съ согласія всей Церкви, какъ бы едиными устами одобрявшей его“ (*κανονικως εχειροτονησαν πασης συμφηφω της εκκλησιας, ωσπερ δια μονης φωνης ανδρα τιμησασης* Ep. Synod. ap. Theodoret. V, с. 9).

Итакъ, вопреки г. Тихомирову, народъ безспорно воздѣйствовалъ на Церковь черезъ свое участіе въ избраніи іерархіи.

4) Г. Тихомировъ ограничиваетъ роль вѣрующаго народа въ жизнедѣятельности церковной пассивнымъ воспріятіемъ воздѣйствія „духовенства“, пребываніемъ на выучкѣ у непосредственно дѣйствующаго, современнаго ему духовенства, культивированіемъ и воспитаніемъ чувства вѣры на довѣрїи „духовенству“ черезъ признаніе истинности всяческихъ отвѣтовъ, слѣдующихъ на его запросы. Полно, такъ ли это? Не является ли и самъ народъ, какъ часть тѣла церковнаго, носителемъ и хранителемъ вѣреннаго Церкви преданія, а иногда даже и охранителемъ его и защитникомъ? Совершенно въ разрѣзъ съ ученіемъ г. Тихомирова учить знаменитое окружное посланіе восточныхъ патріарховъ. „Въ Церкви, говоритъ окружное посланіе это, никогда ни духовенство, ни патріархи, ни соборы не могли ввести что-нибудь новое, потому что хранитель благочестія есть само тѣло Церкви, т.-е. самый народъ“.

По поводу этого опредѣленія окружнаго посланія г. Тихомировъ уже торжествовалъ призрачную побѣду надъ г. Соловьевымъ, сославшимся въ опроверженіи своемъ на эти слова. По крайнему невѣжеству своему, онъ понадѣялся уловить г. Соловьева въ умышленной подтасовкѣ терминовъ, въ виду того, что В. С. Соловьевъ вмѣсто слова „благочестіе“ вставляетъ умышленно или неумышленно слово „религія“. Разрушаемъ наивную радость г. Тихомирова.

Латинское слово religio, какъ извѣстно, въ греческомъ языкѣ не существуетъ въ строгомъ смыслѣ слова т.-е. въ смыслѣ связи. Одно и то же понятіе о религіи передается и передавалось влѣдствіе того въ греческомъ языкѣ,— какъ классическомъ такъ и христіанскомъ,—смотря по отгѣнкамъ понятія, цѣлымъ рядомъ описательныхъ выраженій, менѣе общихъ по своему содержанію—*εοσεβεια, θεοσεβεια, επιγνωσις θεου, λατρευα, θρησκεια* и т. п. Русскій переводчикъ окружнаго посланія именно слово *θρησκεια* и перевелъ черезъ „благочестіе“, но, чув-

ствуя именно нѣкоторую неточность термина, и помѣтилъ въ скобкахъ подлинное выраженіе. Итакъ, что же собственно означаетъ выраженіе *θρησκεία*? Въ общемъ — служеніе, почитаніе; въ частности, на языкѣ Новаго Завѣта и въ богословской терминологіи — 1) богопочитаніе, какъ вѣншее выраженіе, культъ, богослуженіе и 2) богопочитаніе, какъ внутреннее чувство, исповѣданіе. Въ Новомъ Завѣтѣ встрѣчается это слово четыре раза, именно: Іакова, I, 26, 27; Колосс., II, 18 Дѣяній XXVI, 5. Въ томъ же смыслѣ употреблено оно и переводомъ 70 толковниковъ у Макав. V, 6. Вулгата въ трѣхъ случаяхъ (Іак. I, 26, 27; Дѣян. XXVI, 5) передаетъ совершенно вѣрно *θρησκεία* черезъ *religio*. Словари новозавѣтнаго языка передаютъ слова *θρησκεία* черезъ *cultus*, *cultus religionis*, *religionis disciplina* (Wahl, Sshoetgen-Krebs). Какое же значеніе имѣетъ слово *θρησκεία* въ позднѣйшей богословской терминологіи? Опять — съ одной стороны значеніе религіи, а съ другой — значеніе богослуженія, культа. Свидальексикографъ даетъ слѣдующее опредѣленіе: *θρησκεία* — служеніе (*λατρεία*), откуда и *ετεροθρησκος* то же что *ετεροδοξος* „инославный, иновѣрный“. Экуменій, въ толкованіи на I-ю главу посланія Іакова поясняетъ: „*θρησκεία* есть нѣчто большее, чѣмъ вѣра. Черезъ это слово обозначается познаніе сокровенныхъ вещей и твердость тѣхъ, которые живутъ сообразно такой вѣрѣ“ (*Suicer. Thesaurus*, I, 1405). Греческія и латинскія древнія глоссы не затрудняются переводить *religio* черезъ *θρησκεία* и *εὐσεβεία*, а *θρησκεία* — черезъ *superstitium*, *religio*, *ritus*. Итакъ, г. Соловьевъ поступилъ совершенно справедливо, замѣнивъ въ переводѣ словъ Окружнаго Посланія, неопредѣленный терминъ „благочестіе“ словомъ — религія. По буквальному смыслу слова *θρησκεία* — народъ, по ученію Окружнаго Посланія, является хранителемъ религіи, содержанія вѣры. Но хранитъ онъ вѣру, зиждущуюся на преданіи, а потому и есть онъ хранитель преданія.

Совершенно аналогичны съ словами Окружнаго Посланія слова епископамученика Акакія. Во время Деціева гоненія судья сказалъ Акакію: „Собери христіанъ тебѣ подвѣдомственныхъ и убѣди ихъ принять религію императора. Пусть весь народъ послѣдуетъ за тобою въ храмъ!“ — „Не мнѣ повинуется народъ этотъ, отвѣчалъ Акакій, а Богу. Онъ охотно будетъ слушаться меня, пока я буду учить его правому и разумному и тому, что не противно закону Божьему. Но веѣ покинуть меня и окажутъ презрѣніе къ словамъ моимъ, когда увидятъ въ нихъ противное закону Божьему и убѣдятся, что я желаю совратить ихъ“ (*Acta martyrum*).

Еслибы народъ, какъ само тѣло церковное, не былъ хранителемъ преданной вѣры и религіи, не оказывалъ подчасъ и сопротивленія, а спасался бы только безусловною покорностью способнымъ заблуждаться и впадать въ ересь представителямъ іерархіи, то Церковь не имѣла бы одного изъ существенно важныхъ и необходимыхъ для нея устоевъ, и безъ воздѣйствія со стороны вѣрующаго народа еретическія движенія, и безъ того разрывавшія ея цѣлостность, дѣйствовали бы еще губительнѣе и еще смѣлѣе. Ереси начинались не въ народѣ, а именно въ іерархіи. Аріій былъ пресвитеромъ; Македоній, при помощи государства, епископомъ Константинопольскимъ, замѣнялъ низложеннаго іерархіею, но покровительствуемаго народомъ Павла. Аполлинарій былъ пресвитеромъ, а Фотинъ — епископомъ Сръмскимъ. Несторій на-

чалъ провозглашать свою ересь, будучи уже патріархомъ Константинопольскимъ. Евтихій былъ архимандритомъ Константинопольскаго монастыря и имѣлъ главнѣйшими защитниками и сподвижниками Макарія Антиохійскаго и Діоскора Александрійскаго съ подчиненными имъ епископами и клириками. Трое патріарховъ Константинопольскихъ подрядъ были моноелитами, а была минута, когда и всѣ патріархи, кромѣ Іерусалимскаго Софронія, уклонились отъ православія въ пользу моноелитства, ибо и Горгензій Римскій перешелъ на ихъ сторону.

При содѣйствіи государства, коему въ дѣлахъ вѣры весьма свойственно было заблуждаться вслѣдствіе самой его некомпетентности, при помощи государственнаго давленія и гнета еретической іерархіи зачастую не трудно было получать громадный и численный перевѣсъ. Такъ, въ эпоху процвѣтанія аріанства, значительное большинство важнѣйшихъ каедръ занято было епископами-еретиками, подбиравшими себѣ подѣ статью и подчиненный имъ клиръ. Государство, пользуясь силою, свободно низлагало іерарховъ, а поставлять новыхъ могло оно безъ нарушенія Никейскаго канона, ибо въ Константинополь всегда имѣлось болѣе требуемыхъ для поставленія трехъ епископовъ, такъ что каждое такое поставленіе, по узкому пониманію Никейскаго правила, представлялось вполне каноничнымъ и противъ поставляемыхъ такимъ образомъ епископовъ нельзя было предѣлять упрека неканоничности. Но еретическіе іерархи своею численностью и значеніемъ оказывали еще давленіе на епископовъ православныхъ или нетвердыхъ въ православіи, склоняли ихъ къ малодушію. Такимъ образомъ оказалось на примѣръ, что, одновременно на Соборѣ Селевкійскомъ, при Констанціи, 200 епископовъ восточныхъ и на Соборѣ Риминійскомъ 400 епископовъ западныхъ признали аріанскій Символь вѣры и черезъ то „весь міръ христіанскій (въ лицѣ своей іерархіи) увидалъ себя аріанствующимъ“ (*Ев. Іоанна*, Исторія Вселенскихъ Соборовъ, I, стр. 150). Такимъ же точно образомъ и при относительномъ торжествѣ православія на Константинопольскомъ Вселенскомъ Соборѣ присутствовало 36 епископовъ македоніанъ (Тамъ же, стр. 111). Немного позднѣе, при Θεодосіи младшемъ, Соборъ, созданный въ Ефесѣ въ качествѣ Вселенскаго и получившій впоследствии названіе „разбойничьяго“ (*συνδος λεηστρικη*), состоявшій не менѣе какъ изъ 122—130 епископовъ, открыто провозгласилъ догматы монофизитства и низложилъ и замучилъ православнаго Константинопольскаго патріарха Флавіана (*Лебедевъ*, Исторія Всел. Соборовъ, II, 30). Во времена появленія и распространенія моноелитства, при расположеніи государства, значительная часть іерархіи открыто стала на сторону ереси. Современникъ на 6-мъ Вселенскомъ Соборѣ такъ характеризуетъ печальное положеніе вещей: „Іерархи сдѣлались ересіархами и вмѣсто мира возвѣщали народу распрю, сѣяли на церковной нивѣ вмѣсто пшеницы плевелы: вино (истина) мѣшалось съ водою (ересью), и поили ближняго мутною смѣсью; волкъ принимался за ягненка и ягненокъ за волка; ложь считалась истинною и истина ложью; нечестіе пожирало благочестіе. Перепутались всѣ дѣла Церкви (Дѣянія Вселенскихъ Соборовъ по переводу Казанской Духовной Академіи, VI, 546). Во времена иконоборчества, при Константинѣ Копронимѣ въ 754 году, созданный, въ качествѣ Вселенскаго,

Соборъ Константинопольскій, въ числѣ 338 отцовъ, высказался за иконоборчество и торжественно провозгласилъ анаѹму на вождей православія и защитниковъ иконопочитанія: Св. Іоанна Дамаскина и ранѣе еще низложеннаго Св. Германа, патріарха Константинопольскаго. Иконопочитаніе объявлено на Соборѣ ересью и заблужденіемъ (*Лебедевъ*. 252—266). Ближайшимъ слѣдствіемъ этого Собора было изгнаніе иконъ изъ вѣсѣхъ церквей имперіи, къ великому ужасу и негодованію народа и монашества, но съ благословенія іерархіи, ставшей почти поголовно притворно или искренно иконоборствующей.

Грустны и прискорбныя примѣры эти служатъ несомнѣнно, безъ всякихъ толкованій, наилучшимъ доказательствомъ того, что іерархія, какъ ни велико ея значеніе для домостроительства церковнаго, не можетъ почитаться, однако, единственнымъ устоемъ православія и правовѣрія, единственнымъ и безконтрольнымъ руководителемъ въ дѣлѣ вѣры и что потому глубоко вѣрны и основаны на историческомъ опытѣ, на самосознаніи церковномъ слова Окружнаго Посланія, что „хранитель религіи (вѣры или благочестія—*οπερασπιστής της θρησκείας*) у насъ есть самое тѣло Церкви, т.-е. самый народъ“. Напрасно желаетъ г. Тихомировъ ослабить силу этого опредѣленія уличеніемъ В. С. Соловьева въ томъ, что онъ слово „благочестіе“ замѣняетъ словомъ „религія“. Мы уже видѣли, что слово *θρησκεία* именно и обозначаетъ религію, *religionis disciplinam*. „Положимъ, разница не велика, разсуждаетъ г. Тихомировъ, однако въ мысли и словѣ Восточныхъ патріарховъ было именно *θρησκεία* т.-е. какъ и переведено Св. Синодомъ „благочестія“, и г. Соловьевъ не имѣетъ никакого права вводить въ Посланіе своихъ собственныхъ отгѣнковыхъ мысли“ („Русское Обзорніе“, Январь 1893, стр.). Но въ томъ-то и дѣло, что отгѣнокъ этотъ есть отгѣнокъ греческаго подлинника и русскіе переводчики по тому-то именно и помѣтили въ скобкахъ выраженіе подлинника, что чувствовали, что слово „благочестіе“—слово неопредѣленное, не подходящее и не вполне соответствующее силѣ подлинника. Но, если г. Тихомировъ повелъ уже рѣчь объ отгѣнкахъ, то не мѣшало бы ему вникнуть и въ смыслъ и въ содержаніе слова *οπερασπιστής*—хранитель. Что значитъ слово *οπερασπιστής*? Въ основѣ слова лежитъ понятіе о *щитѣ*—*ασπίς*, *clupeus*, *scutum*. Отсюда глаголь *οπερασιζω*—прикрываю щитомъ, защищаю, *clupeo tego*, *propugno*, *protego*, и *οπερασπιστής*—прикрыватель щитомъ, защитникъ, *propugnator*, *defensor*. Итакъ, употребленное Восточными патріархами для обозначенія назначенія народа въ домостроительствѣ церковномъ выраженіе *οπερασπιστής της θρησκείας* означаетъ отнюдь не мирнаго только, инертнаго хранителя благочестія, религіи или вѣры (какъ содержанія ученія),—а дѣятельнаго ихъ охранителя, защитника—*propugnator religionis*, *defensor fidei*. По мысли Восточныхъ патріарховъ, потому именно въ Церкви никогда ни духовенство, ни патріархи, ни соборы не могли ввести что-нибудь новое, что защитникъ, охранитель вѣры, религіи, православія есть самое тѣло Церкви, т.-е. самый народъ. Мысль глубоко православная и вполне соответствующая историческому опыту Церкви, вполне выражающая содержаніе этого опыта.

Освѣтимъ этотъ итогъ церковнаго самосознанія нѣсколькими церковно-историческими примѣрами и, чтобы придать изложенію нашему полный ха-

ракетъ неблаженности, ограничимся только дословными выписками изъ отцовъ Церкви и ея историковъ. Разматривая борьбу съ арианствомъ, указывая на защиту и поддержку, оказываемую ереси государствомъ, Иларій Пиктавійскій разматриваетъ и участіе въ ней преимущественно арианствующей или колеблющейся въ убѣжденіяхъ своихъ іерархіи и болѣе вѣрнаго православію народа и приходитъ къ конечному выводу, что уши народа святѣе, чѣмъ сердца іерарховъ (*Sanctiores aures populi, quam corda sacerdotum. Contra Auxentium, c. 6*). Въ то время, какъ сравнительно небольшое количество іерарховъ оставалось твердымъ, въ виду преслѣдованій, воздвигаемыхъ государствомъ, — тюрьмы и рудники, по словамъ того же Иларія Пиктавійскаго и Люцифера Калаританскаго, были переполнены вѣрующими изъ народа, не желавшими отказываться отъ православія — „народъ, говоритъ Василій Великій, оставляетъ церкви и собирается въ уединенныхъ мѣстахъ и пустыняхъ. Ужасное зрѣлище! Женщины, дѣти, старики и больные подвергаются свирѣпству дождей, снѣга и вѣтровъ, терпятъ морозы зимою и палящій жаръ лѣтомъ. Они предпочитаютъ лучше переносить всѣ эти бѣдствія, чѣмъ рисковать отравиться ядомъ арианства (Письмо 165). „Пастыри, говоритъ Григорій Назіанзанъ въ похвальномъ словѣ Аеанасію, поступали безумно; они, говоря словами Писанія, опустошили виноградъ мой, т.-е. Церковь Божию, стоившую такъ много крови до Иисуса Христа и послѣ Него. Они обезчестили ее, позабывъ о страданіяхъ Богочеловѣка. Всѣ они приноровлялись ко времени, за исключеніемъ малаго числа людей, которыхъ презирали за ихъ ничтожность, или которые имѣли достаточно храбрости, чтобы сопротивляться потоку. Эти послѣдніе были какъ бы корнями, изъ которыхъ долженъ былъ ожить Израиль. Вся разница же между первыми заключалась въ томъ, что одни раньше поддавались обману, а другіе позднѣе попадали въ западню. Одни были начальниками движенія и служили вождями для другихъ, слѣдовавшихъ тою дорогою, которая была имъ указана. Они позволяли прельщать себя надеждою или побуждать себя страхомъ. То ласка поддучала ихъ, то по невѣжеству грѣшили они. Таково было легчайшее и наиболѣе извинительное преступленіе, если только можно извинять такимъ образомъ людей, обязанныхъ быть вождями народа“. Относительно своего времени, тотъ же епископъ выражается такъ, слагая съ себя епископское званіе на Константинопольскомъ Вселенскомъ Соборѣ: „Чѣмъ бы ни рѣшило позднѣе обо мнѣ настоящее собраніе, я хотѣлъ бы предварительно поднять духъ вашъ къ чему-либо вышему: будьте согласны и соединитесь въ любви! Или, какъ непримиримые, мы всегда должны быть предметами посмѣянія и одушевляться только однимъ соперничествомъ? Протяните же другъ другу братски руки! Я же для спасенія нашего корабля (Церкви) охотно пожертвую собою, хотя я и не виновенъ въ бурѣ. Дайте мнѣ выдернуть жребій и свергните меня въ море! Гостепріимный китъ глубины морской меня приметъ. Это послужитъ началомъ единенію. Неохотно вступилъ я на кафедру епископскую и охотно покидаю ее. И слабое тѣло мое внушаетъ мнѣ это... Но Ты, моя Троица, о Тебѣ сожалью я. Найдешь ли ты искуснаго челоуѣка, который такъ смѣло и такъ ревностно защищалъ бы Тебя! Прощайте же и поминайте о моихъ трудахъ и за-

ботахъ“ (Carmen de vita sua, v. 1828—1856). Произнося эти слова, Григорій удалился, а епископы тотчасъ приняли его отреченіе. „Отпустили меня охотно возлюбленные, вспоминаль онъ въ послѣдствіи, словно какъ сбросили грузъ съ отягченнаго корабля, ибо бременемъ для злыхъ былъ желающій добра“. (Carmen adv. Episcopos, v. 1457).

Еще болѣе яркую картину состоянія Церкви того времени рисуетъ намъ Василій Великій. „Съ чѣмъ сравнить, спрашиваетъ между прочимъ святитель, настоящее состояніе Церквей? Оно подобно морской битвѣ, въ которую мужи *браннолюбивые* и привыкшіе къ морскимъ сраженіямъ вступили съ *раздраженіемъ другъ противъ друга за давнія обиды*. Смотри же на это изображеніе: какъ страшно съ обѣихъ сторонъ устремляются ряды кораблей и, когда гнѣвъ достигаетъ высшей степени, схватившись, начинаютъ борьбу! Предположи, если угодно, что корабли порываются сильною бурей, что мгновенная мгла, разлившись изъ облаковъ, очерняетъ все видимое, что невозможно различить ни друзей, ни враговъ, и отъ смятенія не распознаются подаваемые другъ другу знаки. Для большей ясности подобія, предположимъ еще, что море надувается, изъ самыхъ глубинъ бьетъ клубомъ вверхъ, что изъ облаковъ льетъ стремительный дождь, что началось страшное тревоженіе гонимыхъ бурей валовъ, и потомъ, что вѣтры отовсюду стремятся къ одной точкѣ и отъ того корабли съ трескомъ взаимно сталкиваются, и стоявшіе въ боевомъ порядкѣ частію передаются непріятелямъ и вслѣдствіе самой борьбы переходятъ въ ихъ власть, а частію поставлены въ необходимость *вмѣстѣ* и отталкивать наносимыя на нихъ вѣтромъ ладьи и сопротивляться нападающимъ на нихъ кораблямъ, и убивать другъ друга во время мятежа, произведеннаго и завистью къ превосходству другихъ и желаніемъ каждаго самому одержать верхъ. Вообрази еще сверхъ этого, что все море оглашено тамъ какими-то звуками отъ свистящихъ вѣтровъ, отъ взаимнаго ударенія кораблей, отъ шума кипящихъ волнъ, отъ крика сражающихся, которые выражаютъ страсти свои всякими голосами, отъ чего не слышно голоса ни кораблеправителя, ни кормчаго, а видны какой-то ужасный безпорядокъ и смятеніе, и чрезмѣрность бѣдствія при отчаяніи въ жизни производить въ нихъ то, что грѣшатъ съ совершенными безстрашіемъ. Присовокупи какіе-то неисклѣпныя бѣснованія честолюбія въ тѣхъ, которые на корабляхъ, такъ что они не оставляютъ между собою спора о первенствѣ, когда корабль погружается уже въ глубину“ (О Св. Духѣ, къ Амфилохію епископу Иконійскому, гл. 30). Для уясненія этой глубоко вѣрной и глубоко художественной, но и не вполне понятной для насъ картины, приведемъ отчасти соотвѣтствующее описаніе Григорія Назіанзина. „Какъ долженъ я переносить эту *священную войну*? Можно вѣдь говорить и о священной войнѣ, какъ и о варварской. Какъ могу я объединить и согласовать и тѣхъ, которые идутъ наперекоръ другъ другу въ своемъ служеніи, борятся другъ съ другомъ въ духовной дѣятельности своей, и захваченный ихъ расколomъ междуболюбующій народъ— да и не только народъ, но и партіи цѣлаго свѣта, согласныя съ этими безпокойными людьми, такъ что теперь востокъ и западъ распались на враждебныя части и болѣе раздѣляются мнѣніями, чѣмъ естественными границами? Долго ли будутъ говорить еще о моемъ и твоёмъ,

о старомъ и новомъ, о имѣющемъ большую или меньшую епархію? Я стыдился бы своей старости, еслибы, имѣя спасеніе черезъ Христа, позволялъ себя называть по имени другаго (т.-е. главара партіи)“ Orat., XLII, 20).

Не трудно уловить основанія, общія черты еретическаго движенія въ картинѣ, изображаемой намъ святителями церкви. Началомъ ереси выставляють они желаніе начальствующихъ выдвигаться, первенствовать въ начальствѣ или просто-на-просто достигать значенія и начальства, какъ было съ Аріемъ, Македоніемъ и Евтихіемъ, а причиною самого еретическаго движенія почитаютъ они борьбу за это первенство въ начальствованіи и господствѣ. Большинство ересей начинается съ стремленія уличить другихъ въ неправославіи. Недаромъ Несторій началъ свое служеніе на константинопольской кафедрѣ обращенными къ императору словами: „Дай мнѣ Церковь, свободную отъ еретиковъ, и я помогу тебѣ одолѣть пересовъ“. Началомъ еретическихъ заблужденій Евтихія является стремленіе уличить и обвинить православную іерархію въ тайномъ или явномъ несторіанствѣ. Мы видѣли уже изъ словъ Златоустаго, въ книгѣ его о священствѣ, что трудно при излишней ревности обличенія не уклониться въ противоположную крайность и удержаться на строго православной точкѣ зрѣнія. Такимъ образомъ, изъ одной ереси порождаются многія; отъ множества мнѣній среди всеобщаго волненія и того, что Григорій Назіанзинъ иронически называетъ „святою войною“, трудно уже отличить истину. Чистота церковнаго пониманія, какъ прекрасно изображаетъ Василій Великій, въ высшей степени возмущается, ясность затмевается. Въ общемъ волненіи и общей бурѣ не различаемыми уже становятся знаки—символы вѣры. А къ этому прибавляются еще и насилія и гнетъ соблазненнаго, сбитаго съ толка государства, привлекаемаго тѣми или другими борющимися на свою сторону. Отсюда возникаютъ малодушіе однихъ, слабость другихъ и дерзновеніе третьихъ. Одни, по выраженію Григорія Назіанзина, первыми поддаются обману, а другіе позднѣе попадаютъ въ западню; одни являются вождями нечестія, а другіе поблуждаются страхомъ, надеждою или лестью. Корабли церковные сталкиваются по соперничеству *браннолюбивыхъ* кормчихъ своихъ, „при неисцѣльномъ основаніи честолюбія въ тѣхъ, которые на корабляхъ, такъ что они не оставляютъ между собою спора о первенствѣ, когда корабль погружается уже въ глубину“. И въ этотъ расколъ, въ эту священную войну этими безпокойными людьми, по словамъ Григорія Назіанзина, захватывается народъ, ввергаются церкви.

Что же? Неужели и при такомъ блужданіи іерархіи, при такомъ численномъ превосходствѣ уклоняющихся въ ересь и заблужденія, народъ долженъ оставаться только покорнымъ, не можетъ и не долженъ выходить изъ повиновенія, не можетъ и не долженъ подавать своего голоса, являться хранителемъ и охранителемъ православія? Церковная исторія представляетъ намъ не мало случаевъ, когда церковный народъ для блага церкви долженъ былъ, къ сожалѣнію, выступать самостоятельнымъ дѣйствующимъ лицомъ. Мы говоримъ къ сожалѣнію, по тому, что только согласная, общая дѣятельность его съ іерархіей можетъ почитаться вполне нормальною. „Церковь“, говоритъ Кипріанъ Карфагенскій, — „есть народъ, соединенный со своимъ епископомъ, стадо, приле-

жащее пастырю. Церковь обитаетъ въ епископѣ, клирѣ и вѣрномъ народѣ“. Но, при уклоненіи отъ истины одной изъ этихъ составныхъ частей, единеніе въ мѣстной церкви, разумѣется, нарушается. „Всякій человѣкъ“, говоритъ Аѳанасій Великій, — „получивъ отъ Бога способность различенія истины, подлежитъ наказанію, если послѣдовалъ невѣжественному пастырю и принялъ ложное ученіе за истинное: какое общеніе между свѣтомъ и тьмою?“ (*Mont-faucon, Nova Collectio patrum, t. II, p. 105*). Церковь должна, разумѣется, слѣдовать своему пастырю, но не заблуждаться и не ошибаться съ нимъ, какъ бы велики или малы сами по себѣ ни были эти ошибки.

Поясимъ же нѣсколькими примѣрами изъ церковной исторіи назначеніе народа, какъ хранителя, охранителя и защитника православія — *operae eius eius beneficas*, какъ выражается Окружное Посланіе восточныхъ патріарховъ. Начнемъ съ эпохи, когда значительнѣйшее большинство іерархіи увлечено было ересью, когда міръ церковный, въ лицѣ своей іерархіи, увидалъ себя арианствующимъ и торжество ереси надъ православіемъ утверждено было многочисленными, по составу своему, Вселенскими Соборами, только гораздо позднѣе окончательно непризнанными Церковью, въ силу снова полученной ею возможности свободно высказаться. „Отличайте множество, защищающее наслѣдіе отцовъ отъ множества, руководимаго любовью къ новизнѣ“, писалъ тогда Аѳанасій Великій. И вотъ, прежде всего, охранительная роль народа выразилась въ защитѣ православнаго меньшинства іерархіи, составлявшаго ничтожную горсть, противъ напора и насилія укрѣпленнаго государствомъ большинства. Защиту эту испыталъ на себѣ самъ Аѳанасій.

Въ 336 году, когда Аѳанасій, низложенный уже сперва Тирскимъ, а потомъ Константинопольскимъ арианствующими Соборами, пребывалъ въ Константинополѣ и преемникъ ему былъ уже назначенъ, жители Александріи молились во храмахъ о возвращеніи къ нимъ ихъ епископа. Антоній-пустынникъ писалъ изъ Египта письма къ соблазняемому арианами Константину, но Константинъ оставался неумолимымъ. Онъ укорялъ александрійцевъ въ упорствѣ и безпокойствѣ духа, предписывалъ молчаніе клирикамъ и монахамъ, и объявлялъ, что не согласится никогда возвратитъ Аѳанасія, такъ какъ низложившій его соборъ не могъ ошибаться (*Lebeaum. Histoire du Bas. Empire, I, 592*). Аѳанасій сосланъ былъ въ Галлію, но по истеченіи нѣсколькихъ лѣтъ снова вернулся на александрійскую кафедру.

На Антиохійскомъ Соборѣ при Констанціи, Аѳанасій былъ снова низложенъ болѣе чѣмъ 90 епископами. На мѣсто его Соборъ назначилъ сперва Писта, а потомъ Евсевія Кесарійскаго; но Евсевій, зная приверженность народа къ Аѳанасію, отказался отъ назначенія и Соборъ замѣнилъ его Георгіемъ Каппадокійцемъ. Новоназначенный епископъ прибылъ въ Александрію съ префектомъ Филагріемъ и полкомъ солдатъ. Дѣло было прямо передъ Пасхою 342 года. Префектъ тотчасъ же вывѣсилъ объявленіе, что Григорій назначенъ епископомъ Александріи и всѣ, подъ страхомъ наказанія, должны повиноваться ему. Городъ тотчасъ же наполнился волненіемъ. Префектъ и Григорій съ солдатами врываются въ храмъ, куда укрылись вѣрующіе, производятъ рѣзню, поджигаютъ храмъ и наполняютъ городъ убійствами, грабежами и на-

силями. Филагрій слѣдомъ, одну за другою передавалъ Григорію предвари- тельно ограбленныя церкви (*Lebeau*, II, 42—45).

Наконецъ, и въ третій разъ, въ 356 году, Аѳанасій силою былъ оттор- гнутъ отъ охраняющаго его народа. Какъ только сдѣлался въ Александріи извѣстнымъ данный императоромъ префекту Сиріану приказъ низложить Аѳанасія съ престола, весь городъ пришелъ въ движеніе: духовенство, народъ, знатнѣйшіе граждане города осадили квартиру правителя съ просьбами не спѣ- шить исполненіемъ императорскаго указа, пока не возвратится посольство, которое они хотѣли отъ себя послать къ императору. Въ то время Аѳанасій былъ уже снова только-что низложенъ Медиоланскимъ Соборомъ, состоявшимъ болѣе чѣмъ изъ 200 епископовъ востока и запада и отвергнуть почти всю высшую іерархію, такъ что распоряженіемъ императора только приводилось въ исполненіе соборное постановленіе. Въ ночь на 9-е февраля 356 года, когда народъ присутствовалъ за всенощнымъ богослуженіемъ въ храмѣ, Сиріанъ оса- дилъ церковь съ 5,000 воиновъ. Множество изъ защитниковъ Аѳанасія были убиты, другіе разошлись по требованію самого епископа, котораго подъ конецъ стужѣла спасти и скрыть толпа клириковъ (*Іоаннъ*, Истор. Вселенск. Собор., I, 95).

Въ 338 году, по смерти епископа Александра, православное большин- ство константинопольскаго народа и клира избрало епископомъ Павла; ариан- ское меньшинство—Македонія. Владѣвшій умомъ Констанція, Евсевій Нико- мидійскій самъ желалъ получить престолъ константинопольскій, а потому протестовалъ противъ правильности выборовъ и, хотя протестъ этотъ оказался лишеннымъ основанія, Констанцій, однако, выслалъ Павла и назначилъ Евсевія епископомъ константинопольскимъ. Павелъ удалился въ Римъ и Соборъ запад- ныхъ епископовъ, въ 341 году, постановилъ возвратить Павла, Аѳанасія и Маркела Анкирскаго къ церквямъ. По смерти Евсевія въ томъ же году, Павелъ вернулся въ Константинополь къ великой радости православнаго народа и къ великому неудовольствію правительственной, арианской партіи, требовав- шей постановленія Македонія. Дѣло дошло до рукопашной схватки. Изъ Ан- тіохіи, гдѣ находился тогда Констанцій, посылаются начальники всадниковъ, Гермогенъ, чтобы изгнать Павла. Народъ приходитъ въ полное возмущеніе, поджигаетъ домъ Гермогена, а его самого убиваютъ. Самъ Констанцій поспѣшилъ явиться, чтобы мстить константинопольскому народу. Тронутый, однако, моль- бами сената и народа, онъ удовлетворился тѣмъ, что изгналъ вторично Павла (*Lebeau*, II, 129, 521). Восточные соборы епископовъ, подчиненные власти Констанція, признавали Павла низложеннымъ. По настоянію Константа, ока- завшаго давленіе на брата, Павелъ, однако, въ 344 году, возвратился на константинопольскій престолъ. Со смертію Константа, ариане снова укрѣпились въ преслѣдованіи. Констанцій поручилъ префекту Востока изгнать Павла и посадить на мѣсто его Македонія. Среди полного возстанія, епископъ, чтобы предупредить кровопролитіе, добровольно отдается въ руки префекта, а пре- фектъ самъ ведетъ съ войскомъ Македонія въ церковь и при этомъ случаѣ воины его убиваютъ около 3,000 человекъ. Павелъ отправленъ былъ въ за- точеніе и тамъ удавленъ (*Lebeau*, II, 319—321).

Такимъ же точно образомъ, въ 355 году, послѣ Медиоланскаго Собора, народъ открытою силою защищалъ православнаго своего епископа Діонисія и единственныхъ смѣлыхъ представителей православія на соборѣ Евсевія Верчелійскаго и Люцифера Калаританскаго (*Lebeau*, II, 328). Еще большее упорство оказалъ въ томъ же году народъ въ Римѣ, защищая приговореннаго къ изгнанію и долго упорно державшагося православія папу Либерія и отказываясь принять поставленнаго на его мѣсто Феликса (*Lebeau*, II, 335).

Во всѣхъ приведенныхъ выше случаяхъ народъ является хранителемъ православія и охранителемъ своего православнаго іерарха отъ насилій большинства поддерживаемой государствомъ іерархіи. Такихъ случаевъ можно, разумѣется, привести безчисленное множество, тогда какъ проявленія обратнаго въ высшей степени рѣдки. Не было недостатка и въ случаяхъ, когда народъ отказывался повиноваться своему неправославному іерарху и оказывалъ ему сопротивление. Такъ, когда Евдокій, епископъ константинопольскій, аріанинъ, посвятилъ Евномія во епископа Кизикскаго, Евномій, прибывъ въ Кизикъ и, употребивъ обычную свою діалектику, возмущилъ народъ своимъ ученіемъ и граждане Кизика изгнали его.

Винкентій Леринейскій въ своемъ „*Commonitorium*“ восхваляетъ бдительность жителей Сръма въ Панноніи по отношенію къ епископу своему Фогину, исподволь сдѣлавшемуся ересіархомъ и пытавшемуся испытывать, соблазнять (*tentasse*) церковь сръмскую. „Всеобщую любовью возведенъ онъ былъ въ епископство и нѣкоторое время управлялъ церковью, какъ православный (*catholicus*), но внезапно, подобно злему пророку или мечтателю (*somniator*), о которомъ говоритъ Моисей, началъ убѣждать вѣранный ему народъ Божій слѣдовать чуждымъ богамъ, т.-е. вѣрными заблужденіямъ, которыхъ прежде не вѣдалъ онъ. Но это еще дѣло обыкновенное. Опасность заключалась въ томъ, что дѣйствовалъ онъ не обыкновенными средствами, ибо онъ обладалъ и силою ума, и богатствомъ знанія, и рѣчью искусной и убѣдительною... Но *хорошо то*, что вѣранные ему овцы Христовы, *много будучи бдительны* о вѣрѣ православной, тщательно вспоминали о совѣтѣ Моисеевомъ и, изумляясь краснорѣчію своего пророка и пастыря, не оставляли безъ вниманія и его искушеній. Слѣдуя прежде за нимъ, какъ овцы за вожакомъ своимъ, стали они избѣгать его, словно волка“ (*Commonitorium*, с. XI). Не подлежитъ сомнѣнію, что непокорность и неповиновеніе сръмскихъ христіанъ своему епископу заслуживаютъ полнаго одобренія и въ свое время вызвали похвалу изъ устъ не одного только Винкентія Леринейскаго.

Выше мы видѣли изъ словъ Василія Великаго, что народъ для избѣжанія яда аріанскаго, всячески ему навязываемаго и прививаемаго, спасался въ пустыни и мѣста уединенныя, свято сохраняя и охраняя святую, чистую, православную вѣру свою. Прекрасную картину состоянія православнаго народа подъ гнетомъ неправославной іерархіи видимъ мы въ слѣдующемъ, между прочимъ, примѣрѣ. Аріане подъ покровительствомъ императора Констанція возвели на антиохійскій престолъ нѣкоего Леонтія, котораго недавно еще православный епископъ Евстафій не хотѣлъ принять въ клиръ. Леонтій, какъ тонкій политикъ, зная правоту народа, на первыхъ порахъ своего

епископства, тщательно скрывалъ свои еретическія убѣжденія, но зато поставлялъ въ клирики только аріанъ, такъ что черезъ нѣсколько времени весь уже клиръ сдѣлался аріанствующимъ. Тогда народъ нашелъ себѣ опору, а Леонтій соперниковъ въ двухъ, неимѣющихъ священства и не принадлежащихъ даже къ клиру отшельникахъ, Деодоръ и Флавіанъ, изъ которыхъ первый сдѣлался вполнѣдетвіи епископомъ Тарескимъ, а второй святымъ патріархомъ Антиохійскимъ. Православная паства Антиохіи, не находя болѣе въ клирѣ здраваго ученія, начала собираться на могилахъ мучениковъ, проводя ночи въ молитвѣ подъ руководствомъ Флавіана и Діодора. Леонтій ревностно желалъ бы помѣшати имъ, но не могъ употреблять силу, страшась народа. Онъ употребилъ въ дѣло хитрость и, желая приобрести народъ, почтительно пригласилъ двухъ отшельниковъ перенести въ его церковь молитвенныя собранія. Флавіанъ и Діодоръ, постигая его хитрость, согласились на его предложеніе, но убѣдили народъ не входить въ молитвенное общеніе съ аріанами и при славословіи употреблять не аріанскую формулу: Слава Отцу черезъ Сына въ Св. Духѣ, но православную и каѳолическую: Слава Отцу и Сыну и Святому Духу, какъ лучше выражающую понятіе о единственности, каковую формулу приняла потомъ и вся Церковь (*Facundus Hermianensis. Pro defensione trium capitulorum Concilii Chalcedonensis. Lib. IV, c. 2*).

Уже и изъ этого примѣра можно видѣть, что заблуждающаяся или и прямо еретическая іерархія видѣла нерѣдко въ народѣ своего рода судью дѣяній своихъ и убѣжденій и болѣе или менѣе руководствовалась страхомъ отвѣтственности передъ нимъ или по крайней мѣрѣ принимала его въ расчетъ. Въ этомъ смыслѣ тотъ самый борецъ противъ аріанства, который въ итогѣ борьбы пришелъ, какъ уже видѣли мы, къ заключенію, что „уши народа святѣе, чѣмъ сердца іерарховъ“ (*Sanctiores aures populi quam corda sacerdotum*)—Св. Иларій Пиктавійскій говоритъ объ епископахъ аріанскихъ, которыхъ удерживалъ и страшилъ судъ народа—*populi iudicium* (*Contra Constant., I, c. 8*). Согласованіе съ народомъ въ дѣлѣ религіи, принятіе въ расчетъ народнаго убѣжденія, понятіе о собственномъ судѣ самого народа отнюдь не приводило въ соблазнъ и не возмущало даже и такихъ іерарховъ и учителей Церкви, какъ бл. Августинъ, епископъ Гиппонійскій. Онъ самъ, какъ на узы, соединяющія его съ Церковью каѳолическою, указываетъ на *consensus populorum et gentium* (*Contra epistolam. quam Manichaei etc., c. 4*). Онъ основываетъ авторитетъ Церкви на преемствѣ епископовъ и на согласіи народовъ (*Contra Faust. II, c. 2*). Авторитетъ этотъ возрастаетъ, по его мнѣнію, когда Церковь осуждаетъ іерарховъ „частію судомъ самого народа, частію важностью соборовъ, частію же посредствомъ чудесъ“ (*De utilitate credendi ad fin.*). Упомянувъ въ данномъ случаѣ о судѣ народа (*iudicium populi*), онъ называетъ въ другомъ мѣстѣ народы судьями Юліана, ученика Пелагіева (*Contr. Julianum, I, 2*)—*populi iudices*.

Яркимъ примѣромъ того, какъ малодушествовавшая, заблуждающаяся и еретическая іерархія боялась суда народнаго въ дѣлѣ вѣры, можетъ служить слѣдующій весьма характеристическій разсказъ историка Сульпиція Севера.

„Не дерзая высказаться передъ народомъ на Соборѣ Медиоланскомъ, епископы оставили Церковь, въ которой рѣшено было быть Собору и перешли во дворецъ императорскій, откуда и отправили отъ имени императора посланіе, исполненное превратнаго ихъ ученія. Они рассчитывали получить одобреніе народное, если народъ благосклонно приметъ посланіе императора (Констанція); отклонивъ же посланіе, народъ, думали они, будетъ обвинять только императора, которому, какъ катехумену извинительно было незнаніе догматовъ. Письмо было прочитано въ церкви и съ негодованіемъ отринуто народомъ“ (*Sulpicii Severi. Lib. II, c. 39*). Изъ епископовъ, сопротивлявшихся Василию Великому, большинство, по заключеніямъ католическаго историка позднѣйшихъ временъ, придерживалось православія только на столько, на сколько побуждалъ ихъ къ тому народъ (*Tillemont. Hist. Ecclesiast, t. IX, p. 78*). Отчасти подтверждается это и слѣдующимъ выраженіемъ самого Василія Великаго въ письмѣ къ монахамъ. „Припомните, пишетъ онъ, что первосвященники, книжники, старѣйшины были главами заговора противъ Іисуса Христа; небольшое число людей среди народа слѣдовало за истиной“ (Письмо 24).

Изъ крайне ограниченнаго количества фактовъ, приведенныхъ нами изъ краткаго періода жизнедѣятельности церковной, слѣдуетъ, какъ полагаемъ мы, съ достаточною ясностью, что народъ въ теченіе всей борьбы съ арианствомъ былъ дѣйствующимъ лицомъ и наряду съ малою горетью лучшихъ, оставшихся вѣрными православію, представителей іерархіи, являлся хранителемъ, охранителемъ и защитникомъ вѣры и праваго ученія, борцомъ за вѣру и православіе. Но именно въ этихъ своихъ заслугахъ онъ не соотвѣтствовалъ идеалу г. Тихомирова, ибо не проявлялъ пассивной покорности іерархіи, судилъ своимъ судомъ, самочинно и по собственному своему почину отличалъ старое, унаслѣдованное преданіе отъ новыхъ его толкованій.

Такимъ же оставался онъ и при появленіи послѣдовавшихъ ересей. При первой проповѣди несторіанства, произнесенной въ крайне мягкой еще формѣ ученикомъ Несторія—Анастасіемъ, заволновался въ церкви весь слушающій младшій клиръ и народъ. Волненіе и отпоръ народа проявлялись еще сильнѣе, когда произносилъ свои краснорѣчивыя проповѣди самъ Несторій, вполне законный и каноничный патріархъ Константинопольскій. Волненія эти по свидѣтельству Кирилла Александрійскаго охватили весь Константинополь, распространяясь все дальше и дальше. Все это съ точки зрѣнія г. Тихомирова совершенно преступно, ибо назначеніе вѣрующихъ быть на выучкѣ у духовенства, а для духовенства требуется прежде всего дисциплина... Не такъ судили и думали представители православія. Папа Целестинъ пишетъ къ отстраняющемуся отъ патріарха своего народу Константинопольскому: „Блаженно стадо, умѣющее судить о пастбищахъ и отличать здоровую пищу отъ яда“.

V.

Мы указали и доказали въ предшествовавшей главѣ, что народъ церковный, какъ совокупность вѣрующихъ, какъ самое тѣло Церкви, не долженъ

быть въ домостроительствѣ церковномъ страдательною массою, слѣпо и безусловно принимающею ученіе каждаго отдѣльнаго представителя іерархіи или слѣпо и безусловно подчиняющеюся всякому постановленію и рѣшенію іерархическаго большинства, но является и долженъ являться хранителемъ, охранителемъ и защитникомъ праваго ученія, каковую обязанность возлагаетъ на него между прочимъ и раньше цитированное нами Окружное Посланіе Восточныхъ Патріарховъ. Народъ церковный, по точному смыслу выраженія, не только пассивно сохраняетъ правую вѣру, но и дѣятельно охраняетъ и защищаетъ ее и въ этомъ смыслѣ является заслоняющимъ ее щитоносцемъ — *οπερασθησὶς τῆς θρησκείας*. Какъ производитъ онъ это свое служеніе — видѣли мы отчасти изъ предшествовавшей главы.

Такое служеніе является для народа церковнаго возможнымъ и обязательнымъ только потому, что авторитетомъ для него, — если только совмѣстимо съ понятіемъ о Церкви понятіе объ авторитетѣ, — является не учащая его іерархія, хотя бы и во всей совокупности, а то, что и для самой іерархіи является и должно являться критеріемъ истины и православія. Критерій (мѣрило) истины и православія одинъ и тотъ же для іерархіи и для вѣрующихъ мірянъ. И для іерархіи и для вѣрующихъ мірянъ онъ является не только внутреннимъ, но и вѣшнимъ элементомъ. „Сущность іерархія наша, говоритъ постановленіе соборное, составляютъ Богопреданныя слова, то-есть истинное вѣдѣніе Божественныхъ Писаній, яко же изрекъ божественный Діонисій (Александрійскій)“ (7-го Вселенскаго Собора правило 2-е). Но то же правило знаніе того же источника и мѣрила вѣры почитаетъ въ большей или меньшей степени обязательнымъ и для мірянъ. „Поелику мы въ псалмопѣніи общаемъ Богу: въ оправданіяхъ твоихъ поучуся, не забуду словесъ Твоихъ (Пс. 118, ст. 6), то и веѣмъ христіанамъ сіе сохрѣяти есть спасительно, наипаче же пріемлющимъ священническое достоинство“. За этими вступительными словами говорится объ обязательности знанія Св. Писанія епископами, а затѣмъ дѣлается и приведенное нами выше опредѣленіе сущности іерархіи. На іерархіи лежитъ обязанность обучать народъ этому вѣдѣнію Писанія, хотя и по причинѣ только небреженія (*ραδουρίας*) вѣрующихъ, какъ выражается Златоустъ (см. ниже), ибо Св. Писаніе всецѣло открыто и всецѣло постижимо, какъ увидимъ мы далѣе, для самихъ вѣрующихъ и должно изучаться и постигаться ими. Но и каждый отдѣльный представитель іерархіи, какъ видно изъ приведеннаго нами выше правила 6-го Вселенскаго Собора, можетъ точно также заблуждаться и „уклоняться отъ достодолжнаго, какъ и каждый вѣрующій вообще“ (Трульск. Собора правило 19). Обладая однимъ и тѣмъ же критеріемъ или мѣриломъ истины и православія, т.-е. однимъ и тѣмъ же Писаніемъ и преданіемъ, міряне и клиръ могутъ и должны провѣрять другъ друга, и вѣра мірянъ не должна быть слѣпымъ довѣріемъ къ представителямъ іерархіи или духовенства, какъ того требуетъ г. Тихомировъ.

Вообще для того, чтобы теорія г. Тихомирова имѣла смыслъ и значеніе, необходимо предположить, что Св. Писаніе и преданіе составляютъ частное достояніе одной только іерархіи и сокрыты отъ народа и веѣхъ вѣрующихъ изъ мірянъ вообще. На дѣлѣ этого, разумѣется, нѣтъ. И Писаніе, и преданіе,

какъ мы сейчасъ докажемъ, вполне открыты, по учению Церкви, для всѣхъ вѣрующихъ вообще, если они только не хотятъ оставлять ихъ въ пренебреженіи.

Начнемъ съ Писанія.

Еще нѣмецъ Шлецеръ, говоря о дѣятельности солунскихъ апостоловъ — Кирилла и Меодія, указалъ на выдающееся отличіе православія отъ римскаго католицизма. „Вѣрь своему священнику!“ проповѣдуетъ, по словамъ Шлепера, вполне сообразно учению г. Тихомирова, римскій католицизмъ. „Вѣрь Слово Божію!“ проповѣдуетъ по его же словамъ, но вопреки учению г. Тихомирова, православіе; — а чтобы ты могъ ему вѣрить, то вотъ оно на собственномъ родномъ языкѣ твоемъ“. Неправославный нѣмецъ Шлецеръ видимо хорошо понялъ то, чего не понялъ и не понимаетъ г. Тихомировъ. Мы уже видѣли, что седьмой Вселенскій Соборъ признаетъ чтеніе и изученіе Св. Писанія спасительнымъ для всѣхъ мірянъ вообще. „Умоляю васъ, говоритъ, обращаясь къ своей паствѣ Златоустый, усердно прилежать къ чтенію Божественнаго Писанія. Не только, приходя сюда, но и въ домахъ своихъ берите въ руки священную книгу и съ великимъ тщаніемъ принимайте пользу отъ ея содержанія (Бесѣда 29-я на Бытіе). Пусть каждый изъ васъ возьметъ, сидя дома, въ руки свои прочитанное вамъ зачало и многократно читаетъ его и тщательно изслѣдуетъ его (Бес. XI на Іоанна). Я всегда увѣщевалъ и увѣщевать не перестану, дабы вы не только здѣсь, но и дома тщательно упражнялись въ чтеніи Божественныхъ Писаній. Я не переставалъ упоминать о семъ и тѣмъ, которые имѣли со мною частныя бесѣды. Никто не говори мнѣ смѣшныхъ, нелѣпныхъ и достойныхъ осужденія словъ: я обязанъ судебными дѣлами, прохожу общественныя должности, занимаюсь мастерствомъ, имѣю жену, кормлю дѣтей, забочусь о семействѣ; я мірскаго человѣкъ — не мое дѣло читать Писанія, но это дѣло людей, оставившихъ міръ, живущихъ на вершинахъ горъ, ведущихъ жизнь болѣе строгую... Что ты говоришь, человѣкъ? Не твое дѣло раскрывать Писанія, потому что ты развлеченъ безчисленными заботами? Напротивъ, это дѣло — болѣе твое, нежели оныхъ людей. Ибо они менѣе имѣютъ нужды въ пособіи Писаній, нежели обуреваемые волнами попеченій. Монахи и пустынники, удаленные отъ торжища и свободные отъ судебныхъ дѣлъ, ни съ кѣмъ не имѣютъ сообщенія, но спокойно и безмятежно предаются созерцанію мудрости и, какъ бы въ пристани, наслаждаются всею спокойствіемъ. Напротивъ, мы, какъ бы среди моря обуреваемые и вольно или невольно безчисленными грѣхами связанные, имѣемъ нужду въ непрестанномъ утѣшеніи Писаній. Они далеки отъ поля сраженія и потому немногіе получаютъ раны, а тебѣ, поелику ты непрестанно стоишь въ строю, поелику часто получаешь удары, наиболѣе нужны пособія: тебя и жена вызываетъ, и сынъ огорчаетъ, и рабъ на гнѣвъ подвизаетъ. Тебѣ и врагъ ковы строитъ, и другъ завидуетъ, и соседъ гонитъ, и соратникъ измѣняетъ; тебя и потеря домашнихъ печалитъ, и счастье надмѣваетъ, и несчастье сокрушаетъ. Кратко сказать, насъ отовсюду окружаютъ различные, неизбѣжные случаи гнѣва, заботъ, смущенія, печали, высокомерія, надменности и другія безчисленныя со всѣхъ сторонъ летаютъ стрѣлы, а потому необходимо брать всеоружіе

отъ Писаній. При ополченіи столь многихъ враговъ на душу нашу, намъ нужны божественныя пособія, дабы въ одно и то же время врачевать и полученныя уже раны и отвращать тѣ, которыя хотя еще не нанесены, но имѣютъ быть нанесены, дабы тщательнымъ чтеніемъ Писаній угасить и отразить издалека летящія стрѣлы лукаваго, ибо нельзя получить спасенія, не упражняясь непрестанно въ духовномъ чтеніи“ (Бесѣда 36-я о Лазарѣ). „Никто, говоритъ Аѳанасій Александрійскій, не остается безопасно въ невѣдѣніи римскихъ законовъ—законовъ имперіи. Запрещающіе же людямъ изучать вѣщанія Царя Небеснаго не бдѣющіе ли еще готовятъ опасности? Писаніе есть пища души. Перестанъ же, человѣкъ, губить голодомъ внутренняго человѣка, алканіемъ не нищи и питія, но Слова Божія“ (Adversus eos qui nec quaerendum, nec loquendum ex Scriptura praescripuit, sed in sua fide acquiescendum).

Писаніе, по ученію Отцовъ Церкви, является и источникомъ вѣры для человѣка. „Что составляетъ главную особенность, главное свойство вѣры? (το ιδιον πιστεως) — вопрошаетъ Василій Великій. Несомнѣнная увѣренность въ истинѣ боговдохновенныхъ словесъ, которыя не могутъ быть нарушены никакими разужденіями (λογισμο ουδενι), ни выведеннымъ изъ природной необходимости, ни сложеннымъ на подобіе благочестія. Что составляетъ особенность, свойство вѣрующаго? Пребываніе въ твердомъ убѣжденіи въ вѣрности и силѣ сказаннаго и нежеланіи что-либо отъ него отринуть или что-либо къ нему прибавить. Все, что не отъ вѣры происходитъ, есть грѣхъ, по свидѣтельству апостола; вѣра же отъ слушанія, а слушаніе отъ Слова Божія, и потому все внѣшнее для вдохновеннаго Писанія, какъ исходящее не отъ вѣры, есть грѣхъ“ (Ascetic. Definition. LXXX). „Всякое слово и дѣло, говоритъ онъ въ другомъ мѣстѣ, должно подтверждаться свидѣтельствомъ вдохновеннаго Писанія для достовѣрности или полнаго убѣжденія добрыхъ и для смущенія злыхъ“ (Moralium summa. Definit. XXVI, cap. 1). „Ничего, говоритъ Златоустъ, не нужно вѣщать безъ свидѣтельства или черезъ одни умозаключенія, ибо, если говорится что-либо безъ свидѣтельствъ отъ Писанія, мысль слушающаго колеблется между признаніемъ и сомнѣніемъ. Если же приводится свидѣтельство отъ Писанія, утверждается черезъ то и рѣчь говорящаго и мышленіе слушающаго“ (Бесѣда на псаломъ 26). Писаніе заключаетъ въ себѣ для Златоустаго всю истину. Противное Писанію или даже не находящееся въ немъ, не можетъ быть предметомъ вѣры. Авраамъ, на просьбу послать Лазаря, отвѣтилъ: имѣютъ Моисея и пророковъ; если имъ не увѣровали, то не послушаютъ хотя бы и мертвые воскресли. Этою его рѣчью Христосъ хочетъ сказать, что онъ желаетъ, чтобы Писаніе внушало больше вѣры, чѣмъ, еслибы мертвые воскресали. Павелъ же — а говоря о Павлѣ, я говорю о Христѣ, ибо Онъ былъ двигателемъ ума его, — предпочитаетъ Писаніе даже ангеламъ, сходящимъ съ неба, и вполне разсудительно. Ангелы, какъ ни велики они, все же слуги и рабы. Всѣ же Писанія посланы намъ, какъ писанныя не рабами, а самимъ Господомъ, Богомъ всего... *Кромъ того, что мы благовѣствовамъ...* Не говорите противное тому, что мы благовѣствовали, но еслибы даже и малое что благовѣствуемо будетъ помимо того, что мы благовѣствовали— анаѳема будетъ. (На первую главу посланія къ Галатамъ).

Итакъ, чтеніе Св. Писанія является, по ученію Отцовъ, источникомъ и мѣриломъ вѣры для вѣрующихъ. Не заблужденія и ереси порождаетъ оно, какъ страшилась колеблющаяся въ вѣрѣ своей римская Церковь, но, напротивъ, защищаетъ отъ ересей, поддерживаетъ правую вѣру. „Справедливо, учитъ Златоустый, называетъ Христось Писанія дверью. Они приводятъ насъ къ Христу, открываютъ намъ познаніе Бога. Они охраняютъ овецъ и не допускаютъ волковъ. Эта крѣпчайшая дверь сопротивляется входу еретиковъ, сохраняетъ насъ въ цѣлости и не допускаетъ насъ къ блужданію. И еслибы мы не преступали ея порога, никогда не могли бы побуждать насъ враги наши. Черезъ нея познаемъ мы и пастырей и не-пастырей. Кто не пользуется Писаніемъ, а проходитъ другимъ путемъ, тотъ есть воръ“ (Бесѣда 59-я на Ев. Иоанна). Не только находящемуся уже въ Церкви, но и всякому приходящему къ ней Св. Писаніе даетъ возможность разобраться среди множества терзающихъ его ересей и отличать истинное ученіе отъ ложнаго. „Что скажу я объ эллинахъ? Приходитъ эллинъ и говоритъ: „Хочу сдѣлаться христіаниномъ, но, не знаю, кому слѣдовать, ибо у васъ великая борьба и смущеніе, и шумъ. Какой приму я догматъ? Кого выберу? Каждый увѣряетъ, что говоритъ истину. Кому повѣрю я, ничего не зная въ Писаніи, которое они проповѣдуютъ?“ Но это-то и служитъ намъ на пользу. Еслибы разсужденіями (λογισμοις) мы тебя убѣждали, справедливо смущался бы ты. Но мы убѣждаемъ тебя Писаніями, а они просты и истинны, и тебѣ не трудно собственное свое сужденіе (т. е. проявленіе самочинности). Кто согласуется съ ними, тотъ христіанинъ, а кто борется съ ними, тотъ далекъ отъ правила этого (т. е. отъ христіанства). Если же кто приходитъ и говоритъ: „такъ учитъ Писаніе, но ты учишь иначе и иначе изъясняешь Писанія, иначе передавая ихъ смыслъ“. Такъ скажи же мнѣ: развѣ собственнаго разума ты не имѣешь и собственнаго сужденія (Златоустъ прямо одобряетъ самочинную работу духа)! „Но какъ же могу я, невѣдая, судить о вашемъ ученіи. Я хочу стать ученикомъ, а ты дѣлаешь меня учителемъ?“ — „Если ты имѣешь разсужденіе и умъ (χρησικαὶ νοον), то и все доброе узнаешь“. (Бесѣда 33-я на Дѣянія Апостол.). Читатель безъ труда замѣтитъ, что Златоустъ указываетъ неопыту совершенно иной путь къ Богопознанію, чѣмъ тотъ, который проповѣдуетъ г. Тихомировъ. Онъ прямо предписываетъ свободное разсмотрѣніе, самочинность разума.

Ереси существуютъ, распространяются и процвѣтаютъ только влѣдствіе невѣжества въ Писаніи, только влѣдствіе пренебреженія его изученіемъ и косности къ изученію. „Отсюда, т. е. отъ невѣдѣнія Писаній, возникли тысячи золъ: отсюда возникла и причина ересей, отсюда и бесполезные труды. Подобно тому, какъ лишеныя пользованія внѣшнимъ свѣтомъ не могутъ прямо и правильно ходить, такъ и не направляющіе очей своихъ на Божественныя Писанія, необходимо должны часто грѣшнить во многомъ, какъ бродящіе въ глубочайшей тьмѣ“ (Вступленіе къ поученіямъ на Посланіе къ римл. Златоуста). „Умоляю васъ, міряне (βιωτικοί), всѣ послушайте и приобрѣтите книги, врачество душъ. Если не хотите другихъ, приобрѣтите только Новый Завѣтъ, т. е. Апостола, Дѣянія и Евангелія — всѣхъ учителей... Въ этомъ причина

всѣхъ золь—въ невѣдѣніи Писаній. Безъ оружія идемъ на войну мы—и какъ можемъ спастись? И съ ними-то трудно спастись: какъ же безъ нихъ? Не сваливайте всего на насъ: вы овцы, но не лишеныя разума, а разумныя“. (Всѣда 9-я на Посл. къ Колосс.).

Златоустъ, въ ученіи своемъ, исходитъ, подобно другимъ Отцамъ и Учителямъ Церкви, изъ твердой вѣры въ достаточность разумныхъ силъ души человѣческой къ постиженію истины при содѣйствіи вспомошествоющаго Духа Святаго и изъ твердой вѣры въ простоту, ясность и совершенство Писанія. „Скажутъ, говорить онъ: что намъ дѣлать, когда мы не разумѣемъ того, что находится въ книгахъ? — Хотя бы ты и не понималъ сокровеннаго въ нихъ, однако отъ самаго чтенія рождается многая святыня. Да и не можетъ быть, чтобы для тебя совершенно все было не понятно: благодать Духа опредѣлила, чтобы сія книга написана была мытарями, простолюдинами и неучеными, дабы нието изъ простолюдиновъ не отзывался трудностью сихъ книгъ, дабы для всѣхъ было удобовразумительно, что въ нихъ говорится,—дабы и ремесленникъ, и слуга, и вдова, и самый безграмотнѣйшій, слушая чтеніе Писанія, могъ получить для себя нѣкую пользу. Ибо все это не для суетной славы, какъ язычники, но для спасенія слушающихъ начинали тѣ, коихъ Богъ отъ начала удостоилъ благодати Духа. Ежели не познавшіе Христа философы, словоискусники, риторы и писатели книгъ, имѣвшіе въ виду не пользу общую, но собственную свою славу и сказали что-нибудь полезное, но и то обычная ихъ темнота сокрывала, какъ бы въ нѣкоторомъ мракѣ. Совсѣмъ не такъ поступали Апостолы и Пророки, какъ всемірные учителя; они все свое ученіе излагали открыто и ясно, дабы всякъ изъ одного чтенія могъ поучаться ихъ словесамъ. Сіе-то предвозвѣщая, Пророкъ говорилъ: „Будутъ вси научены Богомъ и не научить кійждо ближняго своего и кійждо брата своего, глаголя, познай Господа: яко всѣ познають Мя отъ мала даже и до велика ихъ“. (Иерем., XXVI, 34 Иоанн., VI, 35). И апостолъ Павелъ говоритъ: „И азъ пришедъ къ вамъ, братіе, придохъ не по превосходному словеси или премудрости, возвѣщая вамъ свидѣтельство Божіе“ и т. д. (1 Кор., XI, 1—7). Ибо кому не ясно все написанное въ Евангеліи? Кто, слушая сіи слова: „Блаженни кротцы, блаженни милостивни, блаженни чистии сердцемъ“ и проч.—потребуется наставника, чтобы постигнуть ихъ. Даже самыя знаменія, чудеса, повѣствованія не всякому ли извѣстны и очевидны? Это одно извиненіе или предлогъ, прикрывающій лѣность. Ты не разумѣешь Писанія? Но можно ли тебѣ разумѣть, когда не хочешь даже заглянуть въ оное? Возьми книгу въ руки, читай всякое повѣствованіе, и что понятно затверживай въ памяти, темное же и малопонятное читай чаще. Ежели и по тщательномъ чтеніи не понимаешь, *поди къ чело-вѣку болѣе просвѣщенному*, поди къ учителю, посоветуйся съ нимъ о томъ, что написано, объяви ему твое сильное желаніе, и Богъ, увидя толикую готовность твоего сердца, не презритъ твоего бодрствованія и заботливости. Но, хотя бы и никто не научилъ тебя тому, чего ты ищешь, то, безъ сомнѣнія, самъ Богъ откроетъ тебѣ. Вспомни объ евнухѣ царицы ефіопской, который, будучи непро-свѣщенъ и развлеченъ безчисленными заботами и дѣлами, хотя не разумѣя того, что читалъ, читалъ, однако, сидя въ колесницѣ. Ежели онъ въ дорогѣ оказалъ

толикое тщаніе, то представь, каковъ былъ бы онъ дома; ежели во время путешествія не могъ удержаться отъ чтенія, то колыма паче дома;— ежели онъ ничего не разумѣлъ, и, однако, не переставалъ читать, то колыма паче не пересталъ когда уразумѣлъ. А дабы ты зналъ, что онъ не понималъ того, что читалъ, то внимай, что говоритъ Филиппъ: „разумѣши ли, что чтени? и евнухъ, услыша сіе, не устыдился, но признался въ своемъ невѣдѣніи, сказавъ: „какъ убо могу разумѣть, аще кто не наставитъ меня“. (Дѣян. VIII, 30). Хотя и не имѣлъ онъ еще наставника, однако читалъ и за это скоро нашелъ руководителя. Богъ зналъ душевное его расположеніе и, видя ревность, тотчасъ послалъ ему учителя, но уже водилъ его не Филиппъ, а Духъ, водившій Филиппа. Не будемъ возлюбленные пренебрегать нашимъ спасеніемъ: сія бо вся писана была въ наученіе наше, въ нихъ же концы вѣкъ достигоша (1 Кор., XII). Великое есть огражденіе отъ грѣха — чтеніе Писаній; великая стремнина, глубокая бездна невѣдѣніе Писаній. Невѣдѣніе Писаній есть важная препона спасенію; сіе невѣдѣніе породило ереси, развращаемую жизнь, и всеобщее неустроеніе“ (Бесѣда третья о Лазарѣ). Итакъ, Писаніе есть ясный для всѣхъ, доступный для всѣхъ и повсюду распространенный источникъ истины, равно какъ и мѣрило истины. Указывая на то, что Писаніе существуетъ на языкахъ: Евреевъ, Грековъ, Римлянъ, Египтянъ, Индусовъ, Персовъ, Армянъ, Скиновъ и Савроматовъ, т.-е. на языкѣ всѣхъ почти народовъ, блаженный Θεодоритъ поясняетъ: „Отсюда ты видишь, что догматы наши извѣстны не однимъ только учителямъ церкви, но и швецамъ, ткачамъ, кузнецамъ, прядильщикамъ шерсти и другимъ ремесленникамъ. Знаютъ ихъ даже и женщины, не только обучаемыя наукамъ, но и поденщицы, и работницы, и рабыни. Не только живущіе въ городахъ, но и земледѣльцы имѣютъ познаніе“ (Graecar. affect. curatio Sermo 5) „Богъ не желалъ, чтобы какихъ либо только десять, пятьдесятъ, сто или двѣсти людей наслаждались спасительными водами Писанія, но все люди, какъ эллины, такъ и варвары, какъ образованные, такъ и необразованные, и шведы, и ткачи, и кузнецы, и все вообще ремесленники, а съ ними вмѣстѣ рабы, и нищіе, и дровосѣки, и женщины, какъ окруженные богатствомъ, такъ и живущія трудомъ рукъ своихъ“. (Ibid. Sermo 8).

Писаніе не имѣетъ тайнаго, сокровеннаго смысла, постигаемаго только при помощи искуснаго толкователя, посвященнаго въ тайный смыслъ, скрытый за внѣшними выраженіями, какъ то было потребно для постиженія священнхъ книгъ египетскихъ или греческихъ мистерій, гдѣ истина искусственно и намѣренно прикрывалась образами отъ глазъ непосвященныхъ. Нѣтъ! Смыслъ Писанія ясенъ и простъ и открытъ для всѣхъ, ибо вовсе не того требовало домостроительство Божіе. Мы уже видѣли это изъ приведенныхъ выше словъ Златоустаго. Уже и Климентъ Александрійскій указывалъ на это коренное отличіе христіанства отъ тайныхъ, іератическихъ ученій языческихъ. „Истина зиждется на открытыхъ изреченіяхъ пророковъ. Къ спасенію ведутъ Божественныя Писанія и мудрыя постановленія, лишеныя прикрасы, словесныхъ украшеній, суетловія и лести... Вѣра васъ вводитъ, Писаніе наставляетъ, говоря: „Придите, сыны мои, послушайте меня; страху Божію поучаю я васъ“. Кю

есть человекъ, желающій жизни, стремящійся видѣть дни благіе? Мы, отвѣчаемъ мы, почитаемъ добро, слѣдуемъ за добрыми. Слушайте же тѣ, что далеко; слушайте же и тѣ, что вблизи! Слово ни отъ кого не было скрываемо, но какъ всеобщій свѣтъ освѣщаетъ всѣхъ людей и никто для него не Кимеріецъ, т.-е. не отдаленный варваръ“. (Cohortatio ad gentes, с. VIII; Opera, Wircsburgi v. I, 127, 142).

Смыслъ Писанія вообще ясенъ, хотя есть въ немъ и нѣкоторыя мѣста, которыя на первое время могутъ оказаться темными. Но эти мѣста темны только въ своей отдѣльности. Писаніе во всей совокупности является естественнымъ истолкователемъ самого себя въ частности. „Что кажется спутаннымъ и темнымъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ боговдохновеннаго Писанія, объясняется изъ другихъ мѣстъ, гдѣ то же самое является яснымъ и открытымъ“, говоритъ Василій Великій (Ascetic. minor. Defenit., 367).

Итакъ, вѣрующіе выступаютъ на поприще церковное не безоружными и потому беспомощными, но во всеоружіи Слова Божія, являющагося для нихъ источникомъ и мѣриломъ вѣры, источникомъ и мѣриломъ истины. Пользованіе орудіемъ этимъ составляетъ не только неотъемлемое ихъ право, но и непремѣннѣйшую ихъ обязанность. Всѣ вѣрующіе должны по мѣрѣ силъ своихъ читать, изучать и изслѣдовать Писаніе, и такимъ образомъ вѣровать Христу, говорящему въ Церкви черезъ Писанія, не позволяя соблазнять себя даже и ангелу, сходящему съ неба, если онъ проповѣдуетъ чтолибо несогласное съ симъ открытымъ и яснымъ для всѣхъ благовѣствованіемъ. Еслибы всѣ исполняли и могли исполнять эту свою обязанность, то обязанность проповѣди и учительства значительно была бы ослабленною, по словамъ Златоуста. Но она является необходимою по нерадѣнію и легкомыслію вѣрующихъ, по нѣкому неображенію народа церковнаго. „Почему необходимъ проповѣдникъ? — говоритъ Златоустый. По беззаботности нашей (απο της ημετέρας ραδιφιας) необходимъ онъ. Въ чемъ же необходимость проповѣди? Все ясно и открыто изъ Св. Писанія“ (Бесѣда 36-я на 2 Феслоник.). Такимъ образомъ, всякій вѣрующій христіанинъ, обладая источникомъ и мѣриломъ истины, обязанъ всегда быть готовымъ отдать отчетъ въ вѣрѣ своей. „Нелѣпо было бы, говоритъ Златоустъ, еслибы врачъ, дѣлатель щитовъ и ткачъ могли бы бороться каждый за свое искусство, а христіанинъ не могъ бы отдавать отчета въ собственной вѣрѣ своей“ (Бесѣда 17-я на Еванг. Іоанна). „Все необходимое, чему могли бы научить мы тебя о душѣ, о тѣлѣ, о безсмертіи, о царствѣ небесномъ, о наказаніи, объ адѣ, о великодушіи Божіемъ, о прощеніи, о покаяніи, о крещеніи, объ оставленій грѣховъ, о твореніи низшемъ и вышемъ, о природѣ человекъ, объ ангелахъ, о злобѣ демонской, о всяческихъ козняхъ дьявола, о правомъ пути жизни, о догматахъ, о правой вѣрѣ, о различныхъ ересьяхъ — все это и многое еще другое необходимо христіанину знать и обо всемъ этомъ отдавать отчетъ вопрошающимъ“ (Златоустъ. Бесѣда 74. О крещеніи Господн.)

Но Св. Писаніе составляетъ только часть преданія церковнаго, хотя и несравненно значительнѣйшую его часть. Голосъ Христа въ церкви не исчерпывается всецѣло однимъ только Писаніемъ; сокровище, преданное церкви, не исчерпывается такимъ же точно образомъ всецѣло совокупностью одного только

Писанія. Не всякое слово Христа отмѣтилось и увѣковѣчилось письменами; не всякое поученіе апостоловъ выразилось и дошло до насъ въ формѣ письменнаго наставленія. Оттого-то еще и апостоль Павелъ убѣждалъ вѣрующіхъ хранить принятыя ими преданія. „Явно“, говоритъ Златоустъ: — „что апостолы не все передали черезъ посланія, но многое передавали и не письменнымъ путемъ. И то и другое заслуживаетъ вѣры. Такимъ образомъ, и преданіе церковное считаемъ мы достойнымъ вѣры. Таково преданіе — не пытай больше“ (Весѣда 4-я на 2-е Тессалон.). „Необходимо пользоваться и преданіемъ“, говоритъ Епифаній: — „ибо не все можетъ быть выведено изъ Писаній, такъ какъ одно передали намъ апостолы черезъ Писанія, а другое черезъ преданія“. „Сохраняемъ Церковью поученія и постановленія принимаемъ мы — первыя изъ Св. Писанія, а послѣднія, — какъ разсѣянные въ таинствахъ. И тѣ, и другія имѣютъ одинаковую силу для благочестія“ (Василій Великій—О Духъ Свят., гл. XXVI). Писанное и устное по происхожденію своему преданіе Церкви, т.-е. Писаніе и преданіе въ строгомъ смыслѣ слова не безразлично покрываютъ другъ друга, но перевѣсъ преданія надъ Писаніемъ почти не касается предметовъ вѣры и почти всецѣло сосредоточивается на предметахъ строя церковнаго и богослуженія. Однако, и догматическая, такъ сказать, сторона преданія не представляетъ изъ себя чего-либо совершенно чуждаго Писанію, а только указываетъ путь къ уясненію того же Писанія, освѣщаетъ неясныя намеки Писанія. Потому-то и требуетъ тотъ же Василій Великій, чтобы каждое слово и положеніе (*παρ ρημα καὶ πράγμα*) подтверждались свидѣтельствомъ боговдохновеннаго Писанія для удостовѣренія или полнаго убѣжденія вѣрныхъ и устыженія злыхъ“ (*Moralium Summa seu definitiones*, XXVI, cap. 1).

Но устное преданіе церковное было устнымъ только по самому происхожденію своему, какъ воспринятое апостолами изъ устъ Спасителя и устно же переданное ими непосредственно слѣдующимъ поколѣніямъ или церквямъ. Было, конечно, время, когда и все содержаніе новозавѣтнаго ученія было только такимъ же точно устнымъ преданіемъ; но съ появленіемъ канона новозавѣтнаго, одна часть преданія этого сдѣлалась Писаніемъ, а другая, какъ, по тѣмъ или другимъ причинамъ, не вошедшая въ Писаніе, не переставала оставаться устной. О происхожденіи первоисточника этого преданія говоритъ намъ — и то весьма неопредѣленно — ничтожный фрагментъ изъ утраченной книги Климента Александрійскаго, сохраненной для насъ въ видѣ выписки Евсеіемъ. „Іакову праведному, и Іоанну и Петру послѣ воскресенія передалъ Христосъ познаніе; они же передали прочимъ апостоламъ, а прочіе апостолы семидесяти, къ числу которыхъ принадлежалъ и Варнава“ (*Euseb., H. Eccl., II, 1*). Не включенное по тѣмъ или другимъ причинамъ въ Писаніе, устное преданіе это заключало въ себѣ, разумѣется, данныя историческія, догматическія, касающіяся ученія, и данныя, касающіяся грядущаго строя Церкви. Все это, разумѣется, не оставалось чуждымъ примѣненія, не сохранялось подъ спудомъ, но воплощалось въ зодчество церковномъ по примѣненію къ образованію ученія церковнаго и церковнаго строя. Такимъ образомъ, первоначальная Церковь воплотила въ себѣ и въ ученіи своемъ одну часть полученнаго ею преданія, какъ увѣковѣчила другую, большую и важнѣйшую въ Писаніи.

Впервые послѣ апостола Павла упоминаетъ Поликарпъ Смирнскій о „преданномъ намъ съизначала ученіи“, къ которому и уговариваетъ возвращаться всегда свою паству (Ер. ad Phil., cap. 7). Но каково бы ни было содержаніе устнаго преданія этого, ясно и несомнѣнно во всякомъ случаѣ то, что у Церкви никогда не было тайнаго преданія или тайнаго ученія, явнаго для однихъ и сокровеннаго для другихъ, хранимаго іерархіей и укрываемаго отъ народа. Такъ называемое нѣкоторыми „тайное ученіе“ — *disciplina arcani* — должно было сохраняться въ тайнѣ отъ невѣрующихъ, а не отъ вѣрующихъ. Въ Церкви не было привилегіи на обладаніе тайною, и о существованіи такихъ привилегій не сохранилось для насъ въ исторіи ни малѣйшихъ намековъ. Напротивъ, древнѣйшія же свидѣтельства доказываютъ намъ, что содержаніе преданія апостольскаго съ самаго начала дѣлалось достояніемъ всѣхъ вѣрующихъ, всей Церкви — всеобщимъ достояніемъ. Такъ Иринеи говоритъ объ „единой, истинной и животворной вѣрѣ, которую Церковь хранила отъ апостоловъ и распредѣлила сынамъ своимъ“ (*Adv. haeret. III Praef: Sola vera ac vivifica fides, quam ab apostolis Ecclesia percepit et distribuit filiis suis*). Онъ же говоритъ о специально-апостольскомъ преданіи. „Апостольское преданіе, обнародованное (проявленное) во всемъ мірѣ, слѣдуетъ принимать въ соображеніе въ каждой Церкви всѣмъ, желающимъ видѣть истинное“ (*Traditionem apostolorum, in toto mundo manifestatam, in omni ecclesia adest respicere omnibus, qui vera velint videre*. Ib., III, 1). Такимъ же точно образомъ говоритъ Тертуліанъ, что апостолы принятое ими отъ Христа ученіе „вѣрно передали народамъ“ (*fideliter nationibus adsignaverant. De praescription. haeticor., c. 6*). Въ другомъ мѣстѣ того же труда даетъ онъ намъ наглядное представленіе того, какъ апостолы передали принятое ими отъ Христа ученіе основаннымъ ими Церквямъ, отъ которыхъ оно переходило и къ другимъ, позднѣе возникшимъ (cap. 20). Такимъ образомъ, заключаетъ онъ, необходимо сообразоваться и сноситься съ этими первоначальными Церквями, ибо они исповѣдуютъ ученіе, принятое Церквями отъ апостоловъ, апостолами отъ Христа, а Христомъ отъ Бога (cap. 21). „Путемъ преемства“ (*per successioneis ordinem*), говоритъ Оригенъ: — „сохраняется Церковью благовѣствованіе, преданное отъ апостоловъ и до сего дня пребывающее въ Церквяхъ; только та истина должна быть предметомъ вѣры, которая ни въ чемъ не отдѣляется отъ церковнаго и апостольскаго образца“ (*Orig. de princ. prosem, 2*).

Само собою разумѣется, что не вошедшая въ Писаніе часть преданія апостольскаго сохранялась устно только на первыхъ порахъ. Она воплощалась исподволь въ церковный строй и церковные обычаи, проявлялась всею жизнедѣятельностью церковною, излагалась мимоходомъ въ писаніяхъ мужей апостольскихъ и непосредственно слѣдующихъ за ними писателей церковныхъ. Иначе и не могло быть, въ виду того, что преданіе это не заключало въ себѣ ничего, что должно было оставаться тайною. (Весьма вѣроятно, что значительная часть преданія этого получила себѣ выраженіе въ такъ называемыхъ „Постановленіяхъ апостольскихъ“, о которыхъ говоритъ 85 канонъ Св. Апостоловъ, причисляя ихъ къ канону священныхъ книгъ, и которыя,

по свидѣтельству втораго правила Трульскаго собора, достигли до насъ только съ прибавкою отъ еретиковъ „подложнаго и чуждаго благочестію“).

Преданіе, какъ присущее Церкви и принятое Церковью, есть, собственно говоря, самосознаніе Церкви, но не Церкви мѣстной, а Церкви повсюдной, вселенской, и не Церкви, какъ представительницы времени, а обнимающей и объединяющей въ своемъ сознаніи всю вереницу временъ и приходящей, такимъ образомъ, къ самому своему началу — къ первоисточнику истины. Но для того Церкви долженъ всегда быть присутъ ретрореспективный взглядъ, религиозное соединеніе себя съ стариною, понаскольку эта старина получила внѣшнее выраженіе въ словѣ и дѣлѣ. Въ церковныхъ спорахъ Церковь провѣряетъ свое самосознаніе черезъ провѣрку, т.-е. черезъ анализъ и синтезъ своего преданія. Такъ, напримѣръ, Никейскій Соборъ при составленіи Символа вѣры основывался на собранныхъ имъ Символахъ вѣры отдѣльныхъ церквей, сохраняющихся въ нихъ по преданію, и прежде всего на Символѣ вѣры Кесарійской Церкви, представленномъ Евсевіемъ, епископомъ Кесарійскимъ. Вообще, при изложеніи православнаго вѣроисповѣданія, отцы Никейскаго Собора, по свидѣтельству Афанасія, не выдумывали словъ сами собою, а писали на основаніи отеческихъ свидѣтельствъ, въ твердомъ убѣжденіи, что предшествовавшіе имъ отцы передавали не свою вѣру, но вѣру преданную церквамъ, которымъ они предстояли. Какъ видно, св. Афанасій разумѣетъ прежде всего Діонисія, епископа Римскаго, и Діонисія же, епископа Александрійскаго (Иоаннъ. Истор. Всел. Собор., I, 36). Такимъ же точно образомъ передъ Ефесскимъ Соборомъ Кириллъ Александрійскій приводитъ извлеченія изъ Афанасія Великаго, епископа Антиоха, Амфилохія Иконійскаго, Аммона Адрианопольскаго, Иоанна Златоустаго, Северіана епископа, Виталія, Теофила Александрійскаго, въ доказательство того, что вѣра, исповѣдуемая имъ въ противоположность новшествамъ Несторія, есть вѣра преданная, принятая отъ отцовъ (тамъ же, стр. 167). „Обратившись къ словамъ свв. Отцовъ“, пишетъ, между прочимъ, Кириллъ о Несторіи:— „постараемся принять ихъ за главное руководство и, испытывая самихъ себя: *еще есмь въ вѣрѣ*, наши собственные сужденія будемъ, сколь можно вѣрнѣе, соотносить съ ихъ вѣчными и непорочными мыслями“ (тамъ же, стр. 171). Чтобы уличить лжеученіе Несторія въ несогласіи съ преданіемъ церковнымъ, отцы собора Ефесскаго постановили прочесть извлеченія изъ блаженныхъ отцовъ епископовъ и мучениковъ, имѣвшихъ отношеніе къ главному предмету изслѣдованія: прочитали извлеченія изъ книги св. Петра Александрійскаго, Афанасія Великаго, Юлія, папы Римскаго, св. Феликса, папы Римскаго, Теофила Александрійскаго, Кипріана Карфагенскаго, Амвросія Медиоланскаго, Григорія Богослова, Василия Кесарійскаго, Григорія Нисскаго, Атика Константинопольскаго, Амфилохія Иконійскаго изъ которыхъ ни одинъ не былъ современникомъ собора, но всѣ были представителями сравнительной старины и при томъ принадлежали разнымъ временамъ и разнымъ народамъ. Съ этими извлеченіями отцы собора нашли нужнымъ, какъ съ преданіемъ церковнымъ, сопоставить извлеченія изъ сочиненій Несторія (тамъ же, стр. 201). Не иначе поступали и иные соборы. Отцы соборовъ не изъ себя и не отъ себя извлекали и проявляли содержаніе пре-

данія церковнаго, но черпали его изъ памятниковъ словесной жизнедѣятельности Церкви, изъ писаній предшествовавшихъ отцовъ. Такъ, на Соборѣ шестомъ Вселенскомъ читаны были, для разъясненія и уясненія, преданія, извлеченія изъ Льва, Амвросія, Аванасія, Златоуста, Григорія Нисскаго Григорія Богослова, Епифанія Кипрскаго, Августина и др. (*Лебедевъ. Исторія Всел. Соборовъ*, II, стр. 201). Такимъ же точно образомъ, въ основѣ разсужденія пятаго Собора о трехъ главахъ, лежалъ громадный, тщательно подобранный, историческій матеріалъ, какъ писанное преданіе (тамъ же, стр. 146). Еще болѣе обширный подборъ писаннаго матеріала разсматривался въ качествѣ преданія отцами седьмого Вселенскаго Собора противъ иконоборцевъ (тамъ же, стр. 291). Соборныя постановленія, въ виду всего вышеизложеннаго, являлись, такимъ образомъ, какъ бы краткимъ сводомъ и изложеніемъ догматическаго преданія церковнаго, разъясненнаго до того времени въ писанныхъ же памятникахъ церковнаго учительства, въ писаніяхъ и произведеніяхъ отцовъ.

Но и сами отцы Церкви, являющіеся для соборовъ представителями и памятниками преданія, говорили не отъ себя, а отъ преданія же, понаскольку оно получило уже словесное выраженіе, выразилось въ словесной жизнедѣятельности церковной. Мы уже видѣли, что Кириллъ Александрійскій основывалъ свое вѣроисповѣданіе на свидѣльствахъ и писаніяхъ предшествовавшихъ ему отцовъ. Подобнымъ же образомъ и Руфинъ, восхваляя Григорія Назіанзина и Василія Великаго, свидѣтельствуетъ о нихъ: „Однимъ только книгамъ божественнаго Писанія прилежали они и разумѣніе ихъ почерпали не изъ собственнаго предположенія (*praesumptione*), но изъ писаній и авторитета древнихъ, каковое правило постиженія заимствовали и они отъ апостольскаго преемства“ (*Histor. Eccl.*, II, с. 9). Съ замѣчательною ясностью излагаетъ воззрѣнія Церкви своего времени (V столѣтія) на преданія Винкентій Леринейскій въ своемъ классическомъ „*Commonitorium*“. Указавъ, что Церковь для отлеченія ученія своего отъ ученія еретиковъ имѣетъ источниками преданіе и Писаніе и что Писаніе часто должно истолковываться еретиками и что потому надо держаться толкованія церковнаго, т.-е. преданія, Винкентій Леринейскій продолжаетъ: „Въ самой Церкви каеволической тщательно слѣдуетъ заботиться о томъ, чтобы держали мы то, что повсюду, что всегда, что для всѣхъ было предметомъ вѣры. Истинно и собственно каеволическимъ, какъ видно и изъ самаго слова, слѣдуетъ почитать то, что обнимаетъ всѣхъ вообще. Но это достигается только тогда, когда мы преслѣдуемъ всеобщность, древность и согласіе. Преслѣдуемъ же мы всеобщность, когда ту только вѣру почитаемъ истинною, которую исповѣдуетъ вся Церковь на пространствѣ земнаго міра. Мы слѣдуемъ древности, если не отступаемъ нисколько отъ тѣхъ убѣжденій, исповѣданіе которыхъ святыми предками и отцами нашими явно для насъ. Мы слѣдуемъ согласію, если и изъ самой древности принимаемъ къ руководствованію опредѣленія всѣхъ или почти всѣхъ пастырей и учителей“ (*Hoc est enim vere proprioque catholicum, quod ipse vis nominis ratioque declarat quae omnia. fere universaliter comprehendit. Sed hoc ita demum fiet, si sequamur universitatem, antiquitatem, consensionem. Sequemur autem universitatem hoc modo, si hanc unam fidem veram esse fateamur,*

quam tota per orbem terrarum confitetur Ecclesia: antiquitatem vero ita, si ab his sensibus nullatenus recedamus, quos sanctos majores ac patres nostros celebrasse *manifestum est*: consensionem quoque itidem, si in ipsa vetustate omnium vel certe pene omnium sacerdotum pariter et magistrorum definitiones sententiasque sectemur. Commonitorium, с. II).

Изъ всего выше нами сказаннаго, слѣдуетъ съ совершенною очевидностью, что содержаніе преданія устанавливалось въ Церкви, въ случаѣ надобности, не анализомъ сознанія современной разслѣдованію іерархіи, но разсмотрѣніемъ открытаго, явнаго проявленія его въ жизнѣдѣтельности церковной черезъ согласованіе древнихъ отцовъ и учителей Церкви, въ которой нѣтъ преданія тайнаго, но есть только преданіе явное или, точнѣе, явленное, проявленное (*manifestata*). Такимъ-то именно образомъ 19-е правило Трульскаго Собора предписываетъ предстоятелямъ церквей руководствоваться не присущимъ имъ чужніемъ преданія (каковой присущности Церковь, разумѣется, и не знаетъ), а „преданіемъ богоносныхъ отецъ“, т.-е. тѣмъ, „какъ изложили свѣтила и учителя Церкви въ своихъ писаніяхъ“. Прибавимъ къ сему, что первое правило того же Трульскаго Собора предписываетъ: „хранити неприкосновенну нововведеніямъ и измѣненіямъ вѣру, преданную намъ отъ самовидцевъ и служителей Слова, Богоизбранныхъ Апостоловъ, еще же и утвержденную всеми бывшими ранѣе шестью соборами“, догматическія постановленія которыхъ подробно и исчисляются. Исчисливъ догматическія постановленія предшествовавшихъ соборовъ, отцы Трульскаго Собора, въ заключеніе того же правила, присовокупляютъ: „Кратко рещи постановляемъ да вѣра въ Церкви Божіей прославившихся мужей, которые были свѣтилми въ мірѣ, содеража слово жизни, соблюдается твердою и да пребываетъ до скончанія вѣка непоколебимою вкупѣ съ богопреданными ихъ *писаніями* и догматами... Мы же“, свидѣтельствуютъ о себѣ отцы Трульскаго Собора:—сообразно съ тѣмъ, что опредѣлено прежде, совершенно рѣшили, ниже прибавляти что-либо, ниже убавляти“.

Итакъ, представители іерархіи, способные въ изъясненіяхъ Св. Писанія заблуждаться и уклоняться отъ достодожднаго, какъ свидѣтельствуетъ явно 19-е правило Трульскаго Собора, имѣють внѣшнее для нихъ мѣрило ученія православнаго въ преданіи, какъ оно выразилось въ писаніяхъ Отцовъ Церкви и догматическихъ постановленіяхъ Вселенскихъ, признанныхъ Церковью, Соборовъ. Но какъ писанія Отцовъ Церкви, такъ и постановленія Соборовъ предназначались не для одной только іерархіи и не составляли ея исключительнаго достоянія. Они составляли открытые для всехъ сокровища. Многія изъ писаній этихъ и при томъ въ высшей степени важныя по своему содержанію, какъ толкованія Св. Писанія, излагались предварительно въ видѣ бесѣдъ и поученій къ народу. Такимъ же точно образомъ и постановленія Соборовъ всегда обнародывались, дабы составлять достояніе всей Церкви и быть признанными всей Церковью. Приведемъ одно только доказательство. „Отнынѣ, пишетъ Левъ Великій тотчасъ послѣ заключенія Халкидонскаго Собора, нѣтъ болѣе мѣста темнотѣ и невѣжеству. Многочисленный Соборъ, нарочно собранный, отринул нововведенія и не только епископы, но и князья, сановники, все клирики, народы и различные классы признають, что въ

томъ дѣйствительно состоятъ апостольская и католическая вѣра“ (Epist., LXXVII).

Итакъ, какъ совокупность всего нами до сего времени изложеннаго явствуетъ, что всякій вѣрующій, по самой природѣ преданія, можетъ точно также быть причастенъ ему, какъ можетъ онъ быть причастенъ и Писанію, можетъ точно также изучать и изслѣдовать преданіе, какъ можетъ и долженъ онъ изучать и изслѣдовать Писаніе. Исторія Церкви представляетъ намъ не мало примѣровъ того, что міряне именно за свои незнанія въ Писаніи о преданіи, необходимыя для борьбы съ иноученіемъ, въ трудныя для Церкви времена, сразу поставлялись на кафедры епископскія. Чтобы не быть голословными, укажемъ напримѣръ на Амвросія Медиоланскаго, Евсевія Дорилейскаго, современника Несторія, Тарасія Константинопольскаго, призваннаго и хиронитописаннаго для борьбы съ иконоборчествомъ и наконецъ на знаменитаго познаніями своими Фотія патріарха. Наряду съ этимъ изъ того же изложенія нашего слѣдуетъ съ полною очевидностью, что въ виду возможности, какъ для вѣрующихъ вообще, такъ и для представителей іерархіи „уклоняться отъ достодолжнаго“ и впадать въ заблужденія, для тѣхъ, равно какъ и для другихъ, существовалъ одинъ и тотъ же критерій истинности, православности и церковности ученія, одно и то же мѣрило — Писаніе, пополняемое и поясняемое преданіемъ.

Чему же, такимъ образомъ, долженъ вѣрить христіанинъ, кто бы онъ ни былъ — мірянинъ или клирикъ? Церковь даетъ намъ точную норму для отличенія истиннаго ея ученія отъ всякихъ другихъ, не ей принадлежащихъ, приведенными уже нами классическими словами Винкентія Леринейскаго: *quod semper, quod ubique, quod ab omnibus creditum est*. За этою общею нормою церковности ученія идетъ и конкретное ея выраженіе. Вѣра опредѣляется Св. Писаніемъ и преданіемъ, понаскольку оно выразилось въ жизнедѣятельности церковной черезъ постановленія, признанныя Церковью Вселенскихъ Соборовъ и признанныхъ ею же Отцовъ и учителей. Мѣра истины открыта такимъ образомъ для каждаго вѣрующаго христіанина, если только онъ хочетъ пользоваться ею. На мѣсто этой церковной нормы г. Тихомировъ отъ себя уже предлагаетъ другую: *quod nunc, quod hic, quod a clericis hodiernis creditum est*. Таковъ смыслъ его требованія, чтобы всѣ отправлялись на выучку къ духовенству, знающему вѣру и упражняли бы и культивировали бы вѣру свою скромнымъ послѣдованіемъ и подчиненіемъ. Но вѣдь, если бы въ этомъ заключалось воспитаніе и культивированіе вѣры, если бы таковъ былъ требуемый и узаконенный Церковью строй и порядокъ, то вѣдь такимъ образомъ всякій вѣрующій мірянинъ временъ напр. Льва Исаврянина или Константина Копронима долженъ былъ бы черезъ поученіе непремѣнно быть иконоборцемъ, во времена Константинопольскихъ патріарховъ-моноэлитовъ — моноэлитомъ, а при одновременномъ отступленіи 400 западныхъ епископовъ на соборѣ Риминійскомъ и 200 восточныхъ на соборѣ Селевкійскомъ, подписавшихъ аріанское исповѣданіе вѣры, сочиненное императоромъ Констанціемъ, необходимо долженъ былъ бы аріанствовать. Явно, что Церковь не требуетъ ни такого подчиненія, ни такой безогчетной и слѣпой вѣры, какихъ требуетъ г. Тихомировъ. Ска-

жутъ: уклоняйся отъ „духовенства“ еретическаго, хотя бы и канонически поставленнаго, но слѣпо вѣрь духовенству православному. Но вѣдь шестьсотъ отцовъ на соборахъ Селевкійскомъ и Римнѣйскомъ осудили ученіе Аѳанасія и онъ долженъ былъ бы почитаться еретикомъ, если бы у Церкви не было другаго мѣрила истины и православія, кромѣ согласія іерархіи. Такимъ же точно образомъ и Несторій до окончательнаго изложенія его Ефесскимъ соборомъ долженъ былъ бы почитаться епископомъ православнымъ, ибо значительная часть іерархіи еще считала Кирилла Александрійскаго неправымъ и даже еретикомъ. Но если представители іерархіи могутъ соблазниться ересью и становиться даже ересеначальниками, то еще болѣе могутъ заблуждаться они и уклоняться отъ достоуднаго въ менѣ существенномъ или по крайней мѣрѣ менѣ замѣтномъ. И постановленіе Трульскаго Собора прямо и открыто не признаетъ ихъ непогрѣшимыми.

Въ виду всего вышеизложеннаго вѣра „духовенству“, клиру или іерархіи не можетъ быть настолько слѣпою и безотчетною, какъ того требуетъ г. Тихомировъ. Но, во-первыхъ, Церковь не „духовенство“, не клиръ и не іерархія, а полнота вѣрующихъ, скрѣпленная іерархіей, какъ вышнимъ мѣриломъ исторической преемственности. Церковь не голова, руки или ноги, а все тѣло. „Что же есть тѣло“ - спрашиваетъ Златоустъ, поясняя соответствующее мѣсто посланія къ Ефесянамъ, и затѣмъ тотчасъ же отвѣчаетъ: „все повсюду въ мірѣ вѣрующіе, которые были суть или будутъ. Церковь есть ни что иное, какъ изъ душъ нашихъ построенный домъ (Всѣда X, на послан. къ Ефесянамъ). Церковь есть народъ, соединенный съ своимъ епископомъ (Киприанъ Карфагенскій), Церковь есть нѣкоторая форма справедливости, общее право всехъ; сообща она молится, сообща работаетъ, сообща испытуется“ (Амвросій Медіоланскій). Во-вторыхъ, Церковь не тождественна съ даннымъ какимъ-либо проявленіемъ ея во времени, не ограничена настоящимъ, но связана со всемъ прошлымъ черезъ преданіе и съ будущимъ надеждою. Общеніе вѣрующаго съ Церковью касается не одного только ея настоящаго, какъ даннаго ея положенія, но и всего ея прошлаго черезъ преданіе, для всехъ доступное и для всехъ открытое, а отнюдь не составляющее іеретическую привилегію. Въ Церкви нѣтъ посвященныхъ и непосвященныхъ, какъ въ языческихъ таинствахъ или составленныхъ въ подражаніе имъ масонскихъ ложахъ. Всякій вѣрующій можетъ и долженъ по мѣрѣ возможности сопоставлять проповѣдуемое ему ученіе съ полнотою преданія церковнаго, а потому безотчетное, слѣпое довѣріе „духовенству“, іерархіи, клиру, догматическое равнодушіе и невмѣшательство Церковью осуждается, а не поощряется. Церковь, говоря другими словами, признаетъ и проповѣдуетъ необходимость свободнаго разсмотрѣнія, но разсмотрѣнія не съ точки зрѣнія собственнаго своего, одинокаго ума или собственнаго одинокаго чувства, а съ точки зрѣнія преданія церковнаго и Писанія, для всехъ открытыхъ и для всехъ доступныхъ.

VI.

Провозвѣстникъ и основатель новаго, имъ самимъ сочиненнаго православія г. Тихомировъ требуетъ отъ вѣрующаго, чтобы онъ не дерзалъ такъ или иначе помышлять о какомъ бы то ни было воздѣйствіи на Церковь, а скромно подчинялъ себя ея руководительству въ лицѣ „духовенства“, которому ввѣрено наученіе, отдавался ему на выучку, и тѣмъ воспитывалъ бы и культивировалъ въ себѣ вѣру свою. „Для возстановленія правильнаго развитія, говоритъ онъ, нашему обществу необходимо *воспитаніе чувства вѣры* и стало быть отрѣшеніе отъ умствованій, отъ глубоко ошибочной привычки разсудкомъ, *самочинно* искать религіозной истины. Первый актъ стремленія *къ культурѣ чувства вѣры есть скромное* обращеніе за наученіемъ туда, гдѣ Богу угодно было самому показать себя, т.-е. въ Церковь, къ духовенству, которому ввѣрено наученіе“.

Итакъ, первый шагъ къ истинѣ, къ воспитанію и культивированію чувства *вѣры* есть скромное обращеніе къ духовенству вѣлѣдствіе полного и безусловнаго къ нему *довѣрія*.

Не на довѣрїи зиждется вѣра, по словамъ Апостоловъ. Они требуютъ контроля надъ всякимъ преподаваемымъ ученіемъ. „И пророки пусть говорятъ двое или трое, а *прочіе пусть разсуждаютъ*“ (1 Кор., XVI, 29). Я по данной мнѣ отъ Бога благодати, какъ мудрый строитель положилъ основаніе, а другой строить на немъ, но *каждый смотри какъ строитъ* (1-е Кор., III, 10). „Возлюбленные! Не всякому духу вѣрйте, но испытывайте духовъ, отъ Бога ли они, потому что много лжепророковъ появилось въ мірѣ!“ (1-е Иоанн., IV°) „Все испытывайте, хорошаго держитесь“. (1-е Фесс., V°, 21).

Итакъ не скромности и подчиненія, какъ средствъ къ культивированію и воспитанію чувства вѣры требуютъ Апостолы, а осторожности, разсмотрѣнія, испытанія, т.-е. всякой вообще самочинности въ дѣлѣ вѣры. Это и понятно, ибо средства для провѣрки и испытанія ученія находятся у вѣрующаго подъ рукою въ видѣ Писанія и преданія церковнаго. Но скажутъ, можетъ быть, такая осторожность и бдительность требуется по отношенію къ „самовольнымъ пророкамъ“, къ „непризваннымъ учителямъ“. Поставленные, окредитованные учителя должны пользоваться полнымъ довѣріемъ, полною праша на довѣріе, къ нимъ подобаешь относиться съ скромностью и довѣріемъ и смѣло отдавать себя имъ на выучку.

Такой взглядъ на вѣру, такія требованія живо и характеристично изображаетъ намъ Аванасій Великій, но только *какъ точку зрѣнія и требованіе еретиковъ*. Прислушаемся къ словамъ его.

„Въ настоящее время ересь произвела на свѣтъ желаніе нечестія, подчинила себѣ блуждающія въ другихъ злыя стремленія, породила многообразное зло самозданнаго нововведенія и, чтобы веѣ слѣдовали единству, властно требуетъ повиновенія. Принимайте, говоритъ она, просто проповѣдуемое, пусть никто изъ васъ не изслѣдуетъ, что въ немъ подходящее и что не подходящее. *Вѣрою называетъ онъ неиспытанное одобреніе нетвердаго и*

недоказаннаго. Буду ли вѣрить я безъ всякихъ основаній, не изслѣдуя возможности, полезности, пристойности, угодности Богу или соответствованія природѣ, согласованія съ истиной, цѣлесообразности, не справляясь объ отношеніяхъ къ таинству и благочестію? Какая можетъ быть мнѣ отъ этого польза? Какой плодъ можетъ принести такая вѣра духу, ничего не принимающему въ расчетъ... Такова одна причина заблужденія противниковъ и бѣдствія всѣхъ. Кто изъ всѣхъ, исповѣдующихъ себя врагами католической Церкви, не требуетъ, чтобы слова его принимались на вѣру безъ всякаго разсужденія? Онъ отвергаетъ разсмотрѣніе, чтобы не быть обличеннымъ въ заблужденіи (*Adversus eos qui volunt simpliciter iis, quae dicuntur, credendum esse, nec considerandum quod conveniat, aut non conveniat*).

Слѣпая, безотчетная вѣра, вѣра безъ разсмотрѣнія и разсужденія, тщету и несостоятельность которой разоблачаетъ Аѳанасій Великій, есть именно та вѣра, которую рекомендуетъ г. Тихомировъ, ставя православное духовенство на мѣсто тѣхъ еретиковъ, о которыхъ говоритъ Аѳанасій Великій и которые именно такой вѣры въ свое наученіе и такого довѣрія къ себѣ, какъ учащимъ, и требовали. Какъ ересеначальники, они и не могли требовать другой вѣры, кромѣ слѣпой.

Не таково по Великому Аѳанасію возрѣніе на вѣру Церкви православной, а потому и возрѣніе ея на отношенія учащихся къ учащимъ, слушателей къ проповѣдующимъ. „Осужденію подлежитъ дерзость тѣхъ, которые почитаютъ изученіе Св. Писанія излишнимъ, частію потому, что каждый удовлетворяется вѣрою, которую имѣетъ, частію же потому, что разслѣдованіе можетъ помрачить, якобы, для насъ предметы. Мы же, полагаясь и на истинность самаго таинства и на помощь Того, кто справедливѣйшимъ образомъ оказалъ: *ищущій обрящетъ*, и ищемъ, какъ подобаетъ, и находимъ, что подобаетъ, и говоримъ доказательно и съ произволеніемъ слушаемъ, чтобы и домашнихъ убѣждать и противниковъ отвергать и себя самихъ обогащать черезъ изслѣдованіе, приобрѣтая не шаткое познаніе. Если я оставляю Писаніе—откуда познаніе. Если оставляю познаніе—откуда вѣра. Павелъ говоритъ: „Еслибы не услышали, какъ бы увѣровали?“ И въ другомъ мѣстѣ: „вѣра отъ слышанія, слышаніе же отъ слова Божія. Отъклоняющій слово, заграждаетъ слышаніе, изгоняетъ слово“ (*Athanasii. Adversus eos qui nec querendum nec loquendam ex Scriptura praecipiant*).

„О святыхъ и божественныхъ таинствахъ вѣры, говоритъ, обращаешь къ оглашеннымъ, Кириллъ Іерусалимскій, не слѣдуетъ передавать ничего помимо божественныхъ Писаній, довольствуясь простою вѣроятностью или изяществомъ рѣчи. Не вѣрь напросто мнѣ говорящему, пока не получишь доказательства отъ Писанія (*Catechesis, IV*). Не довѣрай моимъ изложеніямъ — возможное дѣло, что ты обманешься — пока обо всемъ не получишь свидѣтельства отъ пророковъ, не вѣрь тому, что говорю я... Не принимай свидѣтельства челоуѣка (*Catechesis XII*). Не приложи и не слѣдуй этому, что теперь совершается, но тому, что написано, дабы, если я, учащій тебя, погибну, не погибъ ты вмѣстѣ со мною: можетъ и ученикъ стать лучше учителя“ (*Catechesis, XV*).

Отсюда можемъ мы уже перейти къ слѣдующему правилу Василія Великаго: „Должны слушатели, обученные Св. Писанію, тщательно испытывать говоримое учителемъ и то, что съ Писаніемъ согласно принимать, остальное же отвергать, а тѣхъ, кто такому ученію прилежитъ ревностно избѣгать“ (Moral. Defenition, 72). „Всякій человѣкъ, принявшій отъ Бога способность различенія, говоритъ Аѳанасій Великій, присуждаетъ себя къ наказанію, если слѣдуетъ невѣжественному пастырю и ложное ученіе (falsam sententionem) принимаетъ за истинное: какое общеніе между свѣтомъ и тьмою?“ (Montfaucon, Nova Collectio Patr., II, p. 105). Къ этимъ столь высоко авторитетнымъ свидѣтельствамъ Аѳанасія и Василія Великаго прибавимъ еще свидѣтельство такъ называемыхъ „Апостольскихъ Постановленій“. „Овцы (стада церковнаго)— разумные овцы (λογικα), а не неразумные (αλογα). Да не говоритъ никогда мірянинъ: „я овца, а не пастырь; я не отдаю себѣ отчета; пусть смотритъ пастырь; онъ одинъ понесетъ за меня наказаніе“. Если овца, неслѣдующая за добрымъ пастыремъ, выставлена на свою погибель волкамъ, то овца, слѣдующая злему пастырю, имѣетъ передъ собою смерть“ (Lib. II, с. 12).

Вотъ еще въ заключеніе одно изъ такъ называемыхъ правилъ Василія Великаго: „Изъ повелѣній, которые могутъ быть намъ сдѣланы, говоритъ онъ, одни противны закону Божію, а другіе—согласны съ ними. Въ виду этого не позабудемъ того, что говоритъ Апостоль: „Все испытывайте, хорошаго держитесь; удерживайтесь отъ всякаго рода зла“ (1-е Есс., V, 21, 22). Слѣдовательно, если то, что предписывается намъ, предписывается и закономъ Божіимъ, мы должны тщательно и усердно исполнять, въ убѣжденіи, что такова воля Божія, какъ написано: „снисходя другъ къ другу любовью“ (Ефесс., IV, 2). Но если намъ предписано будетъ совершить что-нибудь, противное заповѣди Христа, надо говорить въ этомъ случаѣ: „справедливо ли предъ Богомъ слушать васъ болѣе нежели Бога.“ Надо вспоминать въ этомъ случаѣ слова нашего Господа: „овцы не слѣдуютъ за чужимъ, но бѣгутъ отъ него, потому что не знаютъ чужаго голоса“. Наконецъ слѣдуетъ вспоминать въ этихъ случаяхъ смѣлость, съ которою Апостоль Павелъ не шадитъ самихъ ангеловъ, говоря: „Еслибы даже мы или Ангелъ съ неба сталъ благовѣствовать вамъ не то, что мы благовѣствовали вамъ, да будетъ анаѳема“ (Гал. I, 8). Этимъ уясняется намъ, что, какъ бы родствененъ и близокъ или какъ бы знаменитъ ни былъ самъ по себѣ человѣкъ, воспреещающій намъ исполнять то, что Богъ предписалъ намъ, или предписывающій дѣлать то, что Богъ запретилъ намъ, всѣ имѣющіе любовь къ Іисусу Христу должны бѣжать его и имѣть къ нему отвращеніе (Правило 114).

Достоинъ замѣчанія, что, ссылаясь на текстъ: „все испытывайте; хорошаго держитесь“, Отцы Церкви въ значительномъ числѣ случаевъ дѣлаютъ къ нему приставку: „подобно доброму торжнику“ (τραπέζιτης значитъ собственно мѣняла, банкиръ). Кромѣ того, слова эти не всегда приписываются апостолу Павлу, но иногда выставляются и словами самого Христа. Какъ мѣняла отличается хорошую монету отъ дурной и поддѣльной, такъ и каждый христіанинъ долженъ отличать истинное ученіе отъ ложнаго. „Богъ, говоритъ напр. въ наставленіи инокамъ Кесарій, запечатлѣвая слова своихъ служителей, вѣ-

щаетъ въ Евангеліяхъ: „Станьте опытными торговцами, отличая чистое отъ поддѣльнаго (*Γινεσθε τραπεζίται, δοκιμοί, διακρινόντες εκ του δοκιμου το κερδηλον* — испытанное отъ сомнительнаго), не довольствуясь подобно мѣняламъ испытаніемъ только звука, но и взвѣшивая слѣдствія говоримаго, и послѣдствія дѣяній, пользуясь для того точными вѣсами“ (*Suicer ad voc. τραπεζίτης*). Такимъ же точно образомъ и Климентъ Александрійскій говоритъ: „И священное Писаніе не желаетъ существованія такихъ діалектиковъ, увѣщевая: станьте добрыми торжниками, все испытывая и удерживая доброе“. Подъ истинною діалектикою подразумѣваетъ онъ въ данномъ случаѣ способность разсмотрѣнія и различенія и ее то именно почитаетъ требуемою приводимымъ выше текстомъ Писанія (*Stromat., I, 28 Ed. Wirsburgic*). Въ такомъ же смыслѣ приводятъ текстъ этотъ Василій Великій, Афанасій Великій, Амвросій Медиоланскій и др. (*Suicer, 3. v.*). Прямо къ обязанности различенія праваго и неправаго ученія многократно примѣняетъ текстъ этотъ Кириллъ Александрійскій — обличитель ересей и заблужденій канонической іерархіи: „Слушателямъ божественныхъ тайнъ подобаешь быть мудрыми, подобаешь быть опытными торжниками, чтобы отличать истинную монету отъ поддѣльной,“ (*Cyryllus Alexandr. Lib. IV, c. 3; In Iohannem, p. 374 Ed. Paris. 1638*). Необходимо пояснить, что въ данномъ случаѣ, какъ и зачастую Кириллъ Александрійскій подъ тайною (*μυστηριον*) подразумѣваетъ не что иное, какъ проповѣдуемое ученіе Христа, проповѣдь спасенія — „тайну, сокрытую отъ вѣковъ и родовъ, нынѣ же открытую святымъ Его“ (*Колосс., I, 25*), подобно тому, какъ употребляютъ это слово въ томъ же смыслѣ Григорій Нисскій и многіе другіе отцы, примѣняясь къ тому значенію, которое придаетъ этому слову Апостоль Павелъ (1-е Кор. I, 7 и Колосс., I, 26; IV, 3). Теофилактъ Болгарскій въ толкованіи на первое изъ этихъ мѣстъ говоритъ: „Тайною называетъ онъ проповѣдь Христа“ (*Μυστηριον καλυ το χατοι Χριστου κηρυγμα*). Теодоритъ, толкуя Колосс. I, 26, поясняетъ: „тайною называетъ онъ проповѣдь домостроительства“. Итакъ, по словамъ Кирилла Александрійскаго, вѣрующіе должны съ разсмотрѣніемъ и бдительностью слушать проповѣдуемое имъ ученіе Христово. „Слушатель благоразумный, говоритъ въ другомъ мѣстѣ тотъ же учитель, пріемлетъ все, что по природѣ можетъ быть таковымъ“. Такъ говоритъ и блаженный Павелъ: „Будьте благоразумными торжниками, все испытывайте, добраго держитесь и удерживайтесь отъ всякаго рода зла“ (*In cap. III Iesaias, pag. 56*). И прямо указывая на проповѣдь еще не осужденнаго и не низложеннаго Несторія, патриарха Константинопольскаго, тотъ же Кириллъ Александрійскій говоритъ: „Къ сему-то и увѣщеваетъ насъ блаженный Апостоль Павелъ, говоря: будьте опытными торжниками: все испытывайте, добраго держитесь, отъ всякаго рода зла удерживайтесь“ (*Adversus Nestorium, pag. 2*).

Изъ многочисленныхъ свидѣтельствъ, выше нами приведенныхъ, слѣдуетъ съ полною очевидностію, что только ересь, по самой природѣ своей, требуетъ пассивнаго подчиненія духовенству, преданія себя на выучку ему, ибо оно знаетъ вѣру, какъ того желаетъ и г. Тихомировъ, ратуя за отличительную черту и основное свойство ереси, тогда какъ православная Церковь приглашаетъ вѣрующихъ къ самостоятельности духовной, къ самостоятельному изученію

и изслѣдованію источниковъ вѣры Писанія и преданія, и внушаетъ имъ необходимость бдительно, критически относиться къ предлагаемому имъ ученію, кто бы ни былъ предлагающій, указывая возможность ученику заблудиться вмѣстѣ съ учителемъ, равно какъ и на возможность для ученика и быть и становиться выше учителя (такъ говорить, между прочимъ, приведенный нами выше Кириллъ Іерусалимскій). Православіе требуетъ отъ вѣрующаго разсмотрѣнія и разслѣдованія предлагаемаго ему ученія, ибо источники вѣры, источники ученія открыты ему.

Пояснимъ все вышесказанное однимъ въ высшей степени знаменательнымъ и поучительнымъ примѣромъ.

Халкидонскій Вселенскій Соборъ, въ лицѣ болѣе чѣмъ шестисотъ епископовъ, осудилъ ересь Евтихія, но еще Соборъ этотъ не былъ безусловно признанъ всею Церковью, ибо монахи, послѣдователи Евтихія, громко вопіяли тамъ и здѣсь, что Соборъ несторіанствуетъ. И вотъ императору Маркіану приходитъ мысль заручиться признаніемъ Собора со стороны нѣкоего отшельника Авксентія, удалившагося отъ міра, но не принадлежащаго ни къ какому монастырю, не имѣющаго священства, которое получилъ онъ гораздо позднѣе, и такъ сказать вольно-спасающагося въ недалекомъ разстояніи отъ Халкидона, пользуясь великою славой въ народѣ. Можетъ быть боязнь, чтобы этотъ столь популярный человѣкъ не сталъ на сторону поддерживаемой множествомъ монашествующихъ ереси и побудила императора послать за нимъ и побудить его высказаться въ пользу Собора. Но святой отшельникъ не пошелъ добровольно на зовъ императора и его пришлось привлечь въ Халкидонъ силою. Императоръ просилъ его признать Халкидонскій Соборъ, дабы не подавать повода къ толкамъ и церковному скандалу, но Авксентій отговорился своимъ недоуменствомъ. На слѣдующій день онъ былъ снова призванъ къ императору и снова получилъ то же приглашеніе, но должно быть уже былъ предубѣжденъ кѣмъ-то противъ постановленій Собора. „Какъ я могу признать Соборъ, если онъ неправо думаетъ о Матери Божіей“, т.-е. несторіанствуетъ. Императоръ старался убѣдить отшельника въ истинѣ и православности намѣреній Собора. „Если Соборъ, отвѣчалъ Авксентій, не постановилъ ничего противнаго Собору Никейскому, если онъ признаетъ, что Господь нашъ Іисусъ Христосъ дѣйствительно воплотился и Пресвятая Дѣва есть дѣйствительно Богородица (а не Христородица, какъ выражались несторіане), я соглашусь съ нимъ и возславлю за него Бога“. Императоръ повелѣлъ отвести св. Аксентія въ соборную церковь и тамъ показать ему Дѣянія Собора. Медленно и внимательно прочелъ Авксентій всѣ Собранныя Дѣянія и только тогда объявилъ, что подчиняется всѣмъ соборнымъ постановленіямъ. Все это сообщаетъ древнѣйшій жизнеописатель святого, изданный въ знаменитомъ собраніи братьевъ Волаидстовъ (*Les vies des Peres des déserts d'Orient par Michel-Ange Marin de l'ordre des Minimes. Avignon. 1764, p. 376—378*).

Какъ объяснить все это съ точки зрѣнія г. Тихомирова? Отшельникъ отъ міра, непризнанный еще святымъ, не имѣющій еще ни священства, ни другаго какого церковнаго сана, не причисленный еще къ клиру, недавно еще второстепенный константинопольскій чиновникъ, даже никѣмъ еще не

признанный за монаха, съ нашей, строго канонической точки зрѣнія, рѣшается признать постановленія болѣе чѣмъ шестисотъ каноническихъ епископовъ, со- званныхъ на совершенно законный по формѣ Вселенскій Соборъ только въ томъ случаѣ, если, по учиненномъ тщательномъ разсмотрѣннн, самъ, въ силу собственного своего убѣжденія найдетъ ихъ соответствующими православію и постановленіямъ предшествующихъ, признанныхъ уже Церковью Соборовъ. Гдѣ же дисциплина, о которой такъ радѣеть г. Тихомировъ и которую почитаетъ онъ примѣнимой и необходимою даже въ дѣлѣ вѣры? И, однако, этотъ упор- ный, этотъ самочинно-надменный, этотъ непокорный отшельникъ православною Церковью признается святымъ и только послѣ оказаннаго имъ упорства воз- водится въ священство, точно какъ будто это-то упорство и было со стороны его добродѣтелью. Въ томъ-то и бѣда, что образъ мыслей Церкви право- славной совѣмъ не сходитъ съ образомъ мыслей г. Тихомирова.

Вообще въ дѣлѣ вѣры, по воззрѣніямъ и духу Церкви православной, нѣтъ и не можетъ быть іерархическаго чиноначалія. Приведемъ нѣсколько при- мѣровъ. Молодой пресвитеръ Григорій Назіанзинъ высказалъ письмомъ до- вольно рѣзкій уворъ епископу Евсевію Кесарійскому за отношенія его къ общему ихъ митрополиту Василію Великому. Евсевій усмотрѣлъ въ этомъ заносчивость и непочтительность и высказалъ упрекъ. Григорій Назіанзинъ отвѣчалъ письмомъ, въ которомъ говоритъ, что высказалъ онъ противъ него, какъ епископа, не по гнѣву, но философски и духовно (*Ουκ οφριστικως, αλλα πνευματικως τε και φιλοσοφως*), что высокое положеніе епископа не лишаетъ права открыто и смѣло противъ него высказываться, что великодушному человѣку приличнѣе слушать съ благодарностью свободную рѣчь друга, чѣмъ льстивую рѣчь врага (*Epist., 169*).

Едва только въ проповѣдяхъ патріарха Константинопольскаго Несторія начало высказываться его заблужденіе, какъ всенародно въ храмѣ, во время самой проповѣди, раздался обличающій голосъ мірянина: „Еретику надобно заграждать путь. Само вѣчное Слово рдилось во второй разъ по плоти отъ жены“. Не съ осужденіемъ, а съ благодарностью и одобреніемъ приводитъ впослѣдствіи Кирилль Александрійскій этотъ подвигъ мірянина, рѣшив- шагося уличить въ заблужденіи своего патріарха и возстановить передъ ли- цомъ его истинное ученіе (*Cyrrillus Adv. Nestorium. I, 20*). На слѣдующій за тою же проповѣдью день у двери храма явилось воззваніе къ епископамъ, пресвитерамъ, діаконамъ, чтецамъ и всѣмъ мірянамъ константинопольскимъ. И кто дерзнулъ возстать противъ патріарха? Простой мірянинъ Евсевій, адво- катъ (*συλαστικος*) константинопольскій, разумѣется, въ силу своей вѣры и своего знанія вѣры. Въ этомъ воззваніи Несторій прямо называется еретикомъ и ученіе его подробно сопоставляется съ ученіемъ Павла Самосатскаго, какъ въ основаніи тождественное съ нимъ. Противъ Несторія приводятся слова Евста- фія Антиохійскаго, присутствовавшаго на Никейскомъ Соборѣ и такимъ обра- зомъ доказывается, что Несторій отступилъ отъ преданій Антиохійской Церкви, въ которой былъ воспитанъ. „Именемъ Св. Троицы, гласило между прочимъ смѣлое это воззваніе мірянина, заклинаю каждого, кто получитъ эту хартію, заявить ее епископамъ, пресвитерамъ, діаконамъ, чтецамъ и мірянамъ, жи-

вущимъ въ Константинополь, и еще давать имъ списки съ нея, въ доказательство, что Несторій еретикъ и единомысленникъ съ Павломъ Самосатскимъ, преданнымъ анаемѣ православными епископами за 160 лѣтъ прежде сего“. Проведши параллель между ученіемъ Несторія и Павла Самосатскаго, вѣрующій мірянинъ продолжаетъ: „Указываю теперь тебѣ, ревнитель св. вѣры, какъ исповѣдывала эту часть христіанскаго ученія Церковь Антиохійская, отъ которой въ первыя времена распространилось на насъ и имя христіанъ“. Слѣдуютъ выдержки изъ Антиохійскаго Символа вѣры, выдержки изъ нѣкоторыхъ Отцовъ и вообще изложеніе ученія Церкви Антиохійской. „Поэтому — заключаетъ возваніе, — кто осмѣлится говорить, что иной есть Сынъ Единородный, прежде всѣхъ вѣковъ рожденный отъ Отца и иной есть родившійся отъ Маріи Дѣвы и не одинъ и тотъ же есть Господь Іисусъ Христосъ, тотъ анаема да будетъ“ (*Іоаннъ. Історія Всел. Соб., I, 157—159*).

Поступокъ мірянина, адвоката Евсея есть поступокъ дерзостный, всецѣло подрывающій принципъ епархіальнаго чиновачалія, ибо противъ каноническаго постановленія Несторія ничего возразить нельзя, да никогда ничего и не возражали. Но какъ же отнеслась Церковь къ этому смѣлому и дерзостному поступку? Черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ появленія этого возванія мы встрѣчаемъ Евсея уже въ санѣ епископа Дорилейскаго, отстаивающимъ православіе на такъ называемомъ „разбойничьемъ соборѣ“, признавшимъ догматъ Евтихія, а нынѣ читаемъ имя его въ спискѣ православныхъ святыхъ.

На Ефесскомъ Вселенскомъ Соборѣ однимъ изъ обличителей еще не осужденнаго и еще не низложеннаго патріарха Несторія выступилъ пресвитеръ и экономъ Константинопольской Церкви Харизій. „Веспорно, говоритъ онъ въ своей рѣчи передъ Соборомъ, слѣдуетъ смиренно внимать ученію старшихъ, поставленныхъ для просвѣщенія нашего, но если они измѣняютъ вѣру, порядокъ необходимо измѣняется и они должны быть опровергаемы младшими“ (*Table. Concil., t. IV, p. 292*). Замѣтимъ, что Харизій провозглашаетъ это на Вселенскомъ Соборѣ, какъ принципъ, а Соборъ, ничего противъ этого не возражающій, очевидно соглашается съ этимъ принципомъ.

Моноелитство при самомъ своемъ появленіи было сочувственно принято главами іерархіи. Трое подъярядъ патріарховъ Константинопольскихъ стояли за моноелитство. Въ Александріи за него усердно ратовалъ Киръ Александрійскій, а въ Антиохіи — Макарій, патріархъ Антиохійскій. Даже одинъ изъ представителей Рима, именно папа Гонорій высказался за моноелитство. Конечно, многое объяснялось тѣмъ, что представители іерархіи не понимали догматическихкихъ тонкостей. Но первый противъ моноелитства и моноелитствующей іерархіи возсталъ простой, неизмѣющій ни священства, ни какого бы то ни было сана церковнаго монахъ Софроній. Монашеское званіе не только не увеличивало его правъ на церковный протестъ, но скорѣе даже уменьшало ихъ, такъ какъ въ виду яркаго участія монашествующихъ въ еретическихкихъ движеніяхъ Евтихія и установившагося уже взгляда на монашество, какъ на имѣющее цѣлью своего личное спасеніе и личное покаяніе (какъ выразился потомъ Трульскій Соборъ), монахамъ постановленіемъ четвертаго Халкидонскаго Собора въ особенности предписывалось „быть въ подчиненіи у епископа, со-

блюдать безмолвіе, прилежать только посту и молитвѣ, безотлучно пребывать въ тѣхъ мѣстахъ, въ которыхъ отрелись отъ міра и не вмѣшиваться ни въ церковныя, ни въ гражданскія дѣла“. Итакъ, права монашествующихъ могли бы почитаться меньшими, чѣмъ права мірянъ. И, однако, что же дѣлаетъ простой Палестинскій монахъ? Онъ смиренно умоляетъ, но и обличаетъ также въ заблужденіи сперва Кира Александрійскаго, а потомъ Сергія Константинопольскаго убѣждаетъ ихъ отказаться отъ неправославнаго своего ученія, излагаетъ имъ догматы церковный, приводитъ и разъясняетъ свидѣтельства Отцовъ и наконецъ становится главнымъ борцомъ за православіе. Въ это время избирается онъ на іерусалимскую кафедру и однимъ изъ восточныхъ патріарховъ остается вѣрнымъ православію и обличаетъ ересь, такъ какъ завоеваніе Палестины сарацинами дѣлаетъ его неприкосновеннымъ для покровительствующаго ереси греко-византійскаго государства. Голосъ его не умолкаетъ даже и тогда, когда другой апологетъ православія — папа Мартинъ силою выхватывается изъ Рима, въ цѣпяхъ привозится въ Константинополь и отправляется въ ссылку. И чѣмъ же кончается дѣло? Какъ относится Церковь къ смѣлому подвигу простаго монаха, возставшаго противъ ученія всѣхъ вселенскихъ патріарховъ — говоримъ всѣхъ, потому что іерусалимская кафедра въ началѣ спора была пустою? Шестой Вселенскій Соборъ предаетъ анаемѣ Гонорія Римскаго, Кира Александрійскаго патріарха, Сергія, Пирра, Павла и Петра Константинопольскихъ и Макарія Антиохійскаго, т. е. всѣхъ одновременно представлявшихъ Церковь патріарховъ востока и запада; Софронія православная Церковь признаетъ святымъ и память его празднуется донинѣ 11-го марта (о дѣятельности Софронія см. между прочимъ *Лебедевъ*, 17). Подробности *Neander*, K. G., III, 248—251 (первое изданіе) и *Vies des Peres des deserts d'Orient* par Michel-Ange Marin, VI, 438).

Еще ярче и сильнѣе выступаетъ передъ нами въ ту же эпоху моноэлитствующаго большинства высшей іерархіи, дѣятельность другого атлета и борца за православіе, тоже простаго монаха Максима, прозваннаго впоследствии Исповѣдникомъ. Св. Максимъ, обладая громадными богословскими свѣдѣніями, былъ старшимъ секретаремъ радѣющаго о ереси императора Гераклія, и еще въ этомъ званіи нѣсколько разъ выступалъ въ качествѣ защитника православія, будучи еще простымъ міряниномъ. Убѣдившись, что служебная дѣятельность можетъ сдѣлать его орудіемъ къ насильственному распространенію ереси, онъ, подъ благовиднымъ предлогомъ, оставилъ службу и удалился въ одинъ изъ ближайшихъ къ Константинополю монастырей, именно Кризопольскій. Но и въ монастырѣ онъ пребываетъ недолгое время. Онъ открываетъ борьбу съ моноэлитствомъ, но не въ Византіи, гдѣ всякая борьба невозможна, а на Западѣ, гдѣ представляется болѣе простора религіозной свободѣ и гдѣ тоже колеблется православіе. Онъ стремится поддержать православіе на Востокѣ открытымъ протестомъ со стороны Запада. Мы застаемъ его прежде всего въ Африкѣ, гдѣ рука Византіи была вполнѣ безсильной. Тамъ, въ Карфагенѣ, передъ собраніемъ епископовъ, онъ побѣдоносно обличаетъ моноэлитствующаго константинопольскаго патріарха Пирра, обжавшаго изъ Византіи влѣдствіе политическихъ причинъ и уступившаго престолъ свой другому моноэлиту

Павлу. Тамъ же побѣдоносно излагаетъ онъ истинное ученіе православія, по вопросу, который большинствомъ іерархіи не считался еще догматически рѣшеннымъ. Оттуда, а также изъ Рима, куда скоро перебирается онъ, громить онъ моноелитство множествомъ глубокомысленныхъ и ученыхъ трудовъ, пользующихся и доннѣ высокимъ почетомъ среди православной Церкви.

Въ Римѣ, въ присутствіи всего духовенства и народа, Пирръ, подъ вліяніемъ Максима, отрекся передъ новымъ папою Теодоромъ отъ всего, что писалъ и творилъ онъ противнаго православію, что не помѣшало ему, однако, скоро вновь возвратиться къ ереси. Въ Римѣ же, по прошествіи значительнаго количества времени, въ 655 году, схваченъ былъ и главный борецъ за православіе, Максимъ. Его тотчасъ же отвезли въ Константинополь. Онъ былъ опасенъ именно по громадному вліянію своему на Церковь. Пребываніе его въ Африкѣ было особенно плодотворно для православія. Самые епископы африканскіе охотно поставляли себя въ число учениковъ Максима, несмотря на то, что онъ былъ простой монахъ, неимѣющій ни священства, ни какого бы то ни было церковнаго сана, дающаго право на авторитетъ. Его жизнеописатель говорить: „Разсуждая съ африканскими епископами, онъ утверждалъ ихъ въ вѣрѣ, наставлялъ и вразумлялъ; потому что, хотя они превышали его саномъ, но мудростью были гораздо ниже его“ (Acta Maximi, p. XI, Combefis). На состязаніи съ Пирромъ, на вопросъ Пирра: „что сдѣлалъ тебѣ я и предшественникъ мой (Сергій), что ты вездѣ выставляешь насъ еретиками? Максимъ отвѣчалъ: „Съ тѣхъ поръ, какъ вы извратили христіанское ученіе, я счелъ долгомъ истину предпочитать расположенію къ вамъ. Ваше ученіе объ одной волѣ противно христіанству“ и т. д. Надо принять въ соображеніе, что при извращеніи вѣры Сергіемъ, Максимъ былъ даже еще и не монахомъ, а простымъ міряниномъ. Дѣйствіе состязанія Максима съ Пирромъ было громадное; православіе одержало верхъ надъ моноелитствомъ. Максимъ былъ взятъ изъ Рима одновременно съ папою Мартиномъ и представленъ для допроса въ Константинополь. Въ его протестѣ противъ изложенія вѣры, изданнаго императоромъ подъ именемъ образца, желали усматривать политическое преступленіе. „Развѣ ты не анаематствовалъ „образецъ“ (τοπος)? спросили его. — „Нѣсколько разъ“, отвѣчалъ Максимъ, „говорилъ я вамъ и теперь говорю: анаематствовалъ! Я императора не анаематствовалъ, но лишь хартію, чуждую православной вѣрѣ“. (Типомъ или образцомъ ради принципа единовѣрія, которое желательно было ввести государству для присоединенія моноелитовъ, воспрещались, съ согласія старшихъ іерарховъ, всякіе споры о двухъ или одной волѣ во Христѣ). Эту-то хартію Максимъ объявлялъ чуждой православію (Acta Maximi, p. XXXIX). Не имѣя возможности убѣдить Максима, пытались склонить его хотя къ видимому общенію. „Такъ какъ весь Западъ и на Востокѣ тѣ, которые вовлечены въ соблазнъ, говорили ему, взирая на тебя, производятъ смуты и смятенія и не хотятъ въ дѣлахъ вѣры имѣть съ нами общенія, то да вразумитъ тебя Господь принять изданный нами образецъ и вступитъ съ нами въ общеніе. Тогда мы лично (т.-е. императоръ, повелѣвающій сказать это, — рѣчь ведется отъ имени императора) пойдѣмъ къ тебѣ навстрѣчу, предъ лицомъ всѣхъ будемъ привѣтствовать тебя, подадимъ тебѣ нашу руку, съ честію

и славою введемъ тебя въ великую церковь (Софійскую), поставимъ на нашемъ императорскомъ мѣстѣ, вмѣстѣ выслушаемъ литургію и приобщимся Тѣла и Крови Христовой, потомъ провозгласимъ тебя нашимъ отцомъ, и будетъ радость не только въ этомъ городѣ, но и во всемъ христіанскомъ мірѣ. Ибо мы твердо убѣждены, что когда ты вступишь въ общеніе съ нами, то присоединятся къ намъ всѣ, которые, ради тебя и подъ твоимъ руководствомъ, отторглись отъ общенія“. Максимъ, однако, не подчинился этимъ лестнымъ обѣщаніямъ. Его подвергли мученіямъ. „Мы православнѣе тебя!“ восклицали ему, между прочимъ, руководившіе истязаніями. — „Если вы вѣрите“, замѣтилъ на это Максимъ, „какъ учить Церковь, то зачѣмъ принуждаете меня принять „образецъ“, который уничтожаетъ эту вѣру?“ — „Не уничтожаетъ“, вскричали патриціи: — „а только заставляетъ молчать о спорныхъ выраженіяхъ ради мира Церкви“. Испытавъ жестокія мученія, Максимъ съ отрѣзаннымъ языкомъ и отсѣченной рукою, сосланъ былъ въ ссылку въ Колхиду, гдѣ и окончилъ отъ ранъ свою многострадальную жизнь (Acta Maximi, p. LXI—LXIII).

Съ точки зрѣнія нашего времени, вся эта дѣятельность одинокаго монаха отнюдь не представляетъ какого бы то ни было церковнаго соблазна. Онъ стоялъ за ученіе православное, да къ тому же, еще былъ исповѣдникъ, мученикъ, святой. Но вѣдь для своего-то времени онъ не былъ ни мученикомъ, ни святымъ, ибо оказался такимъ только въ заключеніе своей дѣятельности, да къ тому же и проповѣдывалъ-то онъ именно ученіе, которое въ глазахъ всей главенствующей іерархіи и всей почти іерархіи вообще было ученіемъ неправославнымъ, противорѣчило православію. Для своего времени онъ былъ только бунтующимъ, простымъ монахомъ, неимѣющимъ никакого авторитета, всецѣло нарушающимъ церковную дисциплину, которую г. Тихомировъ ставитъ превыше всего. И однако, народъ церковный чуялъ его авторитетъ — авторитетъ правды, церковности, отличной отъ дисциплины.

Итакъ въ Церкви, въ практикѣ церковной для проявленія истины, для голоса правды нѣтъ и не можетъ быть дисциплинарныхъ или іерархическихъ преградъ. Пресвитеры изъ ревности къ вѣрѣ смѣло укоряютъ и обличаютъ своихъ іерарховъ. Мірянинъ Евсевій анаематствуетъ своего патріарха, обращается съ воззваніемъ ко всѣмъ епископамъ, ко всему клиру и ко всему вѣрующему народу, высоко поднимаетъ знамя церковное *свѣтскаго* своею рукою, и зато не порицается впоследствии Церковью, а превозносится ею. Даже монахи для провозглашенія истины, для отстаиванія правды, нарушаютъ наложенное на нихъ Халкидонскимъ Соборомъ обязательное безмолвіе, обязательную болѣе чѣмъ для кого-либо другаго подчиненность епископамъ, покидаютъ монастыри, которые, по тому же соборному постановленію, покидать не должны и не могутъ, ибо интересы церковной правды выше интересовъ дисциплины и подчиненія. Справедливо, глубоко справедливо, говоритъ Златоустъ, что „въ Церкви нѣтъ мѣста ни высокоумію начальствующихъ, ни раболѣпству подчиненныхъ“, — въ особенности же, прибавимъ мы, въ дѣлѣ вѣры и убѣжденія.

Ересь, какъ уже видѣли мы изъ приведенныхъ выше словъ Аванасія Великаго, требовала отъ всѣхъ безконтрольной вѣры учащему сословію своему духовенству, — подобно г. Тихомирову, призывала всѣхъ на выучку къ этому духовенству, требовала невмѣшательства вѣрующихъ въ дѣло опредѣленія, выясненія и изложенія вѣры. Православная Церковь, совершенно наоборотъ, не только допускала, но и требовала даже отъ вѣрующихъ тщательнаго разсмотрѣнія предлагаемаго имъ ученія, не только не дѣлала обязательнымъ полное подчиненіе учащей іерархіи, но и одобряла не только право невѣрія и недовѣрія ей, но даже и открытое обличеніе ея. Права и обязанность правды православная Церковь цѣнила и ставила превыше всего.

VII.

Мы намѣреваемся въ настоящее время перейти къ свѣтскому учительству, на которое такъ жестоко нападаетъ г. Тихомировъ, умышленно сопоставляя правыхъ и неправыхъ учителей и считая ихъ всѣхъ одинаково предосудительными и антицерковными, какъ будто для Церкви можетъ быть безразличнымъ: правое или неправое ученіе исповѣдуетъ передъ Церковью тотъ или другой изъ ея сыновей, излагаетъ ли онъ истинное ея ученіе или противится ей, борется ли онъ съ врагами ея или съ ея истинными провозвѣстниками, — чистыми ли или нечистыми побужденіями онъ руководствуется. Церковь можетъ только радоваться правому, хотя бы и публичному исповѣданію вѣры ея, отъ кого бы оно ни исходило, если только оно искренно и чисто, радоваться каждому борцу за славу и за чистоту ея ученія, за каждое укрѣпленіе и развитіе чувства вѣры среди слабѣющихъ чадъ ея. Кто бы ни поддерживалъ слабѣющую вѣру среди чадъ церковныхъ, кто бы ни разсѣивалъ стужающіяся мраки, помогая пробиться и проявиться свѣту Истины, кто бы ни поддерживалъ горѣніе льна курачагося и кто бы ни укрѣплялъ свою силою трость надломленную — для Церкви всякій является желаннымъ служителемъ и Церковь рада каждому такому служенію. Такимъ же точно образомъ — кто бы ни колебалъ ученія церковнаго, кто бы ни содѣйствовалъ ослабленію религіознаго чувства въ стадѣ Христовомъ, кто бы ни стужалъ мрака, окутывающаго свѣтъ истины церковной, кто бы ни посвящалъ силъ своихъ „угашенію духа, непрестанно вопіющаго: авва—отче“, кто бы ни служилъ Веліару подъ видомъ служенія церковнаго или на ряду съ нимъ — Церковь видитъ въ немъ врага своего и не радуется ему, а скорбитъ о немъ. Истина, правда, вѣра и служеніе имъ, равно какъ и служеніе любви, проясняющей вѣру и объединяющей вѣрующихъ, выше и святѣе для Церкви, чѣмъ дисциплина и іерархическая подчиненность.

Для Церкви не можетъ быть тождественною глубоко и чисто-нравственная проповѣдь Хомякова, приводящая къ Церкви хотя бы и своимъ особымъ самостоятельнымъ путемъ, и проповѣдь напр. Льва Толстаго, отнюдь не православная, а отторгающая отъ Церкви, или проповѣдь г. Тихомирова, заслоняющая Истину церковнаго ученія и преграждающая колеблющимся путь къ

Церкви, хотя съ чисто внѣшней, формальной стороны: и Хомяковъ, и Левъ Толстой, и г. Тихомировъ — одинаково свѣтскіе проповѣдники, одинаково міряне. Г. Тихомировъ такъ и стоитъ только на этой внѣшней, формальной точкѣ зрѣнія; отъ него и требовать нельзя болѣе глубокаго пониманія. Для него вѣдь и не важно вообще содержаніе проповѣди, только бы проповѣдывали, да и то въ разсыпную приходящимъ вѣрующимъ, только тѣ, кому надлежитъ проповѣдывать, только уставные, акредитованные проповѣдники, и царилъ спасающая дисциплина, поддерживалось бы спасающее чиновначаліе. Но вѣдь Церковь не можетъ ограничиваться этою исключительно формальною точкою зрѣнія точно такъ же, какъ не можетъ она принимать на себя, такъ усердно навязываемой ей г. Тихомировымъ, миссии преграждать уста *спрующимъ*, и при томъ — только *спрующимъ*. Вѣдь невѣрующимъ предписывать молчанія она не можетъ по той простой причинѣ, что они ее не послушаютъ. Она могла бы, если бы такова была истинная и признанная ея миссія, затребовать молчанія отъ Хомяковыхъ, но послѣдователямъ Льва Толстаго и необращеннымъ еще Тихомировымъ воспрепятствовать проповѣдывать она не можетъ и, слѣдовательно, полагая молчаніе на вѣрныхъ сыновъ своихъ, она расчищала бы только дорогу своимъ врагамъ. Можетъ быть этого-то именно и желательно г. Тихомирову, заявившему истинность обращенія своего только фельетонами „Московскихъ Вѣдомостей“, которымъ и вообще-то не всѣ довѣряютъ и на которыхъ ореолъ искренности еще не особенно замѣтенъ. Не даромъ г. Тихомировъ вздыхаетъ о томъ недавнемъ золотомъ времени, „когда отношеніе вѣрующихъ и невѣрующихъ къ Церкви было чрезвычайно просто. Кто не вѣрилъ — тотъ часто былъ врагомъ Церкви, но всегда открытымъ, кто вѣрилъ и приходилъ къ Церкви — тотъ приходилъ искренно ~~въ~~ довѣремъ, не для того, чтобы какъ нибудь воздѣйствовать на Церковь, но чтобы воспринять ея воздѣйствіе“. Но вѣдь эта-то поистинѣ золотая для гг. Тихомировыхъ пора и ознаменовалась безпримѣрнымъ ростомъ невѣрія, отторгла отъ Церкви чуть ли не всю поголовно образованную ея часть, отторгла терроромъ атеизма съ самыхъ первыхъ дней вступленія ея въ жизнь, заставила Церковь сосредоточиться и запереться въ храмахъ, прекратила возможность религіознаго слова вездѣ, гдѣ только можно было предположить присутствіе, не говорю уже невѣрующаго, но даже и колеблющагося въ вѣрѣ, побудила Церковь проявлять робко голосъ свой только отживающимъ старымъ поколѣніямъ да народной массѣ, и то только, пока она еще не просвѣтилась, пока ее еще не коснулось независимо отъ Церкви и безъ вѣры вырабатывающееся просвѣщеніе. Широкою волною разлилось невѣріе чуть ли не по всему міру православному, а Церковь и истинно вѣрующіе проявляли свой голосъ только тамъ, гдѣ онъ загражденъ былъ всецѣло отъ слуха — и колеблющихся, и невѣрующихъ. Невѣріе росло и усиливалось въ гордомъ своемъ самодовленіи, а слово вѣры раздавалось и могло раздаваться только тамъ, гдѣ оно не могло нарушить величавый покой невѣрующихъ, подорвать надменный самозванный престижъ невѣрія и гнетъ его надъ колеблящимися, маловѣрными и въ жизнь вступающими. Г. Тихомировъ лучше, чѣмъ кто-либо знаетъ, кому на руку было это вынужденное безмолвіе голоса вѣры, сосредоточеннаго только въ стѣнахъ цер-

ковныхъ да въ школахъ при задаваніи сухихъ уроковъ катехизиса. Не осуждать, а высоко цѣнить и благодарить слѣдуетъ не только глубоко-православнаго Хомякова и, можетъ-быть, неполнѣ православнаго В. С. Соловьева и имъ подобныхъ, но и совсѣмъ даже неправославнаго Льва Толстаго, за то, что они мощными голосами своими нарушили царственный покой самодавляющаго невѣрія, подорвали надменно величественный и дерзко самозданный престижъ его, поколебали хотя отчасти гнетущій плѣвъ вавилонскій и пробудили во многихъ, и очень многихъ, сердцахъ неясный еще и смутный, а порою и сбивчивый шопотъ религіознаго чувства. Чувствуется, глубоко чувствуется, ясно чувствуется готовый уже совершиться, начинающійся уже поворотъ... Знаменія времени ясны уже и несомнѣнны, и эти знаменія пугаютъ г. Тихомирова и подобныхъ ему, заставляютъ ихъ вспоминать о золотомъ, недалекомъ прошломъ... Но и насъ опасенія г. Тихомирова заставляютъ также вооружиться и сказать ему словами Апостола: „Духа не угашайте! Пророчества не уничтожайте!“ (1-е Фесс., V, 19, 20).

Мы увлеклись и заговорили, хотя и въ духѣ Церкви и во имя Церкви, но своими словами. Предоставимъ же мѣсто явному, несомнѣнному голосу Церкви.

Осуждаетъ ли Церковь проповѣдь мірянъ среди невѣрующихъ? Г. Тихомировъ вѣдь и невѣрующимъ, т.-е. невѣрующему современному обществу, воспрещаетъ имъ говорить слова жизни и истины. Приведемъ только нѣсколько фактовъ. Мы уже видѣли, что апостолъ Павелъ благодаритъ Бога за участіе въ благовѣствованіи не только епископовъ и дьяконовъ въ Филиппахъ, но и всѣхъ вѣрующихъ вообще (Филипп., I, 1—5). Тѣхъ же филиппійцевъ, тотчасъ послѣ обращенной къ нимъ благодарности, увѣдомляетъ онъ, что и въ Римѣ большая часть братьевъ о Господѣ, ободрившись удами его, начали съ большою смѣлостью безобязанно проповѣдывать Слово Божіе (тамъ же, I, 14). „Въ тѣ дни“, говорятъ Дѣянія: — „т.-е. тотчасъ послѣ смерти Стефана, произошло великое гоненіе на Церковь въ Иерусалимѣ и всѣ, *кромя апостоловъ*, разсѣялись по разнымъ мѣстамъ Іудеи и Самаріи... Между тѣмъ, разсѣявшіеся ходили и благовѣствовали слово (Дѣян., VIII, 1—4). Услышавши апостолы и братія, *бывшіе въ Іудей*, что и язычники приняли Слово Божіе... Между тѣмъ, разсѣявшіеся отъ гоненія послѣ Стефана, прошли до Финиціи и Кипра и Антиохіи, никому не проповѣдуя слово, *кромя іудеевъ*. Были же нѣкоторые изъ нихъ (т.-е. изъ іудеевъ) кипряне и киринейцы, которые, пришедши въ Антиохію, говорили эллинамъ, благовѣствуя Господа. И была рука Господня съ ними, и великое число, увѣровавъ, обратились къ Господу“ (Дѣян., XI, 1, 19—21). Явно, что здѣсь дѣло идетъ о проповѣди простыхъ вѣрующихъ мірянъ. Въ извѣстныхъ актахъ мучениковъ Лионскихъ 177 года, въ числѣ заключенныхъ, упоминается только о двухъ, принадлежащихъ къ клиру, лицахъ, именно объ епископѣ Полинѣ и дьяконѣ Санктѣ; остальные, очевидно, были мірянами. Въ то же время акты свидѣтельствуютъ о церквахъ, основанныхъ трудомъ и проповѣдью этихъ самыхъ мірянъ. Въ Никомидіи двое молодыхъ людей—Лукианъ и Маркіанъ—едва обратившись въ христіанство, тот-

часть же проповѣдуютъ его другимъ и послѣ тотчасъ же удостоиваются мученія (память ихъ 26-го октября). Въ Нантѣ — св. Домиціанъ-мірянинъ, въ Римѣ — св. Агнесса проповѣдью распространяютъ христіанство (*Bordas-Demoalin, Les Pouvoirs constitutifs de l'Eglise. 1855, p. 109*). По свидѣтельству древнихъ церковныхъ историковъ, двое юношей—Фругментъ и Эдизій—попавшіе въ плѣнъ въ Индію, безъ всякаго внѣшняго призванія и постановленія, начали проповѣдывать тамъ Евангеліе и привели народъ ко Христу и положили тамъ основаніе многимъ церквамъ (*Ruffinus, Lib. I, c. 9; Socrates, Lib. I, c. 19*). Тотъ же Сократъ и Θεодоритъ сообщаютъ намъ, что Иверы впервые приняли проповѣдь христіанства изъ устъ плѣнной женщины, обратившей, наконецъ, въ христіанство и царя ихъ, и царицу, такъ что они сами начали проповѣдывать Евангеліе своему народу (*Socrates, I, c. 20; Bingham, Origines sive antiquitates Ecclesiasticae, 1786, I, 791*). Такихъ фактовъ можно привести еще великое множество. Но мы полагаемъ, что и этихъ уже, болѣе чѣмъ достаточно.

Отъ внѣшней миссіи перейдемъ къ внутренней, отъ проповѣди невѣрующимъ къ проповѣди вѣрующимъ. Здѣсь надо строго отличать проповѣдь собственно церковную, проповѣдь съ амвона, какъ составную часть богослуженія, отъ всякаго другого вида наставленія въ вѣрѣ. Право и обязанность такой проповѣди сами по себѣ принадлежатъ только епископу; ни клирику, ни иной кто сами по себѣ не имѣютъ ихъ. Исключеніе составляютъ только священники въ мѣстахъ, гдѣ отсутствуетъ епископъ. Такимъ образомъ, правило 19-е Лаодикійскаго Собора и правило 19-е же Трульскаго говорятъ только о проповѣди епископовъ. Такъ объясняютъ и старинные комментаторы (Вальсамонъ). Но правило 58-е Апостольское говоритъ объ учительской дѣятельности, какъ епископовъ, такъ и пресвитеровъ. Подобно тому и 1-е правило Анкирскаго Собора упоминаетъ о проповѣди пресвитеровъ. „Учителями церковей, говоритъ Вальсамонъ въ примѣчаніи къ 19-му правилу Трульскаго Собора, поставлены епископы. И потому правило говоритъ, что они имѣютъ всякую необходимость учить подчиненныхъ имъ людей и всегда, а еще болѣе въ воскресные дни, въ которые обыкновенно всѣ присутствуютъ въ церкви, освобождаясь отъ дѣлъ рукъ своихъ. А учить по опредѣленію правила они должны не чему-нибудь далекому и не отъ себя, но тому самому, что предано святыми отцами“ (О томъ, что учительство ихъ не должно почитаться непогрѣшимымъ мы уже говорили. Но почему же, если обязательная проповѣдь, проповѣдь съ амвона, проповѣдь, какъ часть богослуженія, составляетъ удѣлъ и право епископства и „пресвитеры точно также несутъ эту обязанность и причастны этому праву“? Объясняется это очень просто историческою аналогіей. „Право давать крещеніе, говоритъ Тертуліанъ, свидѣтельствуя объ обычаяхъ и возрѣвнѣяхъ своего времени, имѣетъ первосвященникъ (*summus sacerdos*), который есть епископъ, затѣмъ пресвитеры и дьяконы, но, однако, не безъ соизволенія епископа, ради чести церковной, сохраненіемъ которой сохраняется миръ“. Затѣмъ переходитъ Тертуліанъ къ праву мірянъ въ случаѣ необходимости подавать крещеніе (*De Baptismo 17*). Итакъ, право и обязанность подавать крещеніе въ строгомъ смыслѣ принадлежитъ только епископу, и только по нуждѣ, по его соизволенію, переходитъ

отъ него къ пресвитеру. Нужда эта состоитъ, разумѣется, прежде всего, въ географической отдаленности того мѣста, гдѣ должно происходить крещеніе, отъ мѣста жительства епископа. По *нуждѣ* же право и обязанность крещенія переходить и къ дьякону. Мы уже видѣли, что и Тертуліанъ, и Іеронимъ, свидѣтельствуютъ о крещеніи дьяконами (*Inde venit at sina episcopi jassione neque praesbytes neque diaconus jus habeant baptizandi. Dialogus adv. Suci-feranos*). „При отсутствіи священника, при неотложной *нуждѣ* необходимо подобаеъ и дьякону подавать крещеніе нуждающемуся“ (Блаж. Ѳеодоритъ. *Quaest I in II, Paralip., p. 389*). „Если оказывается необходимость, говорить Златоустый, и некрещенный ребенокъ близокъ къ смерти—подобаетъ и дьякону крестить его“ (*Nomil. LXI Ed. 1612. t. VII. p. 423*).

Въ томъ же мѣстѣ, изъ котораго мы извлекли приведенныя выше слова, Тертуліанъ свидѣтельствуетъ, что и міряне, вообще говоря, имѣютъ право крестить, въ случаѣ нужды, если не призываются епископы, или пресвитеры, или дьяконы, ибо отъ равнаго получаемое равнымъ же и дается, вѣдѣствіе чего и крещеніе можетъ быть совершаемо всеми. Но немного далѣе, въ виду установившагося строя церковнаго, тотъ же Тертуліанъ совѣтуетъ мірянамъ удерживаться отъ пользованія этимъ правомъ, ибо, такъ какъ, мірянамъ, свойственна дисциплина скромности и воздержанія (*disciplina verescundiae et modestiae*), то Отцамъ и угодно было, чтобы они не присвоивали себѣ названной выше обязанности епископовъ. Соперничество—мать ересей. Все мнѣ позволительно, говоритъ Апостоль, но не все полезно (*de Baptismo, 17*. Сочиненіе это писано Тертуліаномъ еще до монтанизма). „Право крещенія, говоритъ Іеронимъ, зачастую, если является необходимость, присуще и мірянамъ, какъ знаемъ мы. Кто что получилъ, тотъ то и можетъ давать. (*Heronymus. Dialogus c. Luciferanos, c. 4*). „Вѣрующій, говоритъ помѣстный соборъ Илибеританскій, — получившій вполне крещеніе и не бывшій женатымъ на двухъ женахъ, можетъ, въ случаѣ смертной опасности, крестить оглашеннаго, не долженъ, если крещенный останется въ живыхъ, отвести его къ епископу, чтобы онъ положеніями рукъ придалъ ему совершенство“ (*Concil Piberitanum can., 39*). Наложеніе рукъ совершалось въ древности надъ всеми крещаемыми. О томъ же свидѣтельствуютъ и еще многіе Церковные писатели (*Augustinus Ep. ad Fortunatum ap. Gratianum de consecrat, IV, 21, Contra ep. Parmeniani, II, 31. Gelasius, IX, 9; Issidorus, de officiis ecclesiasticis, II, 24*). Въ правилѣ Никифора Исповѣдника, какъ объ обычаѣ Церкви православной, говорится: „Дѣтей некрещеныхъ подобаетъ крестить и когда нѣтъ священника. И если даже окрестить собственный отецъ ребенка или какой бы то ни было человѣкъ, только бы онъ былъ христіанинъ, нѣтъ въ томъ грѣха“ (*Nicaphori Homologetae, can, I; Suicer, I, p. 631*). По правилу Никифора Константинопольскаго: „въ случаѣ необходимости крестить и простой монахъ“ (*Can. 39, Suicer, I, 632*). Василій Великій свидѣтельствуетъ намъ, что такъ какъ рожденные въ расколѣ получали крещеніе отъ отторженныхъ, которые, „какъ содѣлавшіеся мірянами“, не имѣли власти ни крестить, ни рукополагати, и не могли преподавать другимъ благодать Св. Духа, отъ которой сами отпали—древніе, т.-е. нѣкоторые изъ нихъ, находили необходимымъ.

какъ крещенныхъ мірянами, очищать истиннымъ церковнымъ крещеніемъ, но что въ виду желанія арійскихъ Церквей и ихъ крещеніе должно быть приемо-лено (Прав. 1). Итакъ, и въ этомъ случаѣ крещеніе, совершаемое мірянами, почитается годнымъ и удовлетворительнымъ. Признавая римскій католицизмъ и протестантство расколами, мы и до сего времени, признавая крещеніе ихъ совершеннымъ мірянами, не подвергаемъ ихъ новому крещенію.

Церковь нѣсколько разъ осуждала устами Отцовъ и писателей совершеніе крещенія женщидами, ссылаясь на то, что Христось получилъ крещеніе не отъ Пресвятой Своей Матери, а отъ Іоанна. Въ такому осужденію причина заключалась въ томъ, что у нѣкоторыхъ еретиковъ крещеніе, безъ всякой надобности, совершалось женщидами. Но, однако, въ случаѣ нужды, крещеніе совершается повивальными бабками и крещеніе это признается Церковью годнымъ и удовлетворительнымъ. Патріархъ Константинопольскій Митрофанъ Критопулосъ, въ своемъ „Исповѣданіи вѣры православной“, говоритъ: „Когда появляется необходимость, подобаетъ крестить новорожденнаго тотчасъ по рожденіи и, если отсутствуетъ священникъ, пусть повитуха совершаетъ крещеніе. Если новорожденный останется живъ—пусть довольствуется этимъ крещеніемъ“ (Confessio Ecclesiae Orientalis, Cap. VII).

Итакъ, по ученію православной Церкви всякій вѣрующій христіанинъ можетъ молитвенно совершать Таинство крещенія, но, ради сохраненія порядка церковнаго, не долженъ дѣлать этого (пользоваться этимъ правомъ, какъ говорятъ Тертуліанъ и бл. Іеронимъ), если это не вытребывается необходимостью. Такимъ образомъ право и обязанность крещенія принадлежитъ епископу, но въ виду необходимости, соизволеніемъ его, передается пресвитерамъ, а за отсутствіемъ пресвитера—и дьяконъ, и всякій вѣрующій мірянинъ, и простой монахъ, и даже женщины по необходимости могутъ и должны совершать крещеніе. Интересы спасенія Церковь ставитъ выше интересовъ *порядка*, ибо порядокъ, строй—есть средство ея, а не цѣль.

Но о крещеніи заговорили мы только для аналогіи съ проповѣдью церковною, совершаемою съ амвона или съ кафедръ церковной, какъ составная часть богослуженія. Пресвитеры могутъ совершать крещеніе только по соизволенію епископа, но, въ видахъ необходимости церковной, соизволеніе это почитается явно уже разъ навсегда даннымъ. Такимъ же точно образомъ и право и обязанность проповѣди церковной принадлежатъ, собственно говоря, епископу, но почитается разъ навсегда уже переданнымъ имъ пресвитерамъ отдѣльныхъ церквей. Въ этотъ-то смыслъ и 58-е правило Апостольское, непоучающихъ вѣра и народа пресвитеровъ подвергаетъ отлученію и изверженію точно такъ-же, какъ и епископовъ. Правило 19-е Трульскаго Собора и правило 19-е помѣтнаго Собора Лаодикійскаго говорятъ именно объ обязательной проповѣди епископа. Мы уже видѣли, что эта обязательная проповѣдь епископа можетъ, по благословенію, его сопровождаться и поученіями сослужащихъ ему пресвитеровъ. Епископу предоставляется, однако, право передавать свою обязанность проповѣди и преимущественно изъясненія св. Писанія особенно способнымъ изъ своихъ священниковъ, которые и проповѣдуютъ тогда въ качествѣ его представителей (*απο προσωπου του αρχιερεως*) и отъ

его имени. Этотъ обычай былъ весьма развитъ въ церкви Константинопольской. Церковные памятники упоминаютъ намъ напр. о риторѣ, пишущемъ учительскія слова отъ лица архіерея (ο ῥήτορ γραφῶν λόγους διδασκαλικούς ἀπὸ προσώπου τοῦ ἀρχιερέως) *Zhischmann*. Die Synoden und Episcopalämter in der morgenländischen Kirche, 1867 p., 148). Такіе „учителя“ утрачивали, по свидѣтельству Вальсамона, званіе свое со смертію уполномочившаго ихъ патріарха, ибо проповѣдывали только отъ лица его, какъ его представители. Онъ же говоритъ, что учителя (διδασκαλοὶ) великой Церкви учатъ по праву патріарха (Прим. къ 19-му правилу Трульского Собора. Передача эта, уполномочиваніе рѣзрѣшалось естественно не въ виду удобства и избавленія отъ трудовъ, а въ виду пользы церковной и въ виду между прочимъ того, что уполномочиваемый могъ обладать большими проповѣдническими способностями, имѣть больше учительскаго таланта. Такъ Флавіанъ могъ безспорно уполномочить на проповѣдь состоящаго при немъ пресвитеромъ Златоуста.

Но всегда ли къ проповѣди церковной уполномочивались одни только пресвитеры? Нѣтъ. При назначеніи діаконовъ, отъ нихъ не требовалось учительности, какъ отъ епископовъ и пресвитеровъ (1-е Тим. III, 2, 8—10), ибо они не предназначались къ такому служенію. Но и они могли въ нѣкоторыхъ случаяхъ обладать даромъ учительнаго слова, превосходить другихъ проповѣдническими способностями, а черезъ то призываться къ учительству. Оттого-то мы имѣемъ и нѣсколькихъ дяконовъ въ числѣ проповѣдниковъ древней Церкви. Укажемъ на одного только, именно на одного изъ величайшихъ проповѣдниковъ міра—Ефрема Сирина, бывшаго діакономъ Эдесской Церкви. Едва посвященный въ диаконы, Ефремъ Сиринъ призывается соизволеніемъ епископа къ служенію въ качествѣ проповѣдника и учителя. Разумѣется, не недостатокъ въ пресвитерахъ дѣлалъ призваніе это необходимымъ и не въ этомъ заключалась *нужда* церковная, которою руководствовался епископъ, совершая призваніе, а превосходство дара, проявленное самимъ назначаемымъ. Жизнеописатели Ефрема Сирина указываютъ намъ, въ чемъ заключалось это духовное превосходство. Они говорятъ намъ о томъ, какъ изумительно легко и свободно владѣлъ святой діакопъ природнымъ языкомъ своимъ, т.-е. сирійскимъ, о великомъ поэтическомъ дарѣ, выразившимся въ неисчерпаемомъ множествѣ духовныхъ пѣснопѣній — своего рода поэмъ, о его познаніяхъ въ логикѣ и искусствѣ разсужденія и прежде всего о его глубокомъ и всестороннемъ знаніи Св. Писанія и догматовъ церковныхъ, дававшемъ ему возможность искусной борьбы съ еретиками. „Хотя слова, говорить Григорій Нисскій, срывались съ устъ его подобно потоку, они не успѣвали однако слѣдовать за потокомъ мыслей его. Какъ ни былъ быстръ языкъ его, онъ уступалъ, однако, передъ множествомъ мыслей, поставляемыхъ духомъ его. Онъ соотвѣтствовалъ быстротѣ всякаго другаго ума, но не его собственнаго“. — „Не было слушателей, продолжаетъ тотъ же учитель Церкви, которые могли бы противустоять его слову“.

Такимъ же точно образомъ Златоустъ, еще будучи діакономъ, написалъ превосходныя слова свои „противъ іудеевъ“, „противъ аномеевъ“, „противъ язычниковъ“, о непостижимой природѣ Божества, объ анаемѣ и т. д.

Римско-католическіе писатели, въ родѣ кардинала Баронія, слиятыя доказать, что онъ *написалъ* ихъ еще будучи діакономъ, а *произносилъ* уже будучи священникомъ, но толкованіе это есть тенденціозная натяжка, не заслуживающая никакого уваженія. Если діакономъ съ соизволенія епископа могъ крестить, получая на то его полномочіе, то еще болѣе могъ онъ ради нужды церковной становиться проповѣдникомъ. Онъ не долженъ былъ вообще проповѣдывать, какъ не долженъ былъ вообще крестить, но могъ по соизволенію епископа проповѣдывать, какъ могъ по тому же соизволенію совершать крещеніе. Примѣръ Ефрема Сирина блистательно доказываетъ это. „Для умноженія и распространенія вѣрующихъ, говоритъ Амвросій Медиоланскій, съ начала веѣмъ позволялось благовѣствовать и изъяснять Писанія въ церкви. Но, когда повсюду явилась Церковь, тогда установлены собранія, учреждены правители и прочія должности въ церквахъ, чтобы никто изъ клира, не будучи рукоположенъ, не принималъ на себя (т.-е. самовольно) такой обязанности, которая, какъ онъ самъ знаетъ, предоставлена другому. По сему-то нынѣ діаконы не проповѣдуютъ народу (Толков. на Ефес., IV, стр. 948; Базель, 1567). Итакъ, діаконы, по словамъ Амвросія Медиоланскаго, самовольно не должны являться проповѣдующими въ церкви; этого требуетъ порядокъ церковный. Но порядокъ церковный въ томъ и состоитъ, что интересы порядка внѣшняго уступаютъ и приносятся въ жертву высшимъ интересамъ церковнымъ, интересамъ спасенія и эта уступка совершается соизволеніемъ епископа. Самовольно діакономъ проповѣдывать въ церкви не долженъ, но, какъ уполномоченный своего епископа, и можетъ и долженъ. Да и было бы странно, еслибы онъ не могъ получать такого уполномочиванія, когда онъ можетъ быть уполномочиваемъ на совершеніе Таинства крещенія и когда діаконы въ огромномъ количествѣ случаетъ рѣшали на Соборахъ дѣла Церкви и вѣры церковной по довѣренности своихъ епископовъ. Если діакономъ поучалъ на Соборѣ при своемъ епископѣ и голосовалъ за его отсутствіемъ, какъ его представитель, то кольми же паче могъ онъ проповѣдывать народу, какъ представитель того же епископа, въ силу полномочія, даннаго епископомъ, не для снятія съ себя тяжелаго лишняго бремени, но ради нужды и пользы церковной.

Могъ ли епископъ уполномочивать на церковную проповѣдь мірянина? Церковный историкъ Евсевій, сообщая намъ объ уполномоченіи на проповѣдь Оригена, еще бывшаго простымъ міряниномъ, говоритъ объ епископахъ, которые ради блага братьевъ дозволяли мірянамъ (*λαϊκοις*) проповѣдать въ церкви въ присутствіи ихъ народу (*των παρωντων επισκοπων τω λαω προσομιλειν*) (*Eusebius. Hist. Eccles., VI, с. 19*). Самому Оригену Теооктистъ Кесарійскій поручилъ проповѣдывать въ своей церкви, открывъ такимъ образомъ путь къ церковному учительству величайшему проповѣднику трехъ первыхъ столѣтій. Правда, Димитрій Александрійскій, покинутый Оригеномъ, находилъ распоряженіе это незаконнымъ, но тотъ же Димитрій протестовалъ потомъ и противъ посвященія Оригена въ пресвитерство. Слѣдовательно, имъ руководило либо просто нежеланіе, чтобы Оригенъ — краса Церкви Александрійской, дѣйствовалъ въ чужой епархіи, либо то обстоятельство, что Оригенъ былъ скопцомъ. Никто въ современной ему Церкви не упрекалъ ни Оригена въ томъ, что онъ про-

повѣдывалъ, будучи міряниномъ, ни Θεоктиста въ томъ, что онъ уполномочилъ Оригена на эту проповѣдь. Напротивъ, уваженіе, которымъ онъ пользовался среди епископовъ Палестины и Аравіи, является какъ разъ доказательствомъ противнаго. Противъ законности его проповѣди не высказался и Вселенскій Соборъ, тремя столѣтіями позже разсматривавшій и осудившій нѣкоторые пункты его ученія. О томъ, какъ высоко ставила Оригена современная ему Церковь, можно видѣть изъ похвального слова ему св. Григорія чудотворца, бывшаго однимъ изъ слушателей его въ Кесаріи. Оригенъ проповѣдывалъ ежедневно и почти всегда экспромптомъ, такъ что проповѣди его только записывались скорописцами. Глубокое знаніе и разумѣніе Писаній, въ связи съ краснорѣчіемъ и чистотою жизни, а также и ревностною вѣрою Оригена являлись такимъ образомъ причинами, справедливо побудившими Θεоктиста Кесарійскаго для *блага* церковнаго и въ виду *нужды* церковныхъ уполномочить его на проповѣдываніе.

Еслибы принципиально не допускалась ни въ какомъ случаѣ церковная проповѣдь мірянъ, то врядъ ли и для императоровъ могли бы дѣлаться исключенія. Однако, о Константинѣ Великомъ сообщаетъ намъ Евсевій, что онъ часто проповѣдывалъ передъ народомъ и сохраняетъ намъ одну изъ такихъ проповѣдей (*Eusebius. De vita Const. M. Sib. IV, с. 29—34*). Тоже самое сообщается намъ объ императорѣ Львѣ Мудромъ (*Fabricii. Bibliotheca Graeca. F. VI, р. 367*). Четвертый Кароагенскій Соборъ, бывшій въ 399 г., между прочимъ воспрещаетъ мірянамъ проповѣдывать въ присутствіи клириковъ, иначе, какъ по ихъ просьбѣ (*Laiicus praesentibus clericis, nisi ipsis rogantibus, docere non audeat. Can. 98*).

Для полноты аналогіи съ крещеніемъ, т.-е. правомъ и обязанностью крещенія упомянемъ и объ учительскихъ правахъ женщинъ, т.-е. о долгѣ церковнаго учительства женщинъ. Общее правило, разумѣется, предписывало имъ въ церкви молчать, слѣдуя прямому повелѣнію Апостола (1-е Кор., XIV, 34, 35; 1-е Тимое.). Такимъ же точно образомъ и такъ называемыя Постановленія Апостольскія предписываютъ женщинамъ только молиться и слушать въ скромности, но не крестить и не поучать (*Constitutiones Apostolicae, III, can. 9*). Вопросъ объ учительствѣ и церковной проповѣди женщинъ возникъ вслѣдствіе ереси монтанистовъ, имѣвшихъ своихъ „пророчицъ“ (*prophetisses*), поучавшихъ по праву въ церковныхъ собраніяхъ. По поводу ихъ Тертуліанъ свидѣтельствуетъ многократно о совершенно противоположномъ обычаѣ Церкви. Какъ на худую и постыдную сторону собранія еретиковъ указываетъ онъ на то, что женщины въ нихъ, по безстыдству (*quam procaces*) дерзаютъ учить, спорить, изгонять бѣсовъ (*exorcismos agere*), общать исцѣленія, а иногда и „погружать“, т.-е. крестить (*De praescriptione haereticoer, с. 41*) (*Ср. De Baptismo, с. 17*). „Не дозволяется женщинѣ, говорить онъ въ другомъ мѣстѣ, ни говорить въ церкви, ни учить, ни крестить, ни вообще исполнять какое-либо мужское служеніе“ (*De velandis virgin., с. 9*). Въ этомъ же смыслѣ высказывается и четвертый Кароагенскій Соборъ 399 года. „Женщина, хотя бы и ученая и святая, не должна учить мужчинъ въ собраніи (*Mulier, quamvis docta et sancta, viros in conventu docere non praesumat. Can. 99*). Но, однако,

тотъ же Соборъ, ради пользы церковной, предоставляетъ и женщинѣ известную часть церковнаго учительства; ибо тотъ же Соборъ, при избраніи діаконовъ для служенія при крещеніи женъ, между прочимъ требуетъ: „чтобы онѣ хорошо знали сію должность и могли бы на пристойномъ и здравомъ языкѣ поучать неискусныхъ и необразованныхъ женъ передъ крещеніемъ тому, какъ отвѣчать имъ на вопросы крещающаго и какъ жить имъ послѣ крещенія“ (Кан. 12). Блаженный Иеронимъ говоритъ, что въ восточныхъ церквахъ діаконы служили при крещеніи женъ и учили ихъ частнымъ образомъ, хотя и не открыто въ церкви (Толков. на Посл. Римл., XVІ).

Сводя къ одному, все до сихъ поръ нами высказанное, мы получаемъ въ итогъ, что право и обязанность проповѣди церковной, подобно праву и обязанности совершать крещеніе, принадлежало и принадлежитъ прежде всего епископу, какъ средоточію жизни церковной или „средоточію любви церковной“, какъ превосходно выражается одинъ современный римско-католическій богословъ, а затѣмъ всякому, кого ради пользы и нужды церковной уполномочить онъ на такое проповѣдываніе, сознавая, что интересы спасенія и интересы церковныя выше интересовъ порядка и дисциплины. Совершенно понятно, что мѣрила необходимости и нужды церковной въ этомъ случаѣ совершенно иныя, чѣмъ при передачѣ полномочія на крещеніе. Крещеніе совершается независимо отъ личныхъ достоинствъ крещающаго. Для дѣла проповѣди, наоборотъ, личность, личные достоинства имѣютъ главенствующее значеніе. Такимъ образомъ, уполномочивая на церковную проповѣдь того, кто самъ по себѣ не имѣетъ на нее ни права, ни обязанности,—діакона или мірянина,—епископъ руководствуется предположеніемъ, что именно личные качества уполномочиваемаго дѣлаютъ служеніе его Церкви въ качествѣ проповѣдника полезнымъ или даже необходимымъ для Церкви. Нечего удивляться тому, что такія приглашенія встрѣчаются въ высшей степени рѣдко. Діаконъ, обладавшій учительнымъ даромъ, въ большинствѣ случаевъ просто посвящался въ пресвитеры, ибо такіе люди нужны были для Церкви и Церковь искала ихъ. Мірянинъ, такъ или иначе проявившій даръ учительства и соотвѣтствующій нравственно, волею или неволею причащался Церковью къ священству, или „восхищался“ народомъ въ епископы, или предлагаемъ былъ къ епископству клиромъ и соборомъ епископовъ. Златоустый, въ книгахъ своихъ о священствѣ, живо изображаетъ намъ рвеніе, съ которымъ изыскивала Церковь людей годныхъ для ея служенія, какъ вербовала она вѣхъ, такъ или иначе ознаменовавшихъ себя дарами духовными, и какъ употребляла духовное насиліе, чтобы посвятить ихъ служенію церковному. Случай, когда міряне по скромности скрывались и бѣгали отъ посвященія въ епископы или пресвитеры, встрѣчаются чуть ли не на вѣхъ страницахъ исторіи древней Церкви. Вспомнимъ, что адвокатъ Евсевій, едва проявивъ даръ свой и рвеніе свое въ борьбѣ съ несторіанствомъ, тотчасъ же оказывается епископомъ Дорилейскимъ. Итакъ, случаи уполномочія мірянъ на церковную проповѣдь по самой простотѣ вещей должны были быть очень рѣдкими, ибо Церковь способныхъ къ проповѣди и учительству мірянъ въ большинствѣ случаевъ не оставляла мірянами.

Остатокъ древняго порядка уполномочиванія на проповѣдь лицъ, по сану своему неимѣющихъ права и обязанности проповѣдывать въ храмѣ, сохранился и до сего времени въ преданіяхъ Церкви православной. Такъ, состоящіе въ духовномъ сословіи, т.-е. невышедшіе изъ него и окончившіе курсъ семинаріи, напр. состоящіе учителями семинаріи или духовныхъ училищъ, проповѣдуютъ иногда по приглашенію священниковъ или по соизволенію епископовъ, какъ посвященные въ стихарь или причисленные къ клиру, т.-е. клирики. Фактъ совершенно каноническій, т.-е. совершенно соотвѣтствующій духу и преданіямъ церковнымъ, но объясненіе совершенно неправильное и совершенно неканоническое. Принадлежность къ клиру, званіе клирика не даютъ сами по себѣ никакого права на проповѣдь, учительство церковное, и не даютъ даже никакого въ этомъ отношеніи преимущества передъ міряниномъ, а полномочіе со стороны епископа можетъ быть дано и не клирику.

Но все, что говорили мы до сихъ поръ, т.-е. все полномочія и все ограниченія относятся только къ церковной проповѣди, въ строгомъ смыслѣ этого слова — проповѣди съ церковной кафедры или амвона, проповѣди отъ лица епископа и отъ имени епископа, ибо все *официально* проповѣдующіе въ церкви — проповѣдуютъ отъ его лица и отъ его имени. Въ совершенно другомъ свѣтѣ представляется намъ проповѣдь внѣцерковная, неимѣющая характера церковнаго полномочія, проявляющаяся въ видѣ частныхъ разсужденій о вѣрѣ, частныхъ споровъ, частныхъ наставленій и частныхъ поученій другъ къ другу. Все церковные историки, къ какому бы исповѣданію они не принадлежали, признаютъ за мірянами это право. Приведемъ для примѣра конечный выводъ строго католическаго историка христіанской проповѣди: „Хотя достаточно ясно, что мірянамъ и монахамъ, состоящимъ въ числѣ мірянъ, воспрещено было публично проповѣдывать, нельзя, однако отрицать, что отнюдь не возбранялось имъ ни частно разсуждать о предметахъ вѣры или относящемся къ душевному спасенію, ни разсуждать публично даже по справедливому и заслуживающему одобренія поводу, по повелѣнію или разрѣшенію самого епископа“ (*Ferrarii. De ritu sacraum eccl. vet. concionum. Mediolani. 1621, p. 201*). Возможность и правость такихъ разсужденій объясняется между прочимъ и тою обязательностью самостоятельнаго чтенія и изученія Св. Писанія, какъ источника вѣры и религіозныхъ убѣжденій, о которой такъ подробно говорятъ Отцы Церкви, и прежде всего Златоустъ. Только по ученію г. Тихомирова, вѣрующій можетъ и долженъ радѣть только о собственномъ своемъ спасеніи, а слѣдовательно и изучать только для самого себя; Церковь, какъ уже неоднократно указывали и доказывали мы, смотритъ на дѣло совершенно иначе и строго сохраняетъ по отношенію къ отдѣльнымъ вѣрующимъ требованіе Апостола: „наставляйте другъ друга“ (1-е Фесс., V, 11, 14; Евр., III, 12, 13; X. 24, 25). Поэтому и изучающій не для себя только изучаетъ, но и для того, чтобы наставить, хотя бы того только, кто обратится къ нему за наставленіемъ. „Возьми книгу въ руки, читай всякое повѣствованіе, восклицаетъ Златоустъ къ тому, кто отговаривается неудобопонимаемостью Писанія, и что понятно — затверждай въ памяти, темное же и малопонятное прочитай чаще. Ежели и по тщательномъ чтеніи не пони-

маешь, *поди къ чловѣтку, болѣе просвѣщенному*, поди къ учителю, посо-вѣтуйся съ нимъ о томъ, что написано, объяви ему твое желаніе, и Богъ, увидя толикую готовность твоего сердца, не презритъ твоего бодрствованія и заботливости. Но, хотя бы и никто не научилъ тебя тому, то безъ сомнѣнія самъ Богъ откроетъ тебѣ“ (Бесѣда 3-я о Лазарѣ). Если и предполагать, что подъ учителемъ (*διδασκαλος*) подразумѣвается непременно обязанный учить, т.-е. епископъ или священникъ, то на ряду съ нимъ Златоустъ совѣтуетъ обра-щаться ко всякому просвѣщенному чловѣку вообще, явно имѣя въ виду только преимущество болѣе просвѣщеннаго надъ менѣе просвѣщеннымъ.

Отцы Церкви изображаютъ намъ великій интересъ, который принимали міряне всѣхъ классовъ и всѣхъ состояній въ догматическихъ вопросахъ въ эпохи возникновенія и обсужденія ересей, а также и споры и разсужденія, которые вели міряне эти между собою. Такъ напр. Григорій Нисскій описуетъ намъ, какъ ремесленники, мѣнялы, торговцы старымъ платьемъ, убѣжавшіе отъ дѣла рабы, съ серьезнѣйшими минами, становятся учителями догматики; какъ нельзя войти въ лавку мѣнялы, купить хлѣба, заказать баню, не будучи вовлеченнымъ въ философскія разсужденія о зижденности или незижденности, о подчиненности Сына Отцу и т. п. Представляя изображеніе это, Григорій Нисскій осуждаетъ стремленіе къ догматическимъ опредѣленіямъ, оторванности отъ практической жизни церковной, отъ дѣятельнаго христіанства, осуждаетъ разсужденія невѣжественныхъ людей о томъ, чего они не вѣдаютъ и не понимаютъ, но отнюдь не осуждаетъ самаго стремленія мірянъ заниматься во-просами, яко бы составляющими достояніе одного только клира (*Gregorii Nis-seni. Orat. de deitate Filii Opp., t. III, p. 666 Ed Paris*). Совершенно такую же картину религіозно-догматическихъ споровъ народа изображаетъ намъ и Григорій Назіанзинъ и опять осуждаетъ только стремленіе къ догматизму, къ догматической полемикѣ, къ обличенію ересей и къ уличенію въ ересь, но не говоритъ мірянамъ, что они занимаются тѣмъ, чѣмъ подобаетъ зани-маться клиру, ибо въ томъ же зачастую обвиняетъ онъ и клиръ (*Orat., XXVІІ, 2*). Это стремленіе къ догматическимъ спорамъ и догматическимъ обличеніямъ и уличеніямъ, говоритъ онъ, раздѣляетъ тѣло церковное, отторгаетъ вѣрующахъ другъ отъ друга (*Orat., XXXІІ, 4*). И тутъ въ длинномъ и подробномъ изложеніи онъ не отличаетъ мірянъ отъ клириковъ, а осуждаетъ только самое стремленіе и говоритъ объ ученыхъ и неученыхъ, а не о клирикахъ и міря-нахъ. Стремленіе къ догматическимъ опредѣленіямъ и догматическимъ слово-ученіямъ равно осуждаетъ Григорій Назіанзинъ и въ народѣ и въ клирѣ, какъ отторгающее отъ существенныхъ задачъ христіанства, отъ дѣятельнаго благочестія въ исполненіи заповѣдей Христовыхъ, проявляющагося въ уходѣ за больными, въ вспоможеніи бѣднымъ, въ радушномъ гостепріимствѣ, горячей молитвѣ, самопожертвованіи и самоотрицаніи и т. п.: „Ежелибъ вѣра существовала только для ученыхъ, заключаетъ онъ, то никто между нами не былъ бы такъ бѣденъ, какъ Богъ“ (*Sargmen. De vita sua, v. 1210 — 1231. Ср. Orat., XVII*). Подъ *учеными* подразумѣваетъ онъ тѣхъ, которые не только принимаютъ и исполняютъ истинны вѣры, но и способны спорить о нихъ, разсуждать о нихъ. Такимъ же точно образомъ и Златоустъ осуждаетъ

страсть къ догматизму, догматическимъ опредѣленіямъ и догматическимъ словоченіямъ, какъ отторгающую отъ дѣйствительныхъ задачъ жизнедѣятельности церковной и заставляющую позабывать объ этихъ задачахъ (*Chrysostomi. Homil 26, in epist. 2 ad Corinth*). Григорій Назіанзинъ разсуждаетъ, что философствовать о Богѣ должны не всѣ, но только тѣ, которые испытаны и опыты въ познаніи, очистили души и тѣла свои или занимаются этимъ очищеніемъ, и при томъ не всегда и не со всѣми, но только съ тѣми, которые относятся къ дѣлу серьезно, а не дѣлаютъ изъ этого времяпрепровожденія напр., послѣ конскихъ бѣговъ, театра, пѣсенъ, удовлетворенія брюха и т. п. (*Orat. XXVII, 3, 5, 6*). Осуждая въ мірянахъ, какъ и въ представителяхъ высшаго клира стремленіе къ догматизированію и къ обличенію въ еретическихъ убѣжденіяхъ, порождающему раздѣленіе и раздробленіе церковное, Григорій Назіанзинъ преподаетъ паствѣ своей, состоящей, разумѣется, преимущественно изъ мірянъ, слѣдующія наставленія. „Не осуждай брата своего и не обвиняй его легко въ безбожіи, не дѣйствуй легкомысленно, когда осуждаешь его или оправдываешь, но дѣйствуй на него со смиреніемъ, давая брату преимущество передъ собою, и не ко вреду себѣ, ибо осужденіе твое и презрѣніе равносильно удаленію брата отъ Христа и отъ единственной надежды на спасеніе и соединено съ опасностью вырвать вмѣстѣ съ плевелами скрытый плодъ, можетъ быть достойнѣйшій тебя самого. Но поднимай его кротко и любовно, не какъ противникъ, не какъ любящій насиліе врачъ, умѣющій только рѣзать и выжигать; познавай лучше въ смиреніи самого себя и собственную слабость свою. Во истину не одно и то же вырвать растеніе или проходящій цвѣтокъ — и вырвать человѣка. Ты — подобіе Божіе и имѣешь дѣло съ подобіемъ Божіимъ и ты — судящій, самъ будешь судиться. Итакъ, не пытай брата своего, какъ тотъ, кто самъ будетъ судиться такою же мѣрою“ (*Orat., XXXII, 29*).

Итакъ, Церковь устами учителей своихъ не требуетъ отъ вѣрующаго невмѣшательства въ религіозныя убѣжденія братьевъ, не говоритъ, подобно г. Тихомирову, что ему долѣе радѣть только о собственномъ своемъ индивидуальномъ спасеніи, но благословляетъ истинную заботу вѣрующаго о вѣрѣ братьевъ и требуетъ только, чтобы онъ воздерживался отъ легкомысленнаго устнаго философствованія о Богѣ, отъ стремленія къ догматизированію и обличенію другихъ въ ереси (т.-е. именно отъ того, что дѣлаетъ г. Тихомировъ), отъ слишкомъ легкаго осужденія другихъ и не забывалъ о существенно важныхъ практическихъ сторонахъ жизнедѣятельности церковной, о практическомъ назначеніи Церкви. Тѣ же требованія предъявляетъ Григорій Назіанзинъ, котораго мы имѣемъ въ настоящее время въ виду, не однимъ только мірянамъ, но и всѣмъ членамъ Церкви, т.-е. клиру, равно какъ и мірянамъ. Недостатокъ мѣста препятствуетъ намъ въ данномъ случаѣ привести совершенно параллельныя мѣста.

Но современное свѣтское учительство, на которое такъ нападаетъ г. Тихомировъ, совершенно чуждо и тому, что называетъ Григорій Назіанзинъ философствованіемъ о Богѣ и порицаемыхъ имъ стремленій къ догматизированію, къ разыскванію и обличенію ересей и т. п. Мы говоримъ, по крайней мѣрѣ,

о свѣтскомъ учительствѣ „Хомяковыхъ и Аксаковыхъ“, какъ выражается г. Тихомировъ. Не знаю, имѣлъ ли г. Тихомировъ въ виду одного только покойнаго И. С. Аксакова, или и меня — пишущаго эти строки, но какъ писавшій также о церковныхъ вопросахъ и какъ единственный, остающійся въ живыхъ, я принимаю и въ этомъ отношеніи его вызовъ. Прежде всего никто изъ названныхъ имъ людей никогда не писалъ о догматахъ церковныхъ, не догматизировалъ и не философствовалъ о Богѣ, какъ выражается Григорій Назіанзинъ. Хомяковъ изложилъ только ученіе о Церкви и не новое какое-либо ученіе, а то, какое хранилось въ самомъ сознаніи церковномъ и затемнялось только неправильными изложеніями ученыхъ богослововъ, черпавшихъ мудрость свою въ трудахъ католическихъ и протестантскихъ догматиковъ, какъ напр., если угодно знать г. Тихомирову, въ знаменитыхъ *Praelectiones theologicae* іезуита Перониуса. Но и это изложеніе свое Хомяковъ не прямо обратилъ даже къ церкви православной, а выразилъ въ отвѣтъ западнымъ врагамъ православія, выразилъ потому, что никто не рѣшался выразить безъ него и голосъ запада сопровождался православнымъ безмолвіемъ. Ю. О. Самаринъ превосходно доказалъ зависимость православнаго русскаго богословія отъ западныхъ, т.-е католическихъ и протестантскихъ изложеній и такъ сказать обличилъ бездѣйствіе и безжизненность современнаго русскаго богословскаго мышленія. И. С. Аксаковъ доказывалъ необходимость свободы совѣсти и указывалъ на настоящія отношенія Церкви къ государству. Тому же вопросу о свободѣ совѣсти посвящено и мое изслѣдованіе, а также и нѣкоторыя болѣе мелкія статьи. Явно, что вся дѣятельность эта отнюдь не противорѣчитъ тому, что говоритъ Григорій Назіанзинъ. Но какъ видно изъ всего настоящаго труда нашего, дѣятельность „свѣтскаго учителя“ можетъ ити и гораздо дальше.

Но въ разсужденіяхъ г. Тихомирова о броженіяхъ, производимыхъ „свѣтскимъ учительствомъ“, есть и дерзкая клевета, оправдываемая, можетъ быть, развѣ только полнымъ его невѣжествомъ во всемъ, что касается Церкви и Ея интересовъ. Приведемъ его слова: „Огромная доля этого броженія уходитъ прямо въ сектантство или противное Церкви (какъ Пашковщина), или даже не заслуживающее названія христіанскаго (какъ Толстовщина). Другая часть движенія не только не ищетъ руководства Церкви, но страстно критикуетъ ее и открыто выражаетъ стремленіе сверху донизу ее передѣлать“. Что же это за вторая часть движенія и кто вожаки ея? Такъ какъ тотчасъ послѣ этого идетъ рѣчь о ссылкахъ представителей броженія „на Хомякова, Достоевскаго, Леонтьева, Соловьева и т. д.“, то и нужно предположить, что стремленіе сверху донизу передѣлать Церковь приписывается имъ. Читатель не можетъ понять иначе, ибо г. Тихомировъ никакихъ другихъ передѣлывателей и не называетъ. Оставимъ г. Леонтьева г. Тихомирову. Довольно напрасно приведенъ и Достоевскій. Среди писателей и беллетристовъ, о религіи вообще умалчивающихъ, О. М. Достоевскій былъ писателемъ-беллетристомъ, религіи вообще не скрывающимъ и отводящимъ ей достоюлжное мѣсто въ изображаемой имъ жизнедѣятельности людей. Пользу онъ этимъ принесъ несомнѣнную, но много говорить о немъ не приходится, ибо понятіе о „свѣтскомъ учительствѣ“ къ нему отнюдь не примѣнимо. Остаются стало быть „Хомяковъ,

Соловьевъ и т. д.“. Насколько намъ извѣстно, В. С. Соловьевъ также совершенно чистъ отъ стремленія сверху донизу передѣлать всю Церковь и отъ страстной критики ея, хотя во многихъ отношеніяхъ мы и не можемъ съ нимъ согласиться. Остается стало быть „Хомяковъ и т. д.“ В. Соловьевъ пусть самъ за себя отвѣтитъ.

Итакъ, „Хомяковъ и т. д.,“ страстно критикуютъ Церковь и открыто выражаютъ стремленіе сверху донизу ея передѣлать“. Какую это Церковь критикуютъ Хомяковъ и т. д.? Святую Соборную, Апостольскую Церковь, основанную Христомъ и имѣющую пребывать до конца временъ, не могущую быть осиленной даже и вратами адовыми, Церковь независимую отъ даннаго времени, но единую во всѣхъ временахъ? Но за эту-то именно Церковь во всей чистотѣ ея, свободѣ и независимости всѣхъ проявленій, во всемъ просторѣ силъ ея и ратуетъ Хомяковъ и т. д. Въ своемъ стремленіи къ обвиненіямъ, своемъ крайнемъ невѣжествѣ г. Тихомировъ и не подразумѣваетъ, что критиковать Церковь, критиковать такъ или иначе выразившееся ученіе о Церкви, и критиковать какое-либо данное положеніе Церкви — три вещи совершенно различныя. Никто, можетъ быть, не осуждалъ такъ іерархію своего времени, какъ Григорій Назіанзинъ. Никто не изображалъ такими яркими красками печальное состояніе всей современной ему Церкви, какъ тотъ же Григорій Назіанзинъ. „Слезъ достойно настоящее наше положеніе“, говоритъ Іоаннъ Златоустъ. Яркую картину всего церковнаго неустроенія и всего прискорбнаго положенія Церкви за данную эпоху видѣли мы уже выше изъ словъ Василія Великаго. Неужели же они критиковали Церковь? Нѣтъ, только грустное положеніе Церкви своего времени. Неужели они осуждали Церковь? Нѣтъ, только церковныхъ дѣятелей своего времени, только тѣ обстоятельства, которыя привели къ такому печальному положенію и тѣ условія, въ которыя поставлена была Церковь. Никогда, ни Хомяковъ, ни одинъ изъ соработниковъ его или послѣдователей не рѣшались изображать такую яркую картину печальнаго положенія современной имъ Церкви, хотя и чувствовали, можетъ быть, скорбя и изнывая духомъ, что „слезъ достойно настоящее наше положеніе“. Итакъ, не Церковь, страстно критиковали вызывающіе негодованіе г. Тихомировымъ люди, а ложное положеніе, въ которое она поставлена, и безмолвіе и бездѣйствіе ея прямо изъ этого положенія вытекающія.

Еще легче отвѣчать намъ на клеветнической упрекъ „въ открыто выражаемомъ стремленіи сверху донизу передѣлать Церковь“. Кого это стремятся передѣлать покорные силѣ, стоящей въ вѣкахъ Церкви православной? Единую, Соборную, Святую, Апостольскую Церковь, неизмѣнную въ теченіе всѣхъ двадцати столѣтій, которая пережила она? Но мы вѣдь и протестуемъ только противъ *передѣлокъ*, которыя претерпѣла она, правда, во внѣшнемъ только своемъ устройствѣ, но которыя тормозятъ, однако, жизнедѣятельность ея, препятствуютъ ей всецѣло исполнять свое назначеніе. Послѣдую святымъ отцамъ въ различеніи между Церковью и условіями даннаго ея положенія и въ возможности и необходимости критическаго къ нему отношенія, мы желаемъ только того, чтобы возстановилось заторможенное нынѣ дѣйствіе всѣхъ тѣхъ каноновъ, которыми начертала Церковь строй собствен-

наго своего управленія или, точнѣе, самоуправленія, чтобы Церковь свободно жила тою жизнью, строй которой начертала она въ силу апостольскаго преданія соборными своими постановленіями. Если смѣлая рука г. Тихомирова поднимется и на соборныя постановленія эти, то пусть вычеркиваетъ онъ ихъ, создаетъ Церковь по своему усмотрѣнію, сочиняетъ православіе и осуждаетъ насъ и наши стремленія. Не передѣлать сверху донизу Церковь стремимся мы, а указать и обратить вниманіе на совершившіяся уже въ ней передѣлки, и по мѣрѣ силъ своихъ радѣть объ ихъ устраниеніи, ибо мы твердо убѣждены, что недуги современнаго общества могутъ быть исцѣлены и уврачеваны только Церковью, вступившею въ права свои, самоуправляющеюся такъ, какъ въ силу апостольскихъ преданій постановила она себѣ самоуправляться, вернувшююся въ тотъ строй, который создала она себѣ собственнымъ своимъ самоопредѣленіемъ.

VIII.

Намъ остается поговорить только о писанныхъ проявленіяхъ „свѣтскаго учительства“, какъ, издѣваясь, называетъ г. Тихомировъ всякое выраженіе вѣры мірянъ, забывая, что выраженіе вѣры этой есть выраженіе не ихъ личной вѣры, но вѣры Церкви, воспринятой ими, и во славу ея излагаемой ими. Но прежде, чѣмъ приступить къ изложенію письменныхъ проявленій вѣры мірянъ, такъ или иначе свидѣтельствующихъ о Церкви, остановимъ вниманіе еще на одномъ проявленіи даннаго учительства.

Мы говоримъ о знаменитой Александрійской школѣ катехетовъ или огласителей. Оспаривать великаго значенія этой школы въ жизнедѣятельности церковной не будетъ, разумѣется, никто, знакомый сколько-нибудь съ исторіею жизнедѣятельности церковной. Она наложила значительный отпечатокъ на все дальнѣйшее развитіе православнаго христіанскаго богословія, внесла не мало вкладовъ въ православное Богопознаніе. Первымъ преподавателемъ этой школы — прототипа веѣхъ позднѣйшихъ школъ богословскихъ — былъ Пантенъ, перешедшій въ христіанство стоическій философъ. Мы почти ничего не знаемъ о жизни его, но церковные источники, упоминая о немъ, не дѣлаютъ ни малѣйшаго намека на то, чтобы онъ былъ пресвитеромъ или вообще принадлежалъ къ клиру, имѣлъ бы какое-либо церковное званіе, а потому мы и можемъ совершенно смѣло почитать его міряниномъ. Преемникомъ Пантена, въ качествѣ катехизатора, былъ знаменитый Климентъ Александрійскій, правда, въ 195 году, по свидѣтельству Евсевія, посвященный въ пресвитеры, но начавшій учительскую дѣятельность свою еще съ 189 года, очевидно міряниномъ, ибо до того времени онъ упоминается безъ всякаго титула. Клименту Александрійскому пришлось бѣжать изъ Александріи во время гоненія Деціева и мѣсто его въ школѣ по усмотрѣнію епископа Димитрія занялъ съ 202 года семнадцатилѣтній юноша-мірянинъ Оригенъ, бывшій учителемъ столькихъ православныхъ учителей Церкви.

О письменныхъ проявленіяхъ „свѣтскаго учительства“ будемъ говорить мы кратко. Если, какъ видѣли мы выше, Церковь предоставляла мірянамъ право даже обличать іерарховъ, когда уклонялись они отъ достодожняго, то, разумѣется, они, т.-е. міряне, могли и письменно, а не только устно выражать свое обличеніе. Если же они могли защищать православную вѣру даже отъ неправомыслящихъ іерарховъ, то кольми же паче могли защищать они ее отъ другихъ неправомыслящихъ мірянъ или даже иновѣрцевъ.

Если же они могли защищать православную вѣру свою,—могли, ради нужды церковной, посвящать силы свои тому, что называется теперь полемиическимъ или обличительнымъ богословіемъ, то они могли такимъ же точно образомъ и излагать вѣру свою, какъ отраженіе вѣры церковной, по убѣжденію ихъ. Если вѣрующіе должны были, по словамъ Апостола, давать, въ случаѣ нужды, отчетъ въ вѣрѣ своей, то, разумѣется, они могли представлять отчетъ этотъ не только устно, но и письменно.

Свѣтское писательство, а вельдѣствіе того и свѣтское учительство въ Церкви не составляетъ какой-либо атрибутъ нашего времени, но существовало всегда и почти также древне, какъ и самая Церковь. Сдѣлаемъ краткій обзоръ церковнаго писательства мірянъ, начиная съ древнѣйшихъ временъ и отнюдь не гоняясь за полнотою. Мірянами будемъ почитать мы такихъ писателей, о которыхъ это — либо прямо говорится въ источникахъ, либо которые во всѣхъ источникахъ появляются безъ всякаго церковнаго титула и потому должны почитаться простыми мірянами. Присоединимъ сюда и тѣхъ, которые начали свою литературную и учительскую дѣятельность до причисленія къ клиру или избранія въ епископы, т.-е. еще будучи мірянами. Прибавимъ еще къ этому, что церковные историки крайне рѣдко упоминаютъ о какомъ-либо лицѣ, не упоминая о его церковномъ званіи, буде онъ такое имѣетъ. Расположимъ мы церковныхъ писателей въ томъ порядкѣ, въ какомъ находятся они въ спискахъ бл. Іеронима (*De viris illustribus*) и Геннадія Масилійскаго, пополняя сообщаемыя ими свѣдѣнія, а также расширяя и продолжая и самый списокъ.

1. *Аристидъ* (*Hieron*, XX; *Euseb.* Н. *Ecel.*, IV, 3).—Краснорѣчивый философъ, сохранившій свое званіе и свою одежду, и сдѣлавшій послѣдователемъ Христа, чтобы представлять христіанство язычникамъ, какъ новую, небесную философію (*Euseb.*, III, 37; IV, 3; V, 17). Въ Аѳинахъ, одновременно съ Квадратомъ, котораго называютъ епископомъ аѳинскимъ, подалъ онъ императору Адриану (въ 126 году) свою апологію христіанства. Квадратъ подалъ другую. Она, по словамъ Іеронима, и въ его время была памятникомъ ума и духа писавшаго. Апологія эта, по свидѣтельству Адона Виѣнскаго (*Martyr.* ad 3 Octob.), писавшаго въ 860 году, сохранялась еще въ его время (*Neander*, K. g. I, 3. p. 740; *Gieseler*, K. g. 133).

2. *Ариппа*, по прозванію *Касторъ*, — мужъ, по свидѣтельству Іеронима, весьма ученый, написалъ чрезвычайно сильныя возраженія противъ 24 книгъ еретика Василида, толкующихъ Евангеліе. Въ его времена іудейскій мятежникъ Варъ Кохба подвергалъ христіанъ мученіямъ. Возстаніе Варъ Кохбы относится къ 127 году (*Hieron.*, XXI).

3. *Эзринъ* — современникъ Антонина Пія, — еврей изъ Малой Азіи, обратившійся въ христіанство, является первымъ историкомъ юной христіанской Церкви. Вѣроятно, желая противопоставить гностикамъ полный сводъ историческаго преданія церковнаго, онъ предпринялъ трудъ свой и для того совершилъ великое путешествіе, посѣтивъ Римъ, въ которомъ и пробылъ до смерти папы Аникета, десятаго послѣ Петра, по Іерониму. Отъ его „Пяти книгъ церковной исторіи“ до насъ сохранились только фрагменты. (Hieronymus, XXII; Neander, K. g. I, 13; p. 759).

4. *Юстинъ Философъ или Мученикъ* — родился въ городѣ Флавіи Неаполисъ, въ Самаріи, гдѣ была греческая колонія и греческая культура. Какъ и многіе другіе современники, онъ искалъ успокоенія въ философіи, но, не находя его, пришелъ къ христіанству. Особенно подѣйствовали на него противоположности клеветъ на христіанъ съ стойкостью ихъ и мужествомъ, съ которымъ принимали они мученія и смерть. Юстинъ, сдѣлавшись христіаниномъ, сохранилъ философскую одежду свою и философскій образъ жизни. Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что онъ оставался міряниномъ до смерти; ибо и самъ онъ, передавая нѣкоторые данныя о своей жизни, не дѣлаетъ никакого намека на священническое достоинство, или какую бы то ни было принадлежность къ клиру, да и церковные писатели и историки, служащіе источникомъ его біографіи, тоже говорятъ о немъ только, какъ о простомъ христіанинѣ. Евсевій о его принадлежности къ клиру умолчать не могъ бы. Только изъ того, что, описывая крещеніе, онъ говоритъ во второй Апологіи: „окрестивъ новообѣжденнаго, мы ведемъ его собравшимся братьямъ“, одинъ католическій историкъ (Gillemont) заключалъ о его пресвитерствѣ, или, по крайней мѣрѣ, полагалъ возможнымъ дѣлать такое заключеніе. Но совершенно также могъ и долженъ былъ выразиться и всякій мірянинъ. Кромѣ того и въ сохранившихся до насъ актахъ его мученія и суда, гдѣ подробно описывается учиненный ему допросъ, онъ выступаетъ въ качествѣ простаго вѣрующаго, т.-е. мірянина. На вопросъ судьи Рустика: „гдѣ собираются христіане? — Юстинъ отвѣчаетъ: „гдѣ случится“ и т. д. На вопросъ того же Рустика: „гдѣ собираетъ онъ учениковъ своихъ?“ Онъ отвѣчаетъ, „что жилъ до сихъ поръ у Тимоеевыхъ бань, близъ дома нѣкоего Мартина, и со времени втораго прихода своего въ Римъ не посѣщалъ другихъ мѣстъ. Когда же кто приходилъ ко мнѣ, я преподавалъ ему ученіе истины“. Итакъ, сдѣлавшись христіаниномъ и оставаясь христіаниномъ, Юстинъ Мученикъ точно также преподавалъ ученіе христіанское, какъ преподавалъ философію, когда былъ еще язычникомъ-философомъ. Разница заключалась въ томъ, что онъ преподавалъ уже не на публичныхъ мѣстахъ, какъ дѣлали философы, а у себя на дому — приходящимъ. Очень вѣроятно, что приходящіе эти были не столько вѣрующіе, сколько ищущіе вѣры. Не подлежитъ, какъ увидимъ мы ниже, никакому сомнѣнію, что Юстинъ ученіемъ своимъ обращалъ язычниковъ въ христіанство. Онъ написалъ двѣ апологіи, въ которыхъ доказывалъ тщету язычества и развивалъ ученіе христіанское. Въ „Діалогѣ съ Трифономъ“ онъ полемизируетъ съ іудаизмомъ и доказываетъ истинну христіанскаго ученія. Кромѣ того ему приписываются сочиненія De Monarchia Dei, Epistola ad Deognetum и др. Сочиненія эти во все времена высоко ста-

видись Церковью. Онъ же боролся съ современными ему ересями въ трудахъ: *Contra Marcionem* и *Contra omnes haereres* (Hieronymus, XXIII; *Neander*, K. g. I, III; 740, 741 ff. *Baumgarten Crusius* Dogmengeschichte, I, 271).

5. *Tatianъ*, ассириецъ по происхожденію, сперва риторгъ, а потомъ ученикъ и послѣдователь Юстина Мученика. По собственному его разсказу, онъ не могъ вѣрить за одно съ народомъ языческимъ и долго искалъ истины. Но ни мистеріи, въ которыя онъ посвящался, ни ученія философовъ не удовлетворяли его, въ особенности въ виду разлада между ученіемъ и нравственною жизнью. Истина смутно начала открываться ему при чтеніи Ветхаго Завѣта. Прибывъ въ Римъ, онъ окончательно былъ убѣжденъ и обращенъ въ христіанство Юстиномъ Философомъ. По смерти Юстина, онъ написалъ свое апологетическое „Слово къ язычникамъ“. Осуждая философію, онъ видитъ въ ней однако своего рода приготовленіе къ христіанству. Впослѣдствіи *Tatianъ* совратился въ сторону еретическаго гностицизма (Hieronymus, XXIX; *Neander*, K. g. I, 3, p. 505, 774; *Baumgarten-Crusius* D. g. I, 173, 148).

6. *Музанъ* — non ignobilis inter eos qui celesiastica dogmata scriserunt—при Маркѣ Антонинѣ Верѣ написалъ книгу къ нѣкоторымъ братьямъ, склоняющимся отъ Церкви къ ереси энкратитовъ (Hieronymus, XXXI). Энкратиты были одною изъ сектъ еретическаго гностицизма.

7. „*Модестъ* при императорѣ Маркѣ Антонинѣ и Луціи Авреліи Комодѣ написалъ книгу противъ гностика Маркіона, существующую и до сего времени (т.-е. до времени Иеронима). Ему же приписываются и другія сочиненія, которыя учеными признаются, однако за подложныя“ (Hieronymus, XXXII).

8. *Пантенъ*,—сперва стоическій философъ, а потомъ христіанинъ и преподаватель знаменитой Александрійской школы катехетовъ или огласителей. Назначеніе школы было готовить къ вѣрѣ и къ истинному познанію вѣры ищущихъ истины язычниковъ и принявшихъ или готовящихся принять христіанство. Школа являлась такимъ образомъ и распространительницею христіанства среди язычниковъ черезъ преподаваніе приводящей къ христіанству философіи и своего рода высшею богословскою школою для христіанъ. О происхожденіи школы Иеронимъ говоритъ, что „еще со времени Марка Евангелиста былъ въ Александріи обычай имѣть церковныхъ учителей“, очевидно отличныхъ отъ обыкновеннаго пастырства, ибо и все пастыри были учителями. Это уже одно доказываетъ, что катехеты Александрійской школы не были пастырями, т.-е. епископами или пресвитерами, ибо тогда нечего было бы говорить объ особомъ обычаѣ. Такимъ-то именно огласителемъ-катехетомъ былъ и Пантенъ. Онъ распространялъ, какъ и его послѣдователи, христіанство среди язычниковъ черезъ преподаваніе философіи и подготавливалъ оглашенныхъ черезъ научное изученіе Св. Писанія. Онъ такъ прославился знаніемъ какъ Св. Писанія, такъ и мірской литературы, что его вызвали въ Индію черезъ пословъ и епископъ Димитрій отпустилъ его туда на время. Тамъ нашолъ онъ христіанство, проповѣданное тамъ апостоломъ Вареоломеемъ и принесъ оттуда Евангеліе Маттея, писанное по-еврейски. Евсевій распредѣляетъ катехетовъ александрійскихъ въ слѣдующемъ хронологическомъ порядкѣ: Пантенъ, Климентъ Александрійскій, Оригенъ, Иракласъ, Діонисій, Аенендоръ, Пеарій

и Θεογность. По свидѣтельству Іеронима, имѣются многія, написанныя Пантенемъ, книги толкованій на Св. Писаніе, но еще больше пользы принесъ церквамъ живой его голосъ. Александрійская школа называлась то „училищемъ оглашенія (Евсевій, VI, 3, 1; VI, 26), то священнымъ (ιερον) училищемъ священныхъ наукъ (Sozomenus, H. Eccl. III, 15), то просто „церковною школою“ (Hieron., XXXVIII). Учителемъ Пантенъ при Септиміи Северѣ и Каракаллѣ (*Hieronymus*, XXXVI; *Neander* K. g. I, 3, p. 601, 779; *Gieseler*, K. g. 186; *Harlegs*, *Introducet en historiam linsuae graec.*, II, 2, p. 190).

10. *Климентъ Александрійскій*. Онъ называется пресвитеромъ. Но съ какого времени сталъ онъ пресвитеромъ? То обстоятельство, что предшественникъ его Пантенъ, какъ и непосредственный преемникъ его Оригенъ былъ мірянами, равно какъ мірянами были и позднѣйшіе катехеты (пока были въ этомъ званіи), дѣлаетъ для насъ въ высшей степени вѣроятнымъ, если даже не несомнѣннымъ, что и онъ получилъ пресвитерство только тогда, когда вслѣдствіе гоненія долженъ былъ оставить и школу и Александрію, т. е. въ 202 году, при Септиміи Северѣ. Мы застаемъ его сперва въ Іерусалимѣ, а затѣмъ въ Антиохіи, куда прибылъ онъ съ рекомендательнымъ письмомъ къ мѣстной Церкви отъ Александра, епископа Іерусалимскаго. Умеръ онъ въ 218 году. Его Λογος προτρεπτικος — несомнѣнно его же лекціи, обращенные къ язычникамъ въ Александрійской школѣ. По тону этихъ лекцій, точно такъ же, какъ и по тону „Строматъ“, по манерѣ съ которою онъ пользуется въ нихъ языческою наукою и языческою литературою, — живо чувствуется мірянинъ-профессоръ, а никоимъ образомъ не пресвитеръ, несмотря на сказывающееся въ нихъ глубокое знаніе и пониманіе Писанія и христіанства. Кромѣ сохранившихся для насъ „Строматъ“, „Педагога“, „Рѣчи къ язычникамъ“ и проповѣди о богатомъ, Климентъ Александрійскій написалъ еще 8 книгъ „Ипотипозъ“, „о постѣ“, „о церковныхъ канонахъ“ и „противъ заблужденія іудействующихъ“, которую предварительно прочелъ Александру Іерусалимскому. Пресвитерство получилъ Климентъ, вѣроятно, въ Іерусалимѣ, такъ какъ въ письмѣ Александра къ Антиохійской Церкви о немъ говорится какъ уже о пресвитерѣ, при чемъ говорится, что „явившись въ Іерусалимъ по благоволенію и усмотрѣнію Божию, онъ утвердилъ и умножилъ Церковь Божию.“ (*Hieronymus*, XXXVIII, *Neander* K. g. I, 3, p. 779; *Harless* III 208, *Gieseler*, 186. *Baumgarten-Crusius* I, 174).

11. *Мильтиадъ* — современникъ Марка Антонина и Коммода, написалъ и вручилъ императорамъ Аполлогію христіанства. Кромѣ того написалъ онъ большое сочиненіе противъ ереси Монтана и его послѣдователей, а также другое сочиненіе противъ язычниковъ и іудеевъ (*Hieronymus*. XXXIX).

12. *Гермій* — апологетъ, написавшій „Осмѣяніе языческихъ философовъ“, и по тому, что нигдѣ не упоминается о какой бы то ни было принадлежности его къ клиру и по самому тону и характеру изложенія, необходимо долженъ почитаться простымъ міряниномъ (*Neander*, K. 9. I, 3, p. 757; *Harless*, II, 2, p. 208; *Baumgarten-Crusius*, I, 176).

13. *Родонъ*, азіатецъ по происхожденію, былъ въ Римѣ слушателемъ Татіана-апологета, ученика Юстина Мученика, и отъ него обращенъ въ хри-

стіанство. Отъ православія Родонъ не отклонился однако вельдъ за своимъ учителемъ; о немъ упоминается всегда, какъ о принадлежащемъ къ Церкви и борющемся съ еретиками. По свидѣтельству Филиппа Сидета (480 г.), онъ былъ нѣкоторое время катехетомъ Александрійской школы; когда—неизвѣстно. Изучивъ св. Писаніе въ Римѣ, онъ написалъ трудъ противъ гностика Маркіона, въ которомъ указывалъ, между прочимъ, на разнь, господствующую среди маркіонитовъ. Кромѣ того онъ возражалъ противъ убѣжденій, къ которымъ подъ старость пришелъ гностикъ Аполлосъ, отказавшійся отъ гностицизма и проповѣдавшій, что спасеніе достигается самою вѣрою помимо объективнаго, догматическаго ея содержанія. Онъ же написалъ книгу противъ ереси катафригивъ—отрасли гностицизма, и прекрасныя разсужденія на шестидневъ (*elegantes tractatus*). О немъ неоднократно упоминаетъ Евсевій. Жилъ онъ при императорахъ Коммодѣ и Септиміи Северѣ (*Hieronimus*, XXXVII; *Neander* I, 2, 536, 537; *Baumgarten-Crusius*, I, 163, II, 759. *Gieseler*, 186). Ему же приписываетъ Иеронимъ еще сочиненіе противъ Монтана и монтанистовъ (*Hieronimus*, XXXIX).

14. *Аполлоній* — мужъ краснорѣчивый (*vir disertissimus*), написалъ большое и прекрасное сочиненіе противъ ереси Монтана и его послѣдователей, нападая особенно на образъ жизни и тщетность пророковъ монтанизма. Ему отвѣчалъ особою книгою Тертуліанъ, въ то время принадлежавшій уже къ монтанистамъ и нападавшій на Церковь. Жилъ Аполлоній при Коммодѣ и Септиміи Северѣ (*Hieronimus*, XL; *Gieseler*, 135).

15. *Аполлоній* — сенаторъ при Коммодѣ. Онъ былъ выданъ рабомъ своимъ, обвиненъ въ христіанствѣ, написалъ апологію христіанства и прочелъ ее въ сенатѣ, который однако же на основаніи стараго закона приговорилъ его къ смерти. Онъ былъ обезглавленъ (*Hieronimus*, с. 42; *Neander*, I, 1, p. 119).

16. *Ираклитъ* — во времена Коммода и Септиміи Севера написалъ толкованія на Апостола (*Hieronimus*, с. 46).

17. *Максимъ* — при тѣхъ же императорахъ разобралъ въ прекрасной книгѣ важный вопросъ о происхожденіи зла и доказалъ, что матерія происходитъ отъ Бога (*Hieronimus*, с. 47). Значительный фрагментъ этого сочиненія сохраненъ для насъ въ видѣ обширной выноски Евсевіемъ Кесарійскимъ (*Eusebii*. Praepar. Evang., VII, с. 22). По этому отрывку можно судить, что Максимъ былъ глубокимъ философомъ, широко и всесторонне разсматривавшимъ свой предметъ. То обстоятельство, что отрывокъ этотъ не въ качествѣ заимствованія цѣликомъ, а буквально находится въ приписываемомъ Оригену трудѣ *Contra Marcionitas*, именно въ четвертой части его, даетъ намъ основаніе предполагать, что весь трудъ этотъ или, по крайней мѣрѣ, четвертая часть его ошибочно приписывается Оригену, и есть именно упоминаемое Иеронимомъ и цитируемое Евсевіемъ произведеніе нашего Максима (См. *Seguieri notae ad Euseb. Praepar. p.*, 1537. *Ed. Migne*).—*Neander*, I, 3, 823; *Gieseler*, 141.

18. *Кандидъ* — въ царствованія Коммода и Септиміи Севера написалъ прекрасныя разсужденія (*pulcherrimos tractatus*) о шестодневѣ (*Hieron.*, с. 48).

19. *Аппионъ* — при томъ же Северѣ написалъ книгу о томъ же шестодневѣ. (*Hieronym.*, с. 49).

20. *Себетъ* — при Северѣ написалъ книгу о воскресеніи (*Hieronym.*, с. 50).

21. *Арабианъ* — при томъ же Северѣ издалъ небольшія сочиненія (opuscula), касающіяся догматовъ христіанства (*Hieronymus*, с. 51).

22. *Иуда* — при томъ же императорѣ написалъ толкованія на пророка Даниила и хронографъ, доведенный до десятаго года царствованія Септимія Севера. Хронографъ этотъ имѣлъ цѣлью доказать близость прихода Антихристова въ виду частыхъ и жестокихъ гоненій на христіанство, а потому имѣлъ несомнѣнно религіозно-богословскій или, по крайней мѣрѣ, церковно-историческій характеръ (*Hieronym.*, с. 52).

23. *Аеинагоръ*, имя котораго пропущено у Иеронима. Упоминающіе о немъ писатели не придаютъ ему никакого церковнаго сана и называютъ его только аеинскимъ философомъ. Ни въ заглавіи его труда, ни въ самомъ содержаніи его нѣтъ точно также ни малѣйшаго намека на священническое или епископское достоинство. Аеинагоръ вездѣ разсуждаетъ, только какъ христіанскій философъ и мірянинъ. Онъ издалъ сохранившуюся до насъ обширную апологію христіанства, поданную императорамъ Марку Аврелію и Коммоду. Какъ апологетъ, онъ по времени непосредственно слѣдуетъ за Татіаномъ. Апологія его отличается глубиною философскаго мышленія, и въ этомъ отношеніи ставится выше такихъ же произведеній Юстина-мученика. Кромѣ апологіи, написалъ онъ еще книгу о воскресеніи мертвыхъ. Въ отрывкѣ изъ церковной исторіи Филиппа Сидета (480 г.), онъ называется катехетомъ Александрійской школы. (*Neander.*, I, 3, 756 f.; *Baumgarten-Crusius*, I, 173; *Harless*, II, 2, p. 198, 201).

24. *Оригенъ*. — Крупнѣйшимъ представителемъ литературно-богословской дѣятельности мірянъ, какъ и крупнѣйшимъ представителемъ всей богословской науки этого времени вообще, является безспорно Оригенъ. Мы имѣемъ въ источникахъ явныя указанія на то, что онъ былъ міряниномъ и тогда, когда велъ церковную проповѣдь въ Кесаріи, гдѣ и посвященъ былъ потомъ въ пресвитеры, къ великому неудовольствію Димитрія, епископа Александрійскаго. Разсматривать богословской литературной дѣятельности этого плодовитѣйшаго изъ писателей мы, разумѣется, не можемъ. Укажемъ только на то, что не было отрасли богословскаго знанія, которой не посвящалъ бы онъ трудовъ своихъ. Онъ является передъ нами то апологетомъ христіанства противъ язычниковъ (*Contra Celsium*), то борцомъ и обличителемъ ересей (*Philosophumena* и т. д.), то положительнымъ философомъ-догматикомъ (*De principiis* и т. д.), то усерднымъ собирателемъ матеріаловъ ветхозавѣтнаго преданія (Нехареа), то толкователемъ священныхъ книгъ Ветхаго и Новаго Завѣта. О дѣятельности его, какъ школьнаго преподавателя сперва въ Александріи, а затѣмъ въ Кесаріи, сохранились до насъ самыя восторженные отзывы безспорно православныхъ его современниковъ, напр. Григорія Новокесарійскаго или Чудотворца. Правда, нѣкоторые пункты ученія Оригена еще въ свое время признавались не совѣмъ православнымъ, но, какъ доказалъ тогда же одинъ изъ его послѣдователей, признавались не черезъ знакомство съ его сочиненіями, а по устной

передачѣ, зачастую совершенно искажавшій смыслъ ихъ. Позднѣ Пахомій-пустынникъ заподозривалъ православность трудовъ Оригена въ виду того, что ариане ссылались на нихъ, но въ этомъ отношеніи они были блестяще оправданы Аеоанасіемъ Великимъ, указавшимъ на то, что еретики ссылаются и на Св. Писаніе, и въ немъ ищутъ себѣ подтвержденія. Позднѣ бл. Іеронимъ, а за нимъ Епифаній Саламинскій подняли противъ Оригена цѣлую бурю, по поводу увлеченія имъ со стороны палестинскихъ монаховъ. Теофилъ Александрійскій выгналъ монаховъ, послѣдователей Оригена изъ Александріи, но они были приняты въ общеніе Константинопольской Церкви Іоанномъ Златоустомъ, а Теофилъ скоро послѣ того осудилъ и низложилъ и самого Златоуста, и содѣйствовалъ изгнанію его изъ Константинополя. Еще позднѣ, увлеченія Оригеномъ побудили пятый Вселенскій Соборъ осудить нѣкоторые пункты ученія Оригена. Но, осудивъ нѣкоторые ученія, Соборъ не осудилъ самого Оригена. Кромѣ того и у православныхъ Отцовъ и писателей нѣкоторые пункты ученія зачастую признавались не вполне православными. Для примѣра укажемъ только на Кирилла Іерусалимскаго и Иларія Пиктавійскаго, въ трудахъ которыхъ находили слѣды семіарианства. Въ высшей степени важенъ и знаменателенъ, однако, тотъ фактъ, что въ теченіе всего трехсотлѣтняго періода обвиненія Оригена ни разу не ставилось ему въ вину, что онъ писалъ и учительствовалъ, будучи міряниномъ. Этотъ фактъ представлялся совершенно естественнымъ и нормальнымъ. Вліяніе Оригена на позднѣйшихъ учителей и писателей строгаго православія было поистинѣ громадно. Непосредственными учениками его были, между прочимъ, Григорій Новокесарійскій и Діонисій Александрійскій, прозванный отъ Вселенскаго Собора „великимъ Діонисіемъ“. Василій Великій и Григорій Назіанзинъ въ началѣ общихъ трудовъ своихъ составили цѣлую хрестоматію изъ трудовъ Оригена (*Philocalia*) для распространенія высокихъ и глубокихъ идей его. Григорій Нисскій также сложился на изученіи Оригена и проводилъ и излагалъ его мысли во многихъ трудахъ своихъ. (Между прочимъ въ *Λογος κατηχητικος* и въ *De anima*). Дидимъ Александрійскій защищалъ ученіе Оригена и всю систему его, за исключеніемъ нѣкоторыхъ только спорныхъ пунктовъ. По дѣятельности въ Александрійской школѣ Оригенъ былъ ученикомъ и преемникомъ Климента Александрійскаго (*Hieronymus*, с. 54; *Baumgarten-Crusios*, I, 211 f., 221 f.; *Neander*, II, 3, p. 946, 950; *Gieseler*, 187; *Harless*, II, p. 44). Отъ современниковъ и послѣдователей Оригенъ по твердости вѣры своей прозванъ былъ „алмазнымъ“ — *Αδαμαντιος*. Нравственность его не дерзали осуждать даже враги. Въ юности еще онъ противъ воли своей былъ удержанъ отъ мученичества, и умеръ, перенеся великія страданія за Христа отъ язычниковъ.

25. *Аммоній Александрійскій* — несомнѣнно мірянинъ, современникъ Оригена, мужъ краснорѣчивый и весьма ученый философъ, пользовался великою славой въ Александріи. Онъ написалъ „Согласованіе Моисея съ Христомъ“ и составилъ „Гармоніи Евангелія“, которыми пользовался Евсевій Кесарійскій. Гармоніи эти дошли до насъ и нѣкогда приписывались Татіану (*Hieronymus*, с. 55; *Harless*, II, 1, p. 210; *Neander*, II, 3, 789).

26. *Трифонъ*, слушатель Оригена, обладалъ громаднѣмъ знаніемъ Св. Писанія, что доказывается трудами его по объясненію нѣкоторыхъ частныхъ ветхозавѣтной исторіи, а именно „De vassa ruffa in Deuteromio“ и другими. Къ нему Оригенъ неоднократно писалъ передъ смертію изъ заточенія. (*Hieronymus*, cap. 57).

27. *Минувшій Феликсъ* былъ извѣстнѣмъ адвокатомъ въ Римѣ и въ этомъ званіи написалъ сохранившійся до насъ апологетическій діалогъ, носящій названіе „Октавія“ (M. F., Romae in ignis causidicus, scripsit dialogum Christiani et ethnici disputantis, qui Octavius inscribitur). Ему же приписывалось еще недомедшее до насъ сочиненіе: De fato vel contra mathematicos. (*Hieronymus*, с. 58; *Neander*, K. g. I, 3, p. 778; *Schöll*, Hist. de l. literat. lat. IV, p. 19; *Munk*, Gesch. d. Röm. Litt. 2, Aufl., 402. О немъ упоминаетъ Лактанцій, Institut. dv. V, 1).

28. *Юлій Африканскій*. Онъ былъ несомнѣнно міряниномъ, что можно видѣть изъ того, что жители роднаго ему города Эмауса, или Никополя, поручили ему ходатайствовать передъ императоромъ о возстановленіи города изъ развалинъ. Пресвитеру или епископу въ тѣ времена дѣла эти врядъ ли могли быть поручены смѣшаннымъ населеніемъ города, да врядъ ли пресвитеръ или епископъ и взялись бы за исполненіе такого, чисто гражданскаго, порученія. Евсевій и другіе источники, упоминая о немъ, не дѣлаютъ ни малѣйшаго намека на какое-нибудь отношеніе его къ клиру и называютъ его просто Юліемъ Африканскимъ. Онъ написалъ въ видѣ письма къ Оригену экзегетическое изслѣдованіе объ исторіи ветхозавѣтной Сусанны, на которую Оригенъ и отвѣчалъ ему. Кроме того, въ письмѣ къ Аристиду онъ пытается разрѣшить рознь, которая существуетъ между родословіями Христа. Одинъ отрывокъ изъ этого сочиненія сохраненъ Евсевіемъ (Hist. Eus., I, 7; другой изданъ Рутомъ въ Reliquia sacra, vol II, p. 115). Онъ же написалъ еще всеобщую исторію съ христіанской точки зрѣнія, которая извѣстна намъ только по цитатамъ. Его почитаютъ весьма ученымъ и тонкимъ толкователемъ Писанія (*Hieronymus*, с. 63; *Eusebius* H. Eccl., VI, 31; *Photius*, Bibl. cod. 34; *Neander*, I, 3, 804, 805. *Gieseler*, 200; *Henke*, K. g. I, 133; *Harless*, II, p. 202).

29. *Діонисій*, впоследствии, т. - е. съ 248 года, былъ епископомъ Александрійскимъ, но съ 231 года, за выбытіемъ Оригена, и почти тотчасъ послѣ него, вплоть до избранія, былъ катехетомъ Александрійской школы. при чемъ ни откуда не видно, чтобы онъ былъ раньше пресвитеромъ или имѣлъ другой какой-либо санъ церковный. Ему приписывается множество сочиненій, изъ которыхъ нѣкоторые, не относящіеся къ чисто церковнымъ вопросамъ, если не написаны, то разработаны были имъ, вѣроятно, еще до епископства. Трудно предположить, чтобы человекъ, ничего не писавшій въ теченіе 17-ти лѣтъ научной жизни вдругъ проявилъ крайне усиленную литературную дѣятельность, принявъ на себя массу заботъ, чисто практическаго свойства. Не подлежитъ сомнѣнію, что множество писемъ по церковнымъ вопросамъ, множество сочиненій, частью пастырски дидактическихъ и діалектическихъ, были написаны имъ въ семнадцатилѣтній періодъ епископства, но нѣкоторые труды — отвлеченнаго содержанія или теоретическаго, какъ на-

примѣръ „de mortalitate“, „de natura“ и т. п. принадлежатъ еще къ періоду учительства. Діонисій по школѣ былъ ученикомъ Оригена и имѣ же обращенъ былъ и въ христіанство. Онъ всегда высоко почиталъ своего учителя и утѣшилъ его посланіемъ, когда онъ сидѣлъ уже въ тюрьмѣ передъ мученіемъ (*Hieronymus*, с. 69; *Neander*, I, 3, 810; *Gieseler*, 190; *Harless* II, 2, 213). Евсевій, въ „Евангельскихъ приготовленіяхъ“, сохранилъ намъ два отрывка изъ сочиненій Діонисіа, противъ Савелія (VII, 19) и огромный отрывокъ изъ сочиненія о природѣ (XIV 23, р Ed Migne p. 1271—1290). Читая эти отрывки, невольно проникаешься мысли, что они писаны не богословомъ-пастыремъ, а профессоромъ христіанской философіи. Къ чему бы пастырю такъ подробно разсматривать ученіе Епикура и противопоставлять ему ученіе христіанское.

30. „*Арнобій*, по словамъ Иеронима, блистательно преподавалъ риторику въ Сиккѣ, въ Африкѣ, и написалъ двѣ книги *Adversus gentes*“, которыя сохранились и до нашего времени. Писалъ Арнобій апологію свою при Діоклетіанѣ, и писалъ, какъ самъ говоритъ онъ, тотчасъ послѣ своего обращенія, вѣроятно въ 303 году. Непринадлежность его къ клиру видна и изъ самаго сочиненія, и изъ приведенныхъ выше словъ Иеронима, т. е. изъ того, что онъ писалъ свою книгу, будучи риторомъ. Книга Арнобія, писанная живымъ и горячимъ языкомъ, превосходно рисуетъ намъ духъ времени, выражавшійся въ Церкви и внѣ ея. Приманкою для язычниковъ ставитъ апологія вѣру въ будущность, которая вполнѣ утратилась въ языческомъ мірѣ, жившемъ только настоящимъ днемъ и тяготившимся этою жизнью, въ лицѣ наиболее образованныхъ своихъ представителей. Она отвѣчаетъ и на поставленный христіанству упрекъ, что совершенный имъ подрывъ вѣры въ древнихъ боговъ сопровождается бѣдствіями для государства, каковой упрекъ былъ и мотивомъ гоненія Діоклетіанова. Арнобій возражаетъ: „если бы люди, вмѣсто того, чтобы довѣряться одной только своей мудрости и слѣдовать однимъ только своимъ чувствамъ, попытались слѣдовать приносящему спасеніе и міръ ученію Христову, какъ скоро измѣнился бы обликъ всего міра и желѣзо сдѣлалось бы не оружіемъ войны, а оружіемъ мирной работы (*Hieronymus*, с. 79; *Baumgarten*, *Crusius*, I, 253. *Neander*, I, 3, p. 774—776. *Schöll*, *Hist. de la litt. lat IV*, 24; *Munk*, II, 405. Въ трудѣ Арнобія проявляется пылкость, присущая всемъ римскимъ писателямъ-африканцамъ и сказавшаяся ярко и въ трудахъ другихъ африканцевъ—Тертуліана и Клипріана) *Bernhardi*, *Gr. d. röm. Littg.* 1-te Aufl., 133).

31. *Фирмианъ Лакранцій*, по словамъ Иеронима, ученикъ Арнобія, по вѣрѣ христіанской былъ сперва бѣднымъ риторомъ въ Никоидіи, а затѣмъ въ Галліи при императорскомъ дворѣ. Онъ занимался поэзіей и изученіемъ языческой литературы и краснорѣчія, стараясь приближаться къ цецероновскому слогу. Имъ написаны сохранившіяся до насъ семь книгъ *Institutionum divinarum*, составляющія полемическую попытку къ самостоятельному обоснованію христіанскаго ученія. Въ своемъ родѣ книга эта представляетъ первый опытъ христіанской догматики, написанной, при томъ, безспорно мірянниномъ. Кроме того Лактанцій написалъ книгу *De ira Dei, de officio Dei, de morte perse-*

entorum и др. Римскій христіанскій міръ признавалъ Лактанція своимъ Цицерономъ, (*Hieronymus*, 80; *Gieseler*, 203; *Bernhardi*, Gr. d. röm Litt g., 341; *Schöll*, IV, 26 f.).

32. *Викторинъ Африканецъ*. Свѣтское званіе этого писателя не подлежитъ никакому сомнѣнію. Фабій-Максимъ-Викторинъ, какъ онъ былъ извѣстенъ всему древнему міру, преподавалъ риторику въ Римѣ, и преподавалъ съ такимъ успѣхомъ, что ему даже воздвигли на площади статую. Онъ имѣлъ много сенаторовъ въ числѣ учениковъ своихъ и долгое время былъ яримъ защитникомъ язычества. Онъ написалъ нѣсколько грамматическихъ сочиненій, комментарий къ цицероновскому *De inventione* и былъ страстнымъ поклонникомъ Платона, котораго и перевелъ на латинскій языкъ. Можетъ быть это-то изученіе Платона и привело его, какъ и многихъ другихъ платониковъ, постепенно къ христіанству. Подъ старость Викторинъ уже былъ тайнымъ христіаниномъ. Блаженный Августинъ прямо свидѣтельствуешь, что Викторинъ пришелъ къ христіанству черезъ изученіе философовъ-платониковъ, отъ которыхъ перешелъ къ изученію Св. Писанія. Сдѣлавшись, такъ сказать, философъ-христіаниномъ, Викторинъ открылъ убѣжденія свои нѣкоему Симплицію, вѣроятно, священнику, который доказывалъ, что для христіанства мало тайнаго убѣжденія, но необходима еще принадлежность къ Церкви, вступленіе въ Церковь.— „Развѣ христіанство находится за стѣнами?“— шутливо возражалъ ему на это Викторинъ. Въ сущности онъ боялся открытымъ проявленіемъ христіанства утратить свою мірскую славу ратора и философа. Настоянія Симплиція достигли наконецъ своей цѣли и Викторинъ, среди всего собранія церковнаго, получилъ крещеніе и громогласно прочелъ Символь вѣры къ великой радости Церкви и къ великому изумленію всего Рима, въ которомъ каждый зналъ Викторина. Въ силу закона Юліанова, воспрещавшаго христіанамъ преподаваніе языческихъ наукъ, Викторинъ, по прошествіи нѣкотораго времени, долженъ былъ закрыть свою школу и началъ дѣятельность христіанскаго писателя. Онъ написалъ сочиненіе: „О Троицѣ—противъ Арія“, и другое.— „Противъ Маникеевъ“. Затѣмъ написалъ онъ книгу: „О рожденіи Слова“, въ которой разбиваетъ и разбираетъ трудъ аріанина Кандида—*De generatione divinae*. Кромѣ того онъ писалъ еще гимны въ честь Троицы и толкованія на Посланія Апостольскія. Онъ отличался глубиною умозрительнаго мышленія, но Иеронимъ почитаетъ труды его доступными только для ученыхъ. Современные изслѣдователи придаютъ имъ гораздо больше значенія (*Hieronymus*, c. 101; *Augustinus*, Confess. VIII, 2, 5; *Schöll*. III, 75, 199; IV, 60. *Baumgarten-Crusius*, I, 308; *Neander*, II, 1, p. 80).

33. *Дидимъ Александрійскій*. Онъ былъ несомнѣнно простымъ міряниномъ, ибо Иеронимъ, писавшій свою книгу еще при жизни его (о чемъ прямо упоминается въ книгѣ) и бывшій ученикомъ его, не говоритъ о какой бы то ни было принадлежности его къ клиру, какъ дѣлаетъ всякій разъ, когда представляется къ тому возможность. Если бы онъ былъ монахомъ, то Иеронимъ и другіе писатели также не преминули бы упомянуть объ этомъ. Если онъ даже и велъ строго-монашескую жизнь у себя на дому, то о принадлежности его къ какому-либо монастырю, или удаленіи въ пустыню, нигдѣ нѣтъ и рѣчи,

хотя онъ и былъ близокъ съ знаменитымъ Антоніемъ Великимъ. Съ 335 года онъ былъ, по свидѣтельству Аѳанасія Великаго, главою Александрійской школы катехетовъ. Слепѣцъ съ самаго малолѣтства, Дидимъ занимался всѣми науками и къ изумленію всѣхъ въ совершенствѣ зналъ геометрію, наиболѣе требующую зрѣнія. „Не смущайся тѣмъ, что у тебя нѣтъ глазъ, которыми обладаютъ и комары и мухи, говорилъ ему Св. Антоній; радуйся тому, что у тебя есть очи, которыми видятъ ангелы, которыми созерцаетъ Богъ и которыми усматривается свѣтъ его“ (*Socrates*, Н. Ессл., IV, 23). Дидимъ былъ ученикомъ, послѣдователемъ и ревностнымъ защитникомъ Оригена. Многочисленные богословскіе труды его имѣли огромное значеніе въ борьбѣ съ аріанствомъ и въ свое время пользовались большимъ авторитетомъ. Онъ написалъ толкованія на всѣ псалмы, толкованія на Матѳея и Іоанна, книгу „О догматахъ“ и двѣ книги „Противъ аріанъ“, книгу „О Святомъ Духѣ“, переведенную Геронимомъ, 18 книгъ толкованія на Исаію, 3 книги толкованія на Осію пророка, 5—на Захарію, толкованія на Іова и многіе другіе. Умеръ онъ около 393 года въ глубокой старости (*Hieronymus*, с. 109; *Harless* II, 2, p. 255; *Baumgarten-Crusius*, I, 218; *Neander*, II, 1, p. 211; II, 2, p. 337, 500, 601. III, 946, 950, 984).

34. *Амеросій Александріецъ*, слушатель Дидима, писалъ противъ ереси Аполинарія стихами. Стихотворную форму избралъ онъ, вѣроятно, въ подражаніе еретикамъ, которые этимъ путемъ стремились дѣлать ученія свои болѣе распространенными и, такъ сказать, популярными. Онъ же написалъ еще толкованія на Іова. Онъ живъ былъ еще во времена Геронима (*usque hodie superest*), а потому о принадлежности его къ клиру или монашества несомнѣнно было бы упомянуто. (*Hieronymus*, 126).

35. *Соброній*—мужъ весьма ученый, написалъ будучи еще мальчикомъ „Похвалу Виселеема“, а затѣмъ „О пораженіи Сераписа“—*insignem librum*. Кромѣ того написалъ онъ книгу „О дѣвствѣ“, перевелъ на греческій языкъ нѣкоторые труды Геронима и переложилъ на греческій языкъ Псалтирь и Пророковъ, по едѣланному Геронимомъ переводу съ еврейскаго. Писатель этотъ былъ современникомъ Геронима и несомнѣнно былъ ему лично извѣстенъ. Однако, о его принадлежности къ клиру или монашеству строгій въ этомъ отношеніи Геронимъ совершенно умалчиваетъ (*Hieronymus*, 134).

На этомъ оканчивается матеріалъ, представляемый намъ каталогомъ бл. Геронима. Въ качествѣ простыхъ мірянъ помѣщенъ еще Кай или Гай, котораго Евсевій называетъ пресвитеромъ и котораго мы вълѣдствіе того исключили изъ нашего списка, а также Элій Северъ и Латроніанъ, труды которыхъ представляютъ слишкомъ мало церковно-богословскаго значенія. Отъ себя мы включили въ списокъ Аѳинагора и Ермія. Всего насчитываетъ бл. Геронимъ 135 церковныхъ писателей. Изъ нихъ 35, т. е. немного болѣе четверти, оказываются мірянами,—численно процентъ довольно значительный. Но присутствіе въ этомъ спискѣ Юстина Мученика, Оригена, Дидима и др. говоритъ не за одну численность.

Продолжатель бл. Геронима, Геннадій, пресвитеръ, массплійскій говоритъ намъ и еще о нѣсколькихъ писателяхъ-мірянахъ, а именно: о поэтѣ *Пру-*

денци (36), касавшемся въ произведеніяхъ своихъ и чисто догматическихъ и полемическихъ вопросовъ (*Genn.* с. 13), *Коммодианъ* (37), написавшемъ книгу *Adversus paganos* и множество стихотвореній религіознаго содержанія (*Gennad.*, с. 15), *Исаакъ* (38), написавшемъ трактатъ *De Sancta Trinitate* и *De incarnatione Domini* (*Gennad.* с. 26), *Евсевій* (39), писавшемъ „О таинствѣ креста Господня“ (*Gennad.*, 35), *Евсариі* (40), написавшемъ извѣстный почти всеѣмъ „Разговоръ между Соломономъ іудеемъ и Теофаномъ христіаниномъ“ (*Gennad.*, с. 51), *Викторинъ* (41), риторъ Массилійскомъ, написавшемъ къ сыну своему Евтерію толкованіе на книгу Бытія стихами, и *Сіаріи* (42), написавшемъ книгу о вѣрѣ противъ еретиковъ, неправо разсуждавшихъ о Св. Троицѣ (*Gennad.*, с. 66). Допустимъ даже, что нѣкоторые изъ писателей этихъ и были простыми монахами. Но прежде монахи по отношенію къ учительству не имѣли никакого превосходства передъ мірянами. Это видно, между прочимъ, изъ слѣдующаго опредѣленія Льва Великаго, папы Римскаго (*Epist.* 62 ad Maxim. Antoch. Ep.). Прежде монахи въ глазахъ Церкви были простыми мірянами же, удалившимися только отъ міра и отъ всякихъ внѣшнихъ дѣлъ общественныхъ и церковныхъ ради цѣлей личнаго покаянія и личнаго же спасенія. Церковь и имъ, какъ и простымъ мірянамъ, возбраняла, какъ уже видѣли мы, строго церковную проповѣдь, хотя и дѣлала въ этомъ отношеніи исключенія черезъ особья на то уполномочиванія, чему свидѣлствуютъ примѣры Оригена. *Illud quoque dilectionem tuam convenit praesavere*, говоритъ Левъ Папа въ названномъ выше письмѣ, *at praeter eos qui sunt domini sacerdotes, nullus sibi jus docendi et praedicandi audeat vindicare, sive sit ille monachus, sive sit laicus etc.* Но все это относится только къ строго-церковной проповѣди или строго-церковному ученію съ кафедръ. Мы приводимъ слова эти только для того, чтобы показать, что Церковь не дѣлала различія между простыми монахами и мірянами. Простые монахи, какъ связанные дисциплиною по постановленію Халкидонскаго Собора, имѣли даже менѣе правъ, нежели міряне.

Отнюдь не гоняясь за полнотою перечисленія, дополнимъ изложеніе письменнаго участія мірянъ въ движеніи богословской науки и въ разсмотрѣніи вопросовъ вѣры и Церкви еще нѣсколькими примѣрами. Геннадій Массилійскій останавливаетъ каталогъ свой на Просперѣ Аквитанскомъ. Съ него-то и начнемъ мы наши прибавленія къ каталогамъ Иеронима и Геннадія.

43. *Просперъ Аквитанскій*. Геннадій Массилійскій, бывший его современникомъ и даже согражданиномъ, ибо и Просперъ нѣкоторое время проживалъ также въ Марсели, называетъ его только *homo Aquitanicae regionis*, что не препятствуетъ ему всеѣхъ другихъ писателей, менѣе даже близкихъ ему по времени и по мѣсту жительства называть то пресвитерами, то епископами, то діаконами, то монахами. Другіе источники для его біографіи тоже не говорятъ ни слова ни о принадлежности его къ клиру, ни о его монашествѣ. Даже современные римско-католическіе его біографіи, основываясь на источникахъ и собственныхъ его сочиненіяхъ, признаютъ его міряниномъ. О началѣ его литературной дѣятельности сообщается слѣдующее. Въ Марсели, куда прибылъ Просперъ изъ Аквитаніи, распространенъ былъ расколъ семинелagianизма, при-

знающаго, что человекъ одиночною собственною силою своею, т.-е. безъ содѣйствія благодати, можетъ достигнуть спасенія. Когда появилась въ Марсели направленная противъ пелагианства книга Августина. De corrptione et gratia, она возбудила противъ себя толки со стороны семипелагианствующаго клира и народа. Находя, что книга Августина недостаточно сильно опровергаетъ ложныя мнѣнія, господствующія въ мѣстной Церкви, нѣкій благочестивый мірянинъ, по имени Иларій, обратился къ Просперу и оба вмѣстѣ отправили письма въ Африку къ бл. Августину, описывая ему ложныя ученія, пропо-вѣдуемыя въ городѣ и излагая свой образъ мыслей и свои возраженія семи-пелагианствующимъ. Оба письма эти сохранились до насъ среди писемъ бл. Августина. Въ этихъ письмахъ Иларій и Просперъ подробно излагаютъ образъ мыслей семипелагианствующихъ, преимущественно монаховъ, но частію же и имѣющихъ священство и такихъ лицъ, къ которымъ съ уваженіемъ должны относиться міряне. Вмѣстѣ съ тѣмъ Иларій и Просперъ указываютъ на свои споры съ семипелагианами, частью импонирующими имъ самимъ священство и ученіе Августина, на которое они ссылаются, почитающими противорѣчащимъ ученію отцовъ и духу церковному. Цѣлью своихъ писемъ выставляютъ Про-сперъ и Иларій „интересъ къ вѣрѣ“, которую живетъ Церковь и желаніе, чтобы Августинъ подкрѣпилъ борьбу ихъ своимъ авторитетомъ. Противупо-становленіемъ себя имѣющимъ священство и санъ церковный равно какъ и веѣмъ духомъ письма Иларій и Просперъ уже прямо выставляютъ себя міря-нами. Кромѣ того, себя самого Иларій прямо называетъ міряниномъ. Онъ пишетъ изъ дома, а не изъ монастыря и сообщаетъ о родителяхъ своихъ, братѣ, женѣ брата и т. п. Проспера называетъ онъ просто vir, говоря, что „сознавая силы свои онъ прибѣгъ къ помощи и содѣйствію мужа, славяща-гося и краснорѣчіемъ и ученіемъ“. (Письма эти помѣщены Неандромъ въ его *Opuscula Patrum Selecta*. t. 2 см. pp. 170—173, 176, 178, 180, 186, 187, 188). Въ книгѣ *De Predestinatione ad Prosperum et Illarium*, слу-жащей отвѣтомъ на эти посланія, бл. Августинъ ободряетъ ихъ рвеніе о вѣрѣ и называетъ обоихъ ихъ *filiis carissimis*, тогда какъ принадлежащихъ къ кліру епископы и самъ Августинъ всегда называли *fratres carissimis*. (*Opuscula II*, p. 190). Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что въ разсмотрѣнныхъ выше посланіяхъ мы имѣемъ описанія протеста и спора двухъ мірянъ съ мірянами же, монахами и клириками города Марсели. Споры съ семипелагианами не пре-кратились, и Просперъ съ Иларіемъ, радѣя о всей Церкви Гальской, направились въ Римъ, откуда и вызвали посланіе папы Целестина. Возвратившись изъ Рима, Просперъ самъ взялся за перо. Первымъ его произведеніемъ была поэма „Противъ неблагодарныхъ“, какъ называлъ онъ семипелагианъ, имѣю-щую чисто полемическое содержаніе. Затѣмъ слѣдовалъ „Отвѣтъ на возра-женія Галловъ“, „Отвѣтъ Винкентію“ и др. сочиненія. Кромѣ многочислен-ныхъ, чисто богословскихъ сочиненій, Просперъ Аквитанскій написалъ еще хронику, доведенную имъ до взятія Рима Гензерикомъ, т.-е. до 455 года и толкованія на Псалмы. Левъ Великій, вступивъ на престолъ папскій, сдѣлалъ Проспера своимъ секретаремъ (*notarius*), такъ что ему открылось широкое поле для примѣненія обширныхъ богословскихъ знаній своихъ и своего писа-

тельскаго и учительскаго таланта. По свидѣтельствѣ Геннадія Массилійскаго, посланія папы Льва по поводу ереси Евтихія, утверждающія православный догматъ и имѣющія такое великое значеніе для Калкѣдскскаго Собора, продиктованы ему Просперомъ Аквитанскимъ. Умеръ Просперъ, какъ полагаютъ, въ 463 году. Римская Церковь считаетъ его учителемъ Церкви (Doctor Ecclesiae). Для Церкви восточной онъ самъ по себѣ имѣетъ мало значенія, такъ какъ и сама ересь Пеласія, противъ которой ратовалъ онъ, имѣла въ ней мало отголоска, но зато тѣмъ важнѣе его значеніе, какъ совѣтника и сотрудника папы Льва Великаго. По свидѣтельствѣ патріарха Фотія (Cod., 54), его рвеніемъ и его неунынными стараніями искоренена была ересь, (*Alban Butler, Vies des Peres; des martyrs et des autres saints. Paris, 1784. Tome V, p. 513—519. Gennadius c. 85; Schöll III, 102, 172; IV, 100; Neander II, 3, p. 884, 887.*)

44. *Евсевія* — адвоката, ставшаго впослѣдствіи епископомъ Дорилейскимъ, о которомъ мы уже говорили, должны мы также, какъ автора воззванія и тезисовъ противъ Несторія, присвокупить къ числу мірянъ — писателей церковныхъ. Въ *Breviculus historiae Euthiianistarum* сказано, что „еще будучи мірскимъ дѣятелемъ (agens in rebus) онъ проявлялъ великое рвеніе къ вѣрѣ и остановилъ въ церкви Несторія проповѣдовавшаго еретически (Simonid. Opp. II, p. 760). Кириллъ Александрійскій и Маріо Меркаторъ, сообщая о томъ же случаѣ, говорятъ, что Евсевій тогда былъ еще міряниномъ (τῆλῶν μεν λαϊκός ἐστι, qui adhuc inter laicis erat). Леонтій Византіецъ также говоритъ, что авторомъ воззванія и тезисовъ былъ Евсевій, qui tunc florabat in jodicandi potestate (Contra Nestorianos et Eutychianos, LIII). Очевидно еще будучи міряниномъ онъ приобрѣлъ себѣ обширныя богословскія знанія, что видно изъ его сравненія Несторія съ Павломъ Самогатскимъ (*Neander II, 3, p. 720.*)

45. *Марій Купецъ* или Маріи Меркаторъ. Будучи міряниномъ, уроженцемъ Африки, Маріи Меркаторъ или Маріи Купецъ принималъ сперва живое участіе въ борьбѣ съ пелагианизмомъ, какъ видно изъ отвѣтнаго письма къ нему Августина отъ 418 года (*August. Ep. 193*). Во времена Несторія онъ, по тѣмъ или другимъ причинамъ, пребывалъ въ Константинополѣ. Тамъ, радѣя объ интересахъ церковныхъ, онъ старался распространить сочиненіе свое о пелагианствѣ, стремясь обратить вниманіе на это новое заблужденіе, грозящее чистотѣ ученія церковнаго. Ознакомившись съ ученіемъ самого Несторія, онъ сдѣлался ревностнымъ его противникомъ и употребилъ огромныя старанія, чтобы собрать и опубликовать всѣ относящіяся къ этой распрѣ материалы, снабдивъ ихъ своими толкованіями, примѣчаніями и полемическими разсужденіями. Ему принадлежатъ слѣдующіе труды, служащіе и до сего времени весьма важными источниками для исторіи несторіанства и ереси Евтихія: „*Epistola de discrimine inter haeresin Nestorii et dogmata Pauli Samosatani, Ebionis, Protini et Marcelli*“ и „*Contradictiones abversus anathematismos Nestorii sive Nestorii analhamatismos duodicem totidem anathematismis Cirelli oppositos, a Mario latine verros, addita sengalis raputalione*“. Ему же принадлежитъ и латинскій переводъ нѣкоторыхъ подлежащихъ обсужденію пропо-

вѣдѣй Несторія (*Neander* II, 3, p. 923; *Schöll*; IV, 86; *Henke* I, 355. *Waleh* *Bibl. Patrislica* p. 450).

46. *Леонтій Византїецъ* — схоластикъ или адвокатъ. Онъ жилъ уже въ концѣ шестого и въ началѣ седьмого столѣтїя и мы помѣщаемъ его въ настоящемъ мѣстѣ только какъ одного изъ критиковъ и противниковъ несторїанства. Онъ написалъ книгу о ересеяхъ, раздѣленную на десять *проѣис* или главъ. Въ книгѣ этой имѣетъ немаловажное значеніе глава: *contra catyehianos et nestorianos*, сохранившаяся только въ латинскомъ переводѣ. (*Harless* II, 1, p. 439. *Wach* 450).

47. *Кесарїю*, брату св. Григорїя Назїанзина, жизнь котораго намъ хорошо извѣстна, знаменитому врачу при Констанціи и Юліанѣ, который и жилъ и умеръ глубоко вѣрующимъ простымъ мірянїномъ, приписывается книга „*Quantiones Choologicae et philosophice* 195“, писанная, разумѣется, по гречески. На эту книгу мы разъ уже ссылались въ нашемъ трудѣ, (*Harless* II, 1, p. 337).

48. *Сократъ* — авторъ Церковной исторїи, жившій приблизительно отъ 380 до 448 года былъ адвокатомъ или схоластикомъ (*Harless*, II, 2, p. 289).

49. *Ермїй Сезоменъ*, современникъ Сократа и также церковный историкъ, написавшій въ девяти книгахъ исторїю Церкви въ промежутокъ отъ 323 до 429 года. Онъ былъ уроженцемъ Газы въ Палестинѣ, а затѣмъ проживалъ въ Константинополѣ въ качествѣ адвоката или схоластика. Исторїю свою онъ выпустилъ въ свѣтъ около 448 года. (*Harless* II, 2, p. 290).

50. *Евварїй*, рожденный въ 536 году, былъ адвокатомъ или схоластикомъ, а затѣмъ императоромъ Мавриціемъ произведенъ въ званіе префекта. Онъ написалъ исторїю Церкви съ того времени, когда закончили ее Сократъ и Теодоритъ, вплоть до 593 года. (*Harless* II, 2, 297).

51. *Эней Газскїй*, софистъ и риторъ христіанскїй, жившій въ пятomъ еще столѣтїи, ученикъ платоника Герокла написалъ книгу Теодофрастъ или о безмертїи души и воскресенїи тѣль. (*Harless* II, 2, p. 395).

52. *Проконїй Газскїй*, христіанскїй софистъ т.-е. свѣтскїй ученый, жилъ въ первой половинѣ шестого столѣтїя. Онъ написалъ: 1) Октатевухъ или толкованїя на первыя восемь книгъ Ветхаго Завѣта. 2) Толкованїя на книги Царствъ и Паралипоменонъ. 3) Толкованїя на Исаяю пророка. 4) 60 писемъ разнаго содержанїя. Кромѣ того Фотїй (Cod. 160) съ уваженїемъ упоминаетъ о его рѣчахъ (*λογους*). Проконїй написалъ еще не дошедшія до насъ переложенїя (*μετοφρασεις*) гимновъ Гомера (*Harless* II, 1, p. 402—404).

IX.

Наше краткое обзорѣніе литературной дѣятельности церковныхъ писателей мірянъ приводитъ насъ прежде всего къ слѣдующему заключенїю. Въ Церкви интересы истины и радѣніе о нуждахъ церковныхъ ставились всегда выше интересовъ охраны дисциплины церковной и іерархическаго начала, какъ ни высоко ставила ихъ Церковь, видя въ нихъ охрану единства церковнаго во

времени и въ пространствѣ. На основаніи этомъ Церковь не только не осуждала умственныхъ и письменныхъ трудовъ на пользу ея, но ко множеству проявленій такого рода дѣятельности относился съ величайшимъ уваженіемъ. Передъ интересами жизни какъ уже сказали мы, дисциплина и субординація отступали всегда на второй планъ. Кипріанъ Карфагенскій болѣе многихъ другихъ радѣлъ о поддержаніи епископскаго авторитета и значенія іерархіи церковной, но это не препятствовало ему будучи уже старцемъ и епископомъ жадно вчитываясь въ труды пресвитера Тертуліана и называть его учителемъ. Иеронимъ слышалъ разсказъ нѣкоего Павла, бывшаго въ юности секретаремъ стараго уже Кипріана и сообщавшаго, что строгій епископъ Карфагенскій не проводилъ дня безъ того, чтобы не прогнѣвать Тертуліана и говорилъ: „*Damagistrum!* — подай учителя!“ желая, чтобы ему подали книгу Тертуліана. (*Hieronymus de viris ill. c. 53*). Подобное отношеніе должно было быть у Александра Александрійскаго къ живому еще дьякону своему Аванасію Великому. Въ дѣлѣ Несторія мы видимъ пресвитера обличителя—Харизія, выступившаго обвинителемъ на Соборѣ. Такимъ же точно образомъ дьяконъ Рустикъ не только является представителемъ папы Василія на Соборѣ противъ Евтихія, но и пишетъ самостоятельное обличеніе *Contra aserphales*. А дьяконы по самому сану своему, точно также какъ и міряне, не были призванными, уполномоченными учителями Церкви. Іоаннъ Златоустый, знаменитую книгу свою „О священствѣ“, такъ высоко уважаемую Церковью, написалъ еще не только задолго до епископства, но и до дьяконства, будучи еще только чтецомъ, т.-е. по нашему дьячкомъ Антиохійской церкви. Нѣкоторыя сочиненія Іоанна Златоустаго написаны имъ еще и раньше, т.-е. до принятія имъ и этого сана. Ефремъ Сиринъ, почитающійся однимъ изъ величайшихъ Отцовъ и учителей Церкви до конца дней своихъ былъ только дьякономъ. Всемъ извѣстно, что, призывая къ дьяконству, Церковь призывала не къ учительству, а къ иной совершенно дѣятельности и не предполагала въ призываемыхъ ею дара учительства, но благосклонно и радостно встрѣчала его, когда онъ оказывался, а не повелѣвала зарывать въ землю талантъ свой. Интересы истины, повторимъ это слово, стояли въ ней выше интересовъ іерархическаго чиновначалія и интересовъ церковной дисциплины, какъ высоко ни ставила она охранительную ихъ силу, а потому она не только предоставляла свободу голоса младшимъ, но и зачастую старшіе прислушивались благоговѣнно къ голосу младшихъ. Другими словами, по отношенію къ истинѣ въ Церкви не было подраздѣленія на старшихъ и младшихъ. Какъ не человѣкъ почитался созданнымъ для субботы, но суббота для человѣка, такъ и дисциплина іерархическая почиталась созданною для охраненія истины, и истина, кѣмъ бы ни провозглашалась она, никогда не приносилась ей въ жертву, но выслушивалась Церковью и по ея благоумотрѣнью и благоволенію зачастую торжествовала для блага Церкви, для чистоты проявленія истины, надъ началомъ дисциплины и іерархіи. Такъ напр. въ монашествѣ, какъ мы уже видѣли, соборная Церковь усматривала только подвигъ покаянія и личнаго спасенія, отрѣшеніе отъ міра и дѣлъ церковныхъ, а потому, примѣняя къ монахамъ болѣе чѣмъ къ кому бы то ни было принципъ дисциплины церковной, она требовала отъ нихъ полной подчиненности

епископу, соблюденія безмолвія, прилежанія только посту и молитвѣ, невмѣшательства въ дѣла церковныя и т. д. (Халкидонск. Собора пр. 4. Ср. Трульскаго Собора пр. 43, 40, 41). Въ монахи подобало даже принимать безъ разсмотрѣнія прежней жизни избирающаго монашеское житіе, ибо цѣль жизни этой — покаяніе, и самое монашеское житіе „изображаетъ намъ жизнь покаянія“, а потому, на основаніи словъ Спасителя: „грядущаго во Мнѣ неизмену вонѣ“, Церковь искренно прилѣпляющагося къ сему житію одобряетъ и полагаетъ, что никакой прежній образъ жизни не воспрепятствуетъ ему исполнити свое намѣреніе (Трульск. Собора прав. 43). Итакъ, Церковь соборная не только не признаетъ монаховъ призванными учителями, но и устраняетъ ихъ даже отъ учительства. Однако, въ періодъ моноелитства, кто, какъ не простые монахи — Софроній, впоследствии патріархъ іерусалимскій, Максимъ, впоследствии исповѣдникъ, и Теофанъ — явились главными столпами и опорами православія? Развѣ Церковь не выслушала ихъ голоса и не почтила благодарностью ихъ учительство и борьбу ихъ? Безспорно были они учителями Церкви, но безспорно же были они и учителями непризванными.

Но нѣтъ намъ необходимости разсуждать и приводить еще новые и новые факты, когда предъ нами свидѣтельство Іоанна Златоустаго, прямо и безповоротно разрѣшающаго вопросъ.

„Въ Церкви не имѣютъ мѣста ни высокоуміе начальствующихъ, ни раболѣпство подчиненныхъ. Опять принуждены мы оплакивать то, о чемъ многократно я плакалъ. Слезъ достойно настоящее наше состояніе. Такъ далеко отторглись другъ отъ друга мы, которымъ бы надлежало изображать собою союзъ одного тѣла. Тогда бы и меньшій могъ приносить пользу большому. Ибо, если Моисей отъ тестя своего язычника узналъ нѣчто полезное, чего самъ не зналъ (установленіе законовъ и начальствующихъ лицъ для народа. *Исходъ*, XVІІІ, 19 — 27); то тѣмъ паче бы надлежало быть тому въ Церкви. Ибо что была за причина, по которой духовный человекъ не зналъ того, что зналъ невѣрный?—То, чтобы все тогда бывшіе вразумились, что Моисей человекъ и имѣетъ нужду въ Божіемъ содѣйствіи. И нынѣ, если одинъ не говоритъ полезнаго, пусть другой возстаетъ и говорить. Хотя бы онъ былъ и меньшій, но если предлагаетъ что-нибудь полезное — предпочти его мнѣніе; хотя бы онъ былъ даже послѣдній, — не оставь безъ вниманія. Ибо никто изъ нихъ не отстоитъ такъ отъ ближняго, какъ отъ Моисея отстоялъ тесть его, и между тѣмъ Моисей не только удостоилъ его выслушать, но принялъ совѣтъ его, послѣдовалъ оному, внесъ его въ книги, не устыдился даже предать его исторіи въ низложеніе гордости многихъ. И такимъ образомъ, какъ бы на столбѣ, изобразивши совѣтъ и этотъ оставилъ его потомству, ибо зналъ, что исторія эта для многихъ будетъ полезна“ (*Златоустъ*. Толкованіе на 2-е Посланіе къ Коринтянамъ. Русск. пер. стр. 239).

Въ лучшей апологіи то, что называетъ г. Тихомировъ „свѣтскимъ учительствомъ“, разумѣется, не нуждается.

Н. Ансановъ.

Название нашего изданія—«РУССКАЯ БЕСѢДА»—почти избавляетъ насъ отъ необходимости объяснять его цѣль и направленіе. Въ 1856—60 гг. «РУССКУЮ БЕСѢДУ» издавалъ въ Москвѣ А. И. Кошелевъ. Въ этомъ изданіи участвовали и имъ руководили: незабвенной памяти — А. С. Хомяковъ, Аксаковы, Кирѣевскіе, Ю. О. Самаринъ, И. Д. Бѣляевъ, Н. П. Гиляровъ-Платоновъ и здравствующій понынѣ Т. И. Филипповъ. Имена эти достаточно говорятъ русскому уму и сердцу. Въ 1871—72 гг. въ той же Москвѣ выходила «БЕСѢДА» С. А. Юрѣева, оставившая по себѣ такой же добрый слѣдъ и такую же добрую память, какъ и «РУССКАЯ БЕСѢДА» Кошелева. Мы будемъ вести нашу «РУССКУЮ БЕСѢДУ» въ томъ же духѣ и направлять ее къ тѣмъ же цѣлямъ, какія были у прежнихъ двухъ одноименныхъ съ нашимъ изданіемъ. Наша задача—выясненіе пользы и нужды **родной земли, родного народа**, завѣтныхъ его думъ и желаній. Велики и многообразны вещественныя нужды нашего народа; но онъ живетъ не о хлѣбѣ только единомъ и польза его не въ одномъ только стяжаніи. Первѣе всего ищетъ и алчетъ онъ **Царства Божія и Правды Его**, и цѣль всѣхъ его желаній и помысловъ, это — расположить свою жизнь по законамъ **Правды Божіей**, согласовать съ нею свой церковный, государственный и общественный строй и свои отношенія къ другимъ странамъ и народамъ. Эта завѣтная цѣль нашего **Святорусскаго народа** будетъ путеводной звѣздой, руководящимъ началомъ нашей «РУССКОЙ БЕСѢДЫ» и къ ней будетъ призывать «**БЛАГОВѢСТЬ**».

Въ первыхъ трехъ книжкахъ „Русской Бесѣды“
за Январь, Февраль и Мартъ 1895 г. помѣщены

слѣдующія статьи:

- 1) О задачахъ и направленіи «Р. Б.» *А. Васильева*.
  - 2) Свобода, любовь и вѣра. *Н. Аксакова*.
  - 3) Къ столѣтію рожденія Грибоѣдова. *Арс. Введенскаго*.
  - 4) Евгений Онѣгинъ въ историческомъ значеніи типа. — *Его же*.
  - 5) Значеніе характера въ жизни народовъ по Le Bon'u. *К. Толстого*.
  - 6) Народное хозяйство съ точки зрѣнія нравственности и права. *К. Ф. Одарченка*.
  - 7) Ив. Дм. Бѣляевъ. *С. А. Гадзикаго*.
  - 8) Отношенія политики къ стратегіи по поводу рѣчи В. И. Ламанскаго въ Слав. Обществѣ. *П. А. Гейсмана*.
  - Политическое обозрѣніе:**
  - 9) Россія, Китай, Японія. *Черноморца*.
  - 10) Къ предстоящему открытію Нордъ-остъзейскаго канала. *Его же*.
  - 11) Къ вопросу о Китайско-Японскомъ столкновеніи. *Д. И. Иловайскаго*.
  - 12) По поводу армянскаго вопроса. *Лео*.
  - 13) Вселенскій патріархъ Анеимъ VII. **Зарубежное славянство:**
  14. Прикарпатская Русь въ политико-національномъ отношеніи.
  - 15) Сербія.
  - 16) Положеніе дѣлъ въ Болгаріи. *Герис — ова*.
  - 17) Празднованіе «Крестнаго имени» въ Черногоріи. *П. А. Ровинскаго*.
  - Повѣсти и рассказы:**
  - 18) Забайкальскіе волки. *В. Вельскаго*.
  - 19) Страшная казнь. Герцеговинская быль. *В. Брчевича*.
  - 20) Селяне женили монаха. *Его же*.
  - 21) Черные дни. (Изъ разсказа фельдшерницы). *Н. С—а*.
  - 22) Личное счастье. *Н. Панова*.
  - Вопросы внутренней жизни:**
  23. Ближайшія задачи нашего покровительства. *Д. Иловайскаго*.
  - 24) Пересмотръ законовъ о судопроизводствѣ. *М. Т.*
  - 25) Сельскохозяйственный совѣтъ. *Его же*.
  - 26) Новый пассажирскій тарифъ * * *.
  - 27) 5% промысловый налогъ. *К. Краснова*.
  - 28) По поводу казенной продажи вина. *Альфа-Виты*.
  - 29) Московское городское кредитное общество въ настоящемъ, прошломъ и будущемъ. *В. И. Семеновича*.
  - 30) Сельскохозяйственное дѣло въ Россіи. *Рыи*.
  - 31) По садамъ и огородамъ. *С. Шаранова*.
  - 32) Необходимость измѣненія нѣкоторыхъ параграфовъ духовно-академическаго устава для пользы богословской науки и церкви. Проф. *А. Гусева*.
  - 33) Наши университетскіе диспуты. *Н. Ш.*
  - 34) Дѣятельность С.-Петербургскаго Комитета грамотности. *М. Т.*
  - 35) Наша учащаяся молодежь. *Его же*.
  - 36) Сельскохозяйственные промышленныя желѣзныя дороги.
  - 37) Пересмотръ судебныхъ уставовъ. *Влад. Птицына*.
  - 38) Новыя льготы для владѣльцевъ процентныхъ бумагъ.
  - 39) Сельско-хозяйственное дѣло въ Россіи.
  - 40) О закупкѣ лошадей для государственныхъ конскихъ учреждений.
  - 41) О производствѣ наблюденій надъ нѣкоторыми явленіями растительнаго и животнаго міра въ связи съ нѣкоторыми метеорологическими данными.
  - 42) Культъ великаго въ исторіи. (Великопостныя размышленія на масляничную тему). *Рыи*.
  - Стихотворенія:**
  - 43) Поэту. *Н. Панова*.
  - 44) Дитя. *Я. Верхлицкаго*.
  - 44) Божье дитяtko. *Е. Нечасва*.
- Библиографія. — Объявленія.**